

РЕПЕРТУАРЪ

РУСКАГО

И

ПАТЕОНЪ

ВСЪХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАГАРДЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ

издаваемый

Н. Песоцкимъ.

VII.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1842.

ДРАУГСТВЕНІЕ

СТАНДАРТ

ЖЮРНАЛ

ПЕЧАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ,
установленное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Марта 15 дня 1842 года.

Цензоръ: П. Корсаковъ

Ф. О. Т. В. А. З. Р. Д. И.

ИМПЕРИАЛЬСКАЯ

ИМПЕРИАЛЬСКАЯ

ИМПЕРИАЛЬСКАЯ
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

ИМПЕРИАЛЬСКАЯ

1842

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

СВАДЬБА ПРИ ЛУДОВІКЪ XV,

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Александра Дюма.

Переводъ съ Французскаго В. Строева.

ДѢЙСТВУЮЩАЯ ЛИЦА:

Графъ де Кандаль.

Шевалье де Валькло.

Командоръ.

Жасменъ, слуга Графа.

Швейцарь.

Графиня де Кандаль.

Марта, служанка Графини.

Дѣйствіе происходит въ Парижъ, въ половинѣ XVIII вѣка.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ приемную комнату, которая находится среди двухъ отдаленій дома; двери по срединѣ и съ боковъ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Марта, Жасменъ, входятъ вмѣстѣ.

Марта.

Какъ же кончилась свадьба?

Жасменъ.

Прекрасно: аббатъ сказалъ намъ претрагательную рѣчь; невѣста чуть чуть не упала въ обморокъ, старички проливали горькія слезы.... а на мѣдя находила тоска.... Марта.... надо же и намъ кончить чѣмъ нибудь....

Марта.

Нѣтъ, примѣръ такой свадьбы на меня

не дѣйствуетъ; я подожду другую; не думаю, чтобы въ этой былъ прокъ....)

Жасменъ.

Напротивъ, въ ней все, что нужно...

Марта.

Все, кромѣ любви.

Жасменъ.

Душа моя, въ тебѣ нѣтъ ничего благороднаго; у кого ты служила? Бракъ этотъ самый приличный: соединяются два семейства, почти угасавшія; Графы Кандаль и Торины возрождаются; старинный дворянинъ жеится на старинной дво-
Кн. VI. — 1

рянкѣ, Король обещаетъ крестъ, а ста-
рикъ коммандоръ сейчасъ даетъ шесть-
сотъ тысячъ дохода.... Если и самъ чортъ
вмѣшается въ это дѣло, такъ все таки
оно пойдетъ хорошо....

МАРТА.

Свадьба по духовному завѣщанію....
плохая надежда!

ЖАСМЕНЬ.

Нынче всѣ такъ женятся.... Фельд-
маршалъ, умирая, устроилъ судьбу сына
и племянницы, женивъ ихъ напередъ.... и
поступилъ безподобно.... Теперь, мы такъ
мало уважаемъ себя, что Графиня То-
рины, безъ этой предосторожности, вы-
шла бы, можетъ быть, за какого нибудь
дородного сборщика податей, а Графъ де
Кандаль женился бы на какой нибудь....
нынче часто это случается....

МАРТА.

Бѣдная моя Графиня!... Она могла быть
такъ счастлива!

ЖАСМЕНЬ.

Какъ живя въ провинціи, въ пансіонѣ,
она устроивала уже счастье свое?

МАРТА.

О! Графъ никогда не узнаетъ, чѣмъ
мы для него жертвуемъ!

ЖАСМЕНЬ.

А мы-то! развѣ ты думаешьъ, Марта, что
и у насъ никого нѣть на свѣтѣ?... Я
знаю одну знатную даму, которая непре-
мѣнно будетъ больна.

МАРТА.

О! одинъ молодой человѣкъ вѣро-
умреть!

ЖАСМЕНЬ.

Въ самомъ дѣлѣ!... Чудная встрѣча об-
стоятельствъ!

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же, ШВЕЙЦАРЪ (въ полномъ кс-
тию, съ палькою въ рукахъ, откры-
ваетъ спеднюю дверь настежь).

ШВЕЙЦАРЪ (не входя въ
приемную).

Господинъ Жасменъ!

ЖАСМЕНЬ.

Что ты?

ШВЕЙЦАРЪ.

Тамъ, внизу, въ каретѣ прѣхала дама,
и хочетъ поговорить съ вами.

ЖАСМЕНЬ.

Эдакой дуракъ! Развѣ ты не могъ при-
слать ко мнѣ кого нибудь изъ лакеевъ?
За чѣмъ отошелъ ты отъ дверей? Ну, ес-
ли въ это время возвратятся господа....

ШВЕЙЦАРЪ.

Мнѣ достанется, знаю; да госпожа-то
дала мнѣ десять луидоровъ, чтобы я самъ
справилъ ея порученіе.

ЖАСМЕНЬ.

А! другое дѣло! Скажи ей, что я сей-
часъ прїду, и вели кучеру ея Ѹхать къ
маленькому подъѣзду Графа.

ШВЕЙЦАРЪ.

Иду. (Затворяетъ дверь.)

ЖАСМЕНЬ.

Видишь ли, Марта, что я разсказывалъ
тебѣ не сказки?

МАРТА.

Кто же эта дама?

ЖАСМЕНЬ.

Вѣроятно, покинутая нами.... Но из-
вѣни.... тебѣ непрѣятно будетъ, если я
заставлю ее ждать; падобно имѣть ува-
женіе къ несчастнымъ. (Уходитъ въ дверь
направо отъ зрителей.)

ЯВЛЕНИЕ III.

МАРТА и ШВАЛЬЕ. (Когда Жасменъ
уходитъ, ширмы, столиція на лѣвой
сторонѣ, развертываются, и изъ нихъ вы-
ходитъ Швалье.)

ШВАЛЬЕ.

Марта! милая Марта!

МАРТА (вскрикиваетъ).

Ахъ!

ШВАЛЬЕ.

Тише! молчи! (Отдаетъ ей кошелекъ.)
Развѣ ты меня не узнала?

Марта.

Какъ можно! но я не думала, чтобы вы могли быть здѣсь, за ширмами.... Боже мой! зачѣмъ вы пришли сюда?

Шевалье.

И ты спрашиваешь?

Марта.

Какъ не спросить?... Странно видѣть васъ здѣсь, сегодня, въ ту самую минуту, какъ возлюбленная ваша выходить замужъ за другаго... Какъ вы сюда попали?

Шевалье.

И самъ не знаю.... Какъ сумасшедшій бродилъ я около вашего дома; напалъ на отворенную дверь, и вошелъ такъ, что меня никто не видѣлъ. Пошелъ по лестницѣ, добрался до первого этажа, прошелъ черезъ двѣ или три комнаты, и былъ ужъ здѣсь, когда услышалъ, что ты идешь сюда съ Жасменомъ.... бросился за ширмы.... и вотъ я здѣсь?...

Марта.

Вижу, что вы здѣсь... да чего же вы хотите?

Шевалье.

Чего хочу, Марта?... Хочу видѣть ее еще одинъ разъ.... только одинъ разъ.... сказать ей, что люблю ее, и никогда не буду любить другой.... что свадьба ея приводитъ меня въ отчаяніе, и что я умру....

Марта.

Да, вы уже говорили ей все это!

Шевалье.

Такъ повторю еще разъ!

Марта.

Ахъ! бѣдная Графиня все это знаетъ!... Притомъ, нельзя исполнить вашего желанія: вспомните, что вы здѣсь у ея мужа!

Шевалье.

Знаю, да мнѣ какое дѣло!

Марта.

Знаете ли, что они ужъ вѣнчаются?

Шевалье.

Я самъ хотѣлъ итти въ церковь!

Марта.

А почему же не пошли?... Что за любопытный народъ — любовники!... Наконецъ, знаете ли, что черезъ минуту они могутъ быть здѣсь....

Шевалье.

Я ихъ жду.

Марта.

Какъ! вы ихъ ждете?... да вы съ ума сошли!

Шевалье.

О! могла ли она такъ забыть меня!

Марта.

Да она васъ не забыла... и все еще любить. Я не должна бы говорить вамъ обѣ этомъ, но вы мнѣ такъ жалки....

Шевалье.

Любить меня, а выходить замужъ?

Марта.

Что жъ дѣлать? Такъ рѣшено съ того дня, какъ фельдмаршаль скончался. Въ первый разъ, какъ вы ее увидѣли, вы ужъ знали, что она должна выйти замужъ? Вы толковали съ нею шесть мѣсяцевъ, въ то время, какъ ходили въ монастыры, гдѣ воспитывалась сестрица ваша, а не успѣли приготовиться къ этому несчастію? Вѣдь надоѣло быть разсудительными!

Шевалье.

О! если бы она сдержала хоть обѣщаніе свое!... Марта.... она обѣщала мнѣ....

Марта.

Эхъ! я знаю, что она вамъ обѣщала!

Шевалье.

Знаешь?... Скажи, сдержитъ ли она обѣщаніе?

Марта.

Разумѣется, сдержитъ.... Сколько будетъ можно!

Шевалье.

Какъ, сколько можно?

Марта.

Да! Нельзя же требовать невозможна-

го.... Когда девушка выходит за мужъ....
ну.... такъ она выходит за мужъ!....

ШЕВАЛЬЕ (опускался съ
кресла).

Марта! ты убиваешь меня!

МАРТА.

Вотъ, вы и садитесь! (Треплетъ его по
плечу) Вспомните, что черезъ минуту,
черезъ секунду, можетъ быть, они бу-
дутъ здѣсь.

ШЕВАЛЬЕ (вставал).

Марта! я убью Графа!

МАРТА.

Графа де Кандаля!

ШЕВАЛЬЕ.

Да! Графа де Кандаля, мужа Луизы!

МАРТА.

А я думала, что онъ вамъ другъ.

ШЕВАЛЬЕ.

Да, онъ былъ мнѣ другомъ, а теперь
сталъ смертельный врагомъ; не онъ ли
похищаетъ у меня то, что мнѣ всего
драгоцѣннѣе въ мірѣ?

МАРТА.

Мнѣ становится страшно! Развѣ Графъ
знаетъ про любовь вашу къ его женѣ?

ШЕВАЛЬЕ.

О нѣтъ! Я умѣль скрыть ее отъ всѣхъ...

МАРТА.

Ну, слава Богу, отдыхаю..... Извольте,
сдѣлаемъ сдѣлку. Вы хотите видѣть мою
госпожу, не такъ ли?

ШЕВАЛЬЕ.

Да!

МАРТА.

И понимаете, что это не возможно.

ШЕВАЛЬЕ.

Неужли не возможно?

МАРТА.

Разумѣется... Вѣдь вы не захотите сдѣ-
лать ей зло, повредить ей?

ШЕВАЛЬЕ.

О! сохрани Боже!

МАРТА.

Чѣмъ виновата она передъ вами?....
Чѣмъ, что васъ любила.... что и теперь
любить.... Вотъ и все!

ШЕВАЛЬЕ.

Ты думаешь, что она еще любить меня?

МАРТА.

О! увѣрена!

ШЕВАЛЬЕ.

Если бъ ты знала, какъ это мнѣ пріят-
но!

МАРТА.

И въ награду за эту любовь, вчера не-
винную, сегодня преступную, — вы на-
дѣлаете ей хлопотъ!... Фи! какъ вамъ не
стыдно!

ШЕВАЛЬЕ.

Чувствую, что ты говоришь правду,
Марта; но могутъ ли разсуждать влюблен-
ные?

МАРТА.

Напротивъ, они-то и должны быть осто-
рожны.... Неужели вы хотите поссорить-
ся съ Графомъ.... Заставить его запереть
двери своего дома, для васъ....

ШЕВАЛЬЕ.

Его дома! Можешь быть увѣрена, что
я здѣсь никогда не буду.

МАРТА.

Какъ бы не такъ!... Будете здѣсь зав-
тра.... на этомъ самомъ мѣстѣ....

ШЕВАЛЬЕ.

Клянусь тебѣ....

МАРТА.

О! не клянитесь.... А если Графиня
Кандаль сдержитъ обѣщаніе, данное вамъ
прежде, когда она была еще девицею
Торини.... Нельзя же знать будущаго:
бывають такія странныя приключенія!

ШЕВАЛЬЕ.

Въ такомъ случаѣ, дѣло пойдетъ со-
всѣмъ иначе.

Марта.

- Ага!.... Вотъ вы становитесь разсудительны, и я хочу за это вознаградить васъ. Напишите письмо, я передамъ его.

Шевалье.

Оно у меня ужъ написано.

Марта.

Какъ! готово?

Шевалье.

Зналь ли я, что случится?.... Я написалъ его на всякий случай.

Марта.

Ну! такъ вы не такъ больны, какъ я думала.... Пожалуйте письмо!

Шевалье.

Вотъ оно!.... Передавая его, ты скажешь ей....

Марта.

Скажу, что вы тотчасъ же отсюда ушли, боясь надѣлать ей непріятностей.

Шевалье.

Марта! Мнѣ очень хочется остатся здесь еще на минуту.

Марта.

Извольте оставаться, но я ужъ не возвмусь передать письмо....

Шевалье.

Ухожу. (*Идетъ къ комнатѣ Графа.*)

Марта (останавливая его).

Куда же вы идете?

Шевалье.

Туда, откуда пришелъ.

Марта.

Да вѣдь всѣ увидятъ!.... Пройдите че-резъ мою комнату.... если вѣдь увидѣть кто нибудь, такъ достанется мнѣ одной...

Шевалье (*оборачивалось.*)

Такъ черезъ твою комнату есть вы-ходъ?

Марта.

Да, но вѣдь главную дверь.... я вѣдь предупреждаю....

Шевалье (*въ дверяхъ.*)

Марта, милая Марта, напомни своей госпожѣ о томъ, что она мнѣ обѣщала. (*Входитъ Жасменъ.*)

Марта (*вытѣлкивая Шевалье.*)

Хорошо, очень хорошо.... Черезъ коридоръ.... въ комнату на право.... на маленькую лѣстницу,... и не забудьте захлопнуть за собою дверь.... и такъ, чтобы я слышала!.... (*Слышеніе стукъ двери.*) Ну! хорошо! (*Оборачивается и видитъ передъ собою Жасмена.*)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Марта, Жасменъ (*оба дер-жатъ въ рукахъ по письму.*)

Жасменъ.

Браво, Марта, браво!

Марта.

Безъ секретовъ, Жасменъ....

Жасменъ.

И безъ лжей, Марта.

Марта.

Кто была ваша красавица?

Жасменъ.

Маркиза, вѣдь которую мы влюблены.... А кто былъ этотъ молодой человѣкъ?

Марта.

Тотъ, кто насъ любить?.... А письмо?

Жасменъ.

Это письмо къ Графу.... А записка?

Марта.

Записка.... къ Графинѣ.

Жасменъ.

Какъ же ты говорила, что свадьба кончается дурно; мнѣ кажется, все идетъ безподобно; мы начинаемъ, какъ другие кончаютъ.

Марта (*прячетъ письмо за корсетъ.*)

Надобно признаться, что нынѣшние господа очень развращены.

Жасменъ (прятъ письмо въ боковой карманъ.)
О! не говори, Марта!... Они и нась-то развращаютъ.

Марта.

Тише!

Жасменъ.

Что ты?

Марта.

Они прѣхали.

Жасменъ.

Скорѣе по мѣстамъ!.... Желаю удачи твоему Шевалье.... (Уходитъ въ боковую дверь, на право отъ зрителей).

Марта.

А я желаю счастія твоей Маркизѣ. (Подходитъ къ боковой двери, на лево, но слышитъ голосъ Графини).

Графиня (въ передней).

Марта!

Марта (останавливаясь).

Боже мой! Это голосъ Графини!

(Бѣжитъ къ средней двери, но та растворяется до ея прихода).

ЯВЛЕНИЕ V.

Марта, Графиня (сама отворяетъ дверь).

Графиня.

Помоги, Марта!... Марта! подай мнѣ кресло... Марта, поскорѣй, скорѣе, скрѣе!....

(Упадаетъ въ кресло).

Марта.

Боже мой! Что съ вами сдѣлалось, сударыня?

Графиня.

Марта!... Я обѣщчана!

Марта.

Только-то!

Графиня.

Какъ смѣешь отвѣтить мнѣ такъ спо-

койно, когда знаешь, что я въ отчалинѣ? Марта! у тебя предурное сердце! (Опускаетъ голову на плечо Марты).

Марта.

Боже мой! не упадете ли вы въ обморокъ?

Графиня.

Кажется!... Есть ли у тебя спиртъ, капли.... Марта! я умираю!

Марта.

Есть въ вашихъ комнатахъ.... сейчасъ принесу... (Хочетъ идти, Графиня останавливаетъ ее).

Графиня.

Останься со мною.... Ахъ!

Марта.

Куда жь вы дѣвали Графа?

Графиня.

Я не знаю.... выходя изъ кареты, я побѣжалъ сюда.... (Закрываетъ глаза, величайшемъ истомленіи). Нѣтъ ли у тебя спирта или какихъ капель?

Марта.

Спирта нѣтъ, а есть новость.

Графиня (не открывая глазъ).

Говори!

Марта.

Я видѣла Шевалье....

Графиня (открывая глаза).

Какого Шеаль?

Марта.

Какого?.... развѣ ихъ два на свѣтѣ... разумѣется, Шевалье Валькро....

Графиня (живо).

Ты видѣла его, Марта?.... а гдѣ ты его видѣла?

Марта.

Здѣсь.

Графиня.

Здѣсь!.... Боже мой!.... развѣ онъ приходилъ сюда?.... Ты меня пугаешь!

МАРТА.

Успокойтесь, Ваше Сиятельство; онъ ушелъ....

ГРАФИНА.

Ушелъ!.... отыхаю!.... За чѣмъ приходилъ онъ, несчастный?

МАРТА.

Онъ приходилъ повидаться съ вами въ послѣдній разъ.... онъ былъ какъ безумной....

ГРАФИНА.

Бѣдный Шевалье!

МАРТА.

Онъ хотѣлъ умереть непремѣнно.

ГРАФИНА.

И я тоже!.... Ты видѣла, какъ я сей-
часъ искала смерти, и все для этого дѣ-
лала! Но, какъ быть! нельзѧ умереть на-
сильно!

МАРТА.

Очень хорошо, что нельзѧ; а то часто
приходилось бы раскаяваться....

ГРАФИНА.

Ты говоришь, что онъ ушелъ?

МАРТА.

Да-съ, и я наслуя его уговорила.

ГРАФИНА.

Но вѣрно онъ не ушелъ такъ, а вѣ-
дѣль тебѣ, что нибудь мнѣ сказать....

МАРТА.

Нѣтъ-съ, еще лучше...

ГРАФИНА (въ истомленіи).

Ну, что же?

МАРТА.

Онъ оставилъ письмо.

ГРАФИНА.

Письмо!.... какая дерзость: осмѣлился
писать ко мнѣ? Не такъ ли?

МАРТА.

Въ такомъ отчаянномъ положеніи онъ
думалъ, что вы... изъ уваженія къ его
отчаянію....

ГРАФИНА.

Такъ онъ былъ въ большомъ отчая-
ніи?

МАРТА.

Въ такомъ, что вы вообразить не мо-
жете.

ГРАФИНА.

Все равно!.... я не стану читать его...
гдѣ онъ?

МАРТА.

Вотъ, извольте.

ГРАФИНА (беретъ пись-
мо, читаетъ, говоря рас-
печатываетъ).

Напрасно ты взяла отъ него письмо....
дурно сдѣлала... надоѣло возвратить его
опять назадъ....

МАРТА.

Какъ можно, когда вы изволили его
распечатать.

ГРАФИНА.

Распечатала! Ахъ, Боже мой! и въ са-
момъ дѣлѣ!.... Клянусь тебѣ, Марта, са-
ма не знаю, какъ оно распечаталось.

МАРТА.

Да письма всегда сами собою распеча-
тываются!

ГРАФИНА.

Если оно распечаталось, такъ можно и
прочесть?.... не правда ли?

МАРТА.

Разумѣется, сударыня; лучше вы не
придумаете ничего.

ГРАФИНА (читаетъ).

«Милая Луиза! Если бъ люди умирали
отъ горя, меня не было бы уже въ жи-
выхъ!»

МАРТА.

И я вамъ тоже говорила...

ГРАФИНА (продолжаетъ).

«Одна надежда поддерживаетъ меня....
Думаю, что вы сдергите обѣщаніе, и что
Графъ Кандаль будетъ для васъ не что
иное, какъ братъ...»

МАРТА.

Вы это ему объявили? (Графиня кивает головою в знак согласия) Гмъ!

ГРАФИНИЯ (продолжает).

«Если надбываетесь сдержать слово, подайте мнѣ знакъ, который меня успокоитъ.... занграйте на фортепиано, и я буду счастливѣйшій изъ смертныхъ.» (Переветает читать) Бѣдный Валькл! какъ онъ скроменъ! Онъ просить только, чтобы я поиграла не много на фортепиано!

МАРТА.

Въ самомъ дѣлѣ, меньше этого просять невозможно (Хочетъ взять у Графинии письмо.)

ГРАФИНИЯ.

Погоди, постой!.... есть еще приписка.

МАРТА.

А! есть приписка: ну, это другое дѣло!

ГРАФИНИЯ (читаетъ).

«Безполезно увѣрять васъ, что я проведу всю ночь подъ вашими окнами!... Подъ моими окнами.... ельшины ли, Марта? онъ умретъ отъ холода!»

МАРТА.

Постойте до тѣхъ поръ, пока услышите фортепиано.

ГРАФИНИЯ.

А если не услышите?

МАРТА.

А! тогда я за него не отвѣщаю!

ГРАФИНИЯ (вскакивая).

Марта!

МАРТА.

Что съ вами, сударыня?

ГРАФИНИЯ (прислушиваясь).

Марта!.... Графъ идетъ!... Я убѣгаю....

МАРТА.

Прикажете оставаться здесь или итти за вами?

ГРАФИНИЯ.

За мной! за мной! Вдвоемъ намъ будетъ не такъ страшно!

ЯВЛЕНИЕ VI.

ГРАФЪ (видитъ, что Графиня и Марта убѣгаютъ, останавливается въ дверяхъ; потомъ медленно идетъ къ противоположной двери и хочетъ отворить ее.) ЖАСМЕНЪ.

ГРАФЪ.

Заперта! Я не ошибся: если нападу, она станетъ защищаться. Или я очень заблуждаюсь, или жена моя не имѣеть ко мнѣ ни какой склонности.... О! если бъ я могъ сказать ей, что самъ чувствую, то вѣрно она была бы очень довольна.

ЖАСМЕНЪ (отворяя боковую дверь).

Вы одни, Ваше Сиятельство?

ГРАФЪ.

Совершенно одинъ.

ЖАСМЕНЪ.

Вотъ вамъ письмо.

ГРАФЪ.

Отъ кого?

ЖАСМЕНЪ.

Неужели вы не догадываетесь?

ГРАФЪ.

Никакъ не могу....

ЖАСМЕНЪ.

Такъ вы изволите быть или совсѣмъ равнодушны, или очень скромны.

ГРАФЪ.

Неужели сть Маркизы?

ЖАСМЕНЪ.

Именно отъ нея.

ГРАФЪ.

Давай же скорѣ!

ЖАСМЕНЪ.

Я не зналъ, что сегодня будетъ Вашему Сиятельству время принимать и читать письма.

ГРАФЪ.

Какъ! развѣ ты не знаешь, что я до безумія влюбленъ въ Маркизу?

Жасменъ.

Очень знаю.

Графъ.

Разумѣется!... (Читаетъ.) «Вчера еще вы увѣрили меня, что любите и всегда будете любить только меня одну, что свадьба ваша — только дѣло приличія, и что дѣвица Торини всегда будетъ для васъ сестрою....»

Жасменъ.

Вы изволили это говорить?

Графъ.

Да!... Что дѣлать? Я не зналъ, что сказать ей. Посмотрѣль бы я на тебя, еслибы тебѣ пришлось волочиться за одной, а жениться на другой!

Жасменъ.

Ваше Сиятельство знаете меня: я никогда не даю обѣщаній, которыхъ не хочу держать.

Графъ.

Почему ты знаешь, что я не сдержу своего обѣщанія, по примѣру Ришелье?

Жасменъ.

Да, ваша супруга гораздо лучше жены Ришелье.

Графъ.

Такъ моя жена хорошенькая?... Надобно будетъ посмотрѣть на нее пристальнѣе.

Жасменъ.

Вы изволили забыть о письмѣ.

Графъ.

Ты отвлекъ меня разными глупостями. (Читаетъ) «....Дѣвица Торини всегда будетъ для васъ сестрою. Хочу вѣрить вамъ, и наградить васъ за ваше покертованіе; но въ такихъ случаяхъ не вѣрять на слово. Не хотите ли сегодня ужинать у меня? Съ утра я сижу дома, скажалась больною; вы найдете меня одну, люди мои знаютъ, что не должно принимать никого, кромѣ васъ.» — Подпиши нѣтъ.

Жасменъ.

И не нужно: она сама прѣѣзжала.

Графъ.

Къ намъ?

Жасменъ.

Дасть.... въ открытой каретѣ.

Графъ.

Вотъ женщины!.. Пока я былъ свободенъ, она гнала меня; когда я женюсь, она за мной бѣгаєтъ.... Кто говорилъ съ нею?

Жасменъ.

Я самъ.

Графъ.

А! ты самъ.... Она была печальна?

Жасменъ.

Въ отчаяніи.

Графъ.

Въ отчаяніи! Ты льстецъ, Жасменъ, и говоришь все это для моего удовольствія.

Жасменъ.

Нѣтъ-съ, для правды; если вы не пойдете, тамъ вѣрно случится какое нибудь несчастіе.

Графъ.

Ты думаешь, что она такъ сильно меня любить?

Жасменъ.

Повѣрьте мнѣ, она съ ума сошла!

Графъ.

Что дѣлать?... Постараемся поправить бѣду....

Жасменъ.

Что же прикажете?

Графъ.

Вели Лапіеру заложить гнѣдыхъ лошадей въ карету безъ герба, и пусть ждеть меня у маленькой двери.

Жасменъ (видя, что Графъ идетъ къ Графининой спальни).

Что вы? куда вы идете?

Графъ.

Разумѣется къ Графинѣ; нельзя же уѣхать, не простившись съ нею; надобно вездѣ и всегда соблюдать законы учтивости.

ЖАСМЕНЬ.

Какъ скоро прикажете мнѣ воротиться?

ГРАФЪ.

Черезъ десять минутъ..., или четверть часа!

ЖАСМЕНЬ.

Хорошо-съ.

(Уходитъ въ среднюю дверь; Графъ стучится въ дверь Графини.)

ЯВЛЕНИЕ VII.

ГРАФЪ, МАРТА (за дверью).

МАРТА.

Кто тутъ?

ГРАФЪ.

Это я!

МАРТА.

Что вамъ угодно?

ГРАФЪ.

Я хочу поговорить съ Графиней... Спроси ее, приметъ ли она меня въ своей комнатѣ или ей угодно будетъ выйти ко мнѣ сюда? (Марта не отвѣтываеть). Онѣ вѣрно совѣтуются.

МАРТА.

Графиня желаетъ выйти къ вамъ.

ГРАФЪ.

Такъ я не ошибся: меня боятся; это очень лестно!

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ГРАФЪ, ГРАФИНА.

ГРАФИНА.

Я повинуюсь вашему приказанію, Графъ.

ГРАФЪ.

Моему приказанію, Графиня!... О! вамъ дурно передали слова мои; моей просьбѣ, следовало сказать; и я вамъ очень благодаренъ за ваше снисхожденіе.

ГРАФИНА.

Знаю, что мужья имѣютъ право приказывать...

ГРАФЪ.

Кто это сказалъ вамъ, сударыня?... какой и судь приказный неучъ!

ГРАФИНА.

Нѣть, тетка моя.

ГРАФЪ.

А! въ ея время точно такъ было; мужья были дикие звѣри, но въ наше время они просвѣтились, и теперь жены приказываютъ, а мужья повинуются.

ГРАФИНА.

О! я вовсе не хочу повелѣвать вами, и если бъ могла быть увѣрена....

ГРАФЪ.

Что я не стану приказывать, требовать...

ГРАФИНА.

По крайней мѣрѣ того, что для меня трудно...

ГРАФЪ.

Успокойтесь, Графиня; можетъ статься, я буду просить... умолять васъ... все можетъ быть... но приказывать никогда не стану.

ГРАФИНА.

Въ самомъ дѣлѣ?... Такъ выходить за мужъ не такъ страшно, какъ говорятъ?

ГРАФЪ.

Бываютъ разныя замужства... Наше, напримѣръ, совсѣмъ не похоже на всѣ другія... Неудобно ли вамъ сѣсть, Графиня; или я подумаю, что вы хотите ужъ уйти?

ГРАФИНА.

Какъ можно! Я сѣсть теперь не боюсь, и готова сидѣть съ вами, сколько вамъ угодно.

ГРАФЪ (подавая ей стулъ).

, кажется, буду ужинать у Маркизы!

ГРАФИНА.

Бѣдный Шевалье!... какъ онъ будетъ доволенъ!

ГРАФЪ (тоже садится).

Наша свадьба уладилась самымъ страннымъ образомъ. Родители наши распорядились нами, и поручили дадѣ

нашему, коммандору, исполненіе послѣдней своей воли. Можно ли противиться дядюшкѣ, который даетъ намъ шесть сотъ тысяч ливровъ въ день свадьбы, и обѣщаетъ еще вчетверо больше послѣ своей смерти?... Нельзя! Вы воспитывались въ Суассонѣ, я жилъ при дворѣ въ Версалѣ; мы не могли часто видѣться; да за чѣмъ и видѣться, когда мы напередъ знали, что нась обѣнчиваются? Если мы должны понравиться другъ другу, такъ еще успѣмъ.... если можемъ любить другъ друга.... такъ и въ этомъ успѣмъ; и чѣмъ меныше сдѣлано, тѣмъ лучше, потому что чѣмъ больше остается дѣлать.

Графиня (живо).

Я боюсь, Графъ, что вы никогда не будете любить меня.

Графъ.

А я думаю напротивъ; вы боитесь, Графиня, что я когда нибудь буду любить васъ.

Графиня.

Какъ можно, Графъ!

Графъ.

Почему же вы думаете, что я никогда не буду любить васъ?

Графиня.

Потому что во мнѣ много недостатковъ.

Графъ.

А я, развѣ я безъ недостатковъ?

Графиня.

О! Ваши недостатки гораздо сноснѣе моихъ, я въ томъ увѣрена.

Графъ.

Не знаю.... посмотримъ!

Графиня.

Во-первыхъ, я ужасно любопытна.

Графъ.

И я любопытна до безумія.

Графиня.

Я капризна.

Графъ.

А я упрямъ.

Графиня.

При малѣйшей непріятности, я сержуясь....

Графъ.

А я бѣшуясь.

Графиня.

Начинаю рвать блонды....

Графъ.

А я рву свои кружева.

Графиня.

Бью статуйки и вазы....

Графъ.

А я бью зеркала!

Графиня.

Браню Марту....

Графъ.

Я бью Жасмена.

Графиня.

Какъ странно! У нась одинаковые недостатки!

Графъ.

Графиня! это симпатія, или я самъ себя не понимаю.

Графиня.

А больше у васъ нѣть недостатковъ?

Графъ.

Забылъ сказать еще про что-то...

Графиня.

А!

Графъ.

Я игрокъ!

Графиня.

Игрокъ! Это не хорошо! Ну, все таки вы, должно быть, пріятный игрокъ....

Графъ.

Опять! Пренесносный! Если бъ я игралъ на моровую язву, такъ и ту хотѣлъ бы выиграть. А вы любите игру?

Графиня.

Что вы?... я?... Я никогда не играю.

Графъ.

Ну, такъ у васъ есть какой нибудь другой недостатокъ вмѣсто этого?

Графиня.

Есть одинъ.... да мнѣ хотѣлось бы скрыть его отъ васъ.

ГРАФЪ.

Секретъ между нами, Графиня?... Какъ можно! Секреты могутъ быть только у людей, которые влюблены взаимно!

ГРАФИНА.

Такъ вы требуете, чтобы я вамъ все сказала?

ГРАФЪ.

Я ужъ сказала, что никогда не буду требовать....

ГРАФИНА.

Такъ вы просите меня?

ГРАФЪ.

Да, прошу.

ГРАФИНА.

Не смѣю рѣшиться....

ГРАФЪ.

Это что нибудь ужасное!

ГРАФИНА.

Да!

ГРАФЪ.

Я вамъ сказала, что я любопытенъ, а вы мнѣ сказали, что и вы любопытны... такъ скажите же мнѣ эту тайну.... я же, въ свою очередь, скажу вамъ еще кое-что...

ГРАФИНА.

Въ самомъ дѣлѣ?

ГРАФЪ.

Честное слово!

ГРАФИНА.

Такъ видите ли.... (останавливается).

ГРАФЪ.

Я слушаю.

ГРАФИНА.

А я вся дрожу.

ГРАФЪ (беретъ ея за руку).

Успокойтесь, Графина.

ГРАФИНА.

Когда я воспитывалась въ Суассонѣ, у меня была подруга...

ГРАФЪ.

Тутъ нѣтъ еще ничего дурнаго!

ГРАФИНА.

Да, но у ней былъ братъ.

ГРАФЪ.

А! у ней былъ братъ!

ГРАФИНА.

Когда онъ приходилъ къ ней, она всегда брала меня съ собою... такъ для развлечения... вѣдь вы знаете, какъ скучно въ пансіонахъ?

ГРАФЪ.

Все еще нѣтъ ничего дурнаго.

ГРАФИНА.

Но вотъ теперь начинается дурное.

ГРАФЪ.

Посмотримъ!

ГРАФИНА.

Мало по малу я привыкла видѣть Шевалье... и начала различать дни, чего я прежде никогда не дѣлала; и сердилась въ тѣ дни, когда онъ не приходилъ; съ нимъ тоже самое случалось, и потому онъ рѣшился ходить къ намъ два раза въ недѣлю вместо одного, потомъ три раза; потомъ четыре, а наконецъ сталъ приходить каждый день.

ГРАФЪ.

А ваша подруга всегда съ вами оставалась, я надѣюсь?

ГРАФИНА.

О! всегда! да это и погубило насъ!

ГРАФЪ.

Какъ же?

ГРАФИНА.

Да, Шевалье не смѣлъ сказать мнѣ, что любитъ меня.... а говорилъ сестрѣ своей... я тоже... вы знаете, что въ пансіонѣ между подругами нѣтъ ни какихъ тайнъ... я тоже говорила ей, что вижу Шевалье съ особымъ удовольствиемъ, а она все пересказывала брату... и вдругъ однажды намъ стало ясно, что мы любимъ другъ друга, хоть мы никогда обѣ этомъ не говорили... Мы сами не знали, какъ это сдѣлалось.

ГРАФЪ.

Какой счастливецъ этотъ Шевалье!

ГРАФИНА.

Да, онъ былъ очень счастливъ, да и я

была тоже очень счастлива (*Графъ кланяется въ знакъ благодарности*). И въ это самое время дядюшка прислалъ мнѣ сказать, чтобы я готовилась выходить за въсъ за-мужъ... Даже вы не смѣли противиться его волѣ, какъ же бы смѣла я? Представьте себѣ наше отчаяніе. Мы поклялись любить другъ друга, и я держу клятву...

ГРАФЪ.

Противъ воли... я это замѣтилъ.

ГРАФИНА.

Что же дѣлать? Я не знала, что вы такъ добры; я имѣла о замужствѣ Богъ знаетъ какія понятія... я боялась...

ГРАФЪ.

А теперь вы успокоились.

ГРАФИНА.

Немножко.

ГРАФЪ.

Какъ же вы рѣшили участъ Шевалье?

ГРАФИНА.

Я знаю свои обязанности, Графъ; знаю чѣмъ я обязана человѣку, который обращается со мною такъ вѣжливо. Я не увижу болѣе Шевалье... никогда...

ГРАФЪ.

Это черезъ чуръ строго, Графиня. Онъ подумаетъ, что я требую отъ васъ такой жертвы... онъ вездѣ станетъ разсказывать, что я ревнивецъ, и разсказы его повредятъ моей репутаціи. Какъ можно увѣрять, что никогда не увидите человѣка, когда можете встрѣтиться съ нимъ въ театрѣ, на гуляньяхъ, на балѣ? Нѣтъ, Графиня, надобно обѣщать только то, что можно сдержать... Я вполнѣ вѣряюсь вамъ, вашимъ правиламъ и почтенію, которое вы должны имѣть къ имени, полученному при свадьбѣ... Не бѣгайте отъ Шевалье, и не ищите его; а если встрѣтите его, старайтесь обращаться съ нимъ, какъ обращаетесь со всѣми знакомыми... Для меня и этого будетъ довольно!

ГРАФИНА.

О Графъ! (Беретъ его за руку). Я бы-

ла бы очень виновата, еслибы обманула такую довѣренность.

ГРАФЪ.

Оставляю васъ; конецъ разговора такъ же успокоилъ меня, какъ напугало начало.

ГРАФИНА.

Вы ужъ уходите!

ГРАФЪ.

Неужели я такъ счастливъ, что вы хотите удерживать меня?

ГРАФИНА.

О нѣтъ! нѣтъ! Но вы тоже хотѣли разсказать мнѣ что-то такое...

ГРАФЪ.

Правда, я вамъ обѣщалъ; но послѣ вашихъ сценъ въ пансіонѣ, послѣ вашихъ взаимныхъ клятвъ, моя исторія слишкомъ обыкновенна, и мнѣ лучше замолчать.

ГРАФИНА.

Все таки лучше разскажите.

ГРАФЪ.

У меня не любовь, а такъ, дружба съ одною Маркизою.

ГРАФИНА.

Молоденькою?

ГРАФЪ.

Лѣтъ въ двадцать пять.

ГРАФИНА.

Замужнею?

ГРАФЪ.

Она вдова.

ГРАФИНА.

А зовутъ ее...

ГРАФЪ.

Ахъ, Графиня, я у васъ не спрашиваю обѣ имени Шевалье.

ГРАФИНА.

Вы правы, сударь.

ГРАФЪ.

Я васъ не задерживаю, Графиня.

ГРАФИНА.

И я не хочу васъ беспокоить.

ГРАФЪ (кланяясь).

ГРАФИНА.

ГРАФИНА (присѣдал).

ГРАФЪ!

ГРАФЪ (быстро повернувшись). |

Жасменъ!

ГРАФИНА.

Теперь вижу, что оставаться върно бѣдному Шевалье не такъ трудно, какъ я воображала (уходитъ въ свою комнату).

ГРАФЪ.

Я, върно, сдержу слово, данное Маркизѣ.

Жасменъ (выходя изъ боковой двери).

Что угодно?

ГРАФЪ.

Готова ли карета?

Жасменъ.

Ждетъ у маленькаго подъезда.

ГРАФЪ.

Дай мнѣ плащъ.

Жасменъ.

А! Ваше Сиятельство изволите ъхать!

ГРАФЪ.

Разумѣется ъду. (Въ комнату Графини слышны громкіе звуки фортепіано.) Что такое?

Жасменъ.

Върно Графиня играеть на фортепіано.

ГРАФЪ.

Ба! да это у ней прекрасный талантъ! (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Жасменъ, Марта.

Марта (вбѣгая).

Жасменъ!... тесь.

Жасменъ.

А! это ты, Марта... что дѣлается у васъ на половинѣ?

Марта.

Мы даемъ концертъ нашему Шевалье... а что у васъ?

Жасменъ.

Мы ъдемъ ужинать къ Маркизѣ.

ГРАФЪ (изъ своей комнаты).

Жасменъ!

Жасменъ.

Сейчасть, Ваше Сиятельство!

ГРАФИНА (изъ своей комнаты).

Марта!

Марта.

Иду, сударыня! (Бѣжитъ къ двери и остановясь на порогѣ говоритъ) Вотъ престранная первая дочь послѣ свадьбы!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Декорации тѣ же).

ЯВЛЕНИЕ I.

ГРАФЪ, ШЕВАЛЬЕ (входитъ вмѣстѣ).

ГРАФЪ.

Какъ! тебя ли я вижу, любезный Шевалье? Я думалъ, что ты умеръ, и хо-

тѣль носить по тебѣ трауръ... Что тебя не было видно цѣлыхъ шесть мѣсяцівъ?

ШЕВАЛЬЕ.

Что дѣлать, мой милый? Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ дали полкъ, и военный министръ

взыскиваетъ съ меня за неисправность ка-
рауловъ, я самъ себѣ не принадлежу, и
безпрестанно перехожу изъ мѣста въ мѣ-
сто, то въ Пикардію, въ Ланъ, то въ Ме-
зіеръ; скитаюсь между людьми, которые
говорятъ языкомъ Готтентотовъ или Иро-
кезовъ! Наконецъ, дали мнѣ отпускъ на
шесть мѣсяцівъ, и я въ Парижѣ!

ГРАФЪ.

Когда прѣѣхалъ?

ШЕВАЛЬЕ.

Дни три.

ГРАФЪ.

Три дня, а я только сегодня утромъ
вижу тебя въ первый разъ!

ШЕВАЛЬЕ.

Какъ я могъ явиться къ тебѣ? Я зналъ,
что ты въ хлопотахъ...

ГРАФЪ.

Да, кстати; я вчера женился; ты зна-
ешь?

ШЕВАЛЬЕ.

Какъ не знать! Когда человѣкъ, подоб-
ный тебѣ, женится, весь Парижъ только
объ этомъ и говоритъ.

ГРАФЪ.

Это дѣло давно уже было слажено, и
я дядя безпрестанно напоминалъ мнѣ о
немъ.... Я откладывалъ его, сколько могъ...
но, наконецъ, надобно было поддаться...

ШЕВАЛЬЕ.

А гдѣ же теперь дядюшка?

ГРАФЪ.

Въ деревнѣ; его мучить подагра.

ШЕВАЛЬЕ.

А ты доволенъ?

ГРАФЪ.

Да!... ты понимаешь: такія свадьбы
по расчету устроиваются старыми род-
ственниками.... У кузины моей, какъ ска-
зывалъ управляющій моими дѣлами, ты-
сяч пятьдесятъ или шестьдесятъ годового
дохода, бриллантовъ — цѣльные короба, и
кромѣ того еще шестьсотъ тысячъ лив-
ровъ, маіоратъ (какъ говорятъ Нѣмцы)
въ пользу первого нашего будущаго сы-
на.... А!... забылъ самое важное: у ней

прекрасное имя; оно скраситъ нашу ро-
дословную.... Графиня Торини....

ШЕВАЛЬЕ (притворяясь).

Торини!... Постой.... постой.... вѣдь
я ее знаю!

ГРАФЪ.

Разумѣется.... Во-первыхъ, ты зналъ
покойнаго Маршала, ея отца; а потомъ
есть еще старая тетка, Маркиза То-
рини, которой теперь лѣтъ полтораста;
жена моя получитъ послѣ нея наслѣд-
ство.

ШЕВАЛЬЕ.

Припоминаю.... старая статсъ-дама гер-
цогини, старинная пріятельница Лозюна.

ГРАФЪ.

Точно такъ.... Кажется, черезъ нее мы
родня Биронамъ, съ лѣвой стороны....
Эта старушка сама занималась воспита-
ніемъ племянницы, держала ее при себѣ,
въ Суассонѣ, у какихъ-то монастырокъ,
кармелитокъ или....

ШЕВАЛЬЕ.

Кажется, у сестеръ Св. Иоанна?

ГРАФЪ.

Именно! А ты почему знаешь?

ШЕВАЛЬЕ.

У меня тоже сестра воспитывалась тамъ
въ монастырѣ!

ГРАФЪ.

Ага! у тебя есть сестра въ монастырѣ?

ШЕВАЛЬЕ.

Что жъ тутъ удивительного?

ГРАФЪ.

Ровно ничего! Что жъ удивительного,
что сестра твоя воспитывается въ мона-
стырѣ? И ты говоришь, что сестра твоя
жила въ Суассонѣ?

ШЕВАЛЬЕ.

Да.

ГРАФЪ.

У сестеръ Св. Иоанна?

ШЕВАЛЬЕ.

Да.

ГРАФЪ.

Вотъ что!

ШЕВАЛЬЕ.

Я стоял съ полкомъ въ Ланѣ, оттуда
только восемь лѣв до Суассона....

ГРАФЪ.

Такъ ты ъездила навѣщать сестру?

ШЕВАЛЬЕ.

Очень часто: два, три раза въ недѣлью, а иногда и чаще.

ГРАФЪ.

Да ты примѣрный братъ!

ШЕВАЛЬЕ.

Что жъ дѣлать? Караулы такъ надѣдаются, что надобно же чѣмънибудь себя разсѣять... и мнѣ кажется, что я видѣлъ твою жену....

ГРАФЪ.

И мнѣ тоже кажется.... Во всякомъ случаѣ, мой милый, ты позволишь мнѣ представить тебя ей... Если вы не знакомы, такъ познакомитесь; а если ужъ видались прежде, такъ возобновите знакомство, вотъ и все!

ШЕВАЛЬЕ.

Я только что хотѣлъ просить тебя....
Гдѣ она?

ГРАФЪ.

Въ своей комнатѣ! Погоди, я схожу къ ней.... (Подходитъ къ двери.) Ага! Сегодня дверь не заперта! Это шагъ впередъ.... Подожди меня здѣсь, Шевалье, я сейчасъ приду....

ЯВЛЕНИЕ II.

ШЕВАЛЬЕ, потомъ МАРТА.

ШЕВАЛЬЕ.

Готовъ поклясться, что шалуны, ему подобные — не мужья, а прелесть! Онъ представить меня женой своей! Я не посмѣль бы просить его.... а онъ предложилъ самъ! Нельзя быть милѣе!

МАРТА (входитъ въ среднюю дверь, идетъ къ комнатѣ Графини).

Какъ! это вы, сударь?

ШЕВАЛЬЕ.

Да, я самъ! Чему ты изумилась?

МАРТА.

Я думала, что вы рѣшились никогда сюда не ходить.... «Марта! я здѣсь въ послѣдній разъ! клянусь тебѣ!»... Когда вы это говорили?... Кажется, не далѣе какъ вчера?

ШЕВАЛЬЕ.

Вчера я былъ въ отчаяніи.

МАРТА.

А сегодня?

ШЕВАЛЬЕ.

Сегодня — счастливѣйшій изъ любовниковъ.

МАРТА.

«Я убью Графа!» — Вчера тигръ, сегодня агнецъ! Ахъ правду говорятъ, что музыка смягчаетъ правы людей!

ШЕВАЛЬЕ.

Развѣ ты знаешь?

МАРТА.

Я всегда знаю все.

ШЕВАЛЬЕ.

Рада ли она будешь видѣться со мною?

МАРТА.

Можно ли спрашивать?... Разумѣется, будетъ въ восторгѣ!... Но, успѣли ли вы предупредить ее?

ШЕВАЛЬЕ.

Нѣтъ, не успѣли.

МАРТА.

Ахъ, какъ вы неосторожны!... Ну, если она, увидѣвшъ васъ, вскрикнетъ....

ШЕВАЛЬЕ.

И ничего, Марта, я принялъ свои мѣры. Графъ знаетъ, что сестра моя воспитывалась вмѣстѣ съ Луизою, въ одномъ монастырѣ, и стало быть, ему нельзѧ будеть удивляться, если она меня узнаетъ.

МАРТА.

Кто же рассказалъ все это Графу?

ШЕВАЛЬЕ.

Да я самъ.

МАРТА.

Хорошо! ловко! Я вижу, сударь, что женщина можетъ вамъ ввѣриться; однажды, будьте осторожны, Графъ очень хитръ...

ШЕВАЛЬЕ.

Онъ ничего не знаетъ, Марта.... ничего!

МАРТА.

Тсъ!... Идуть!

(Отходитъ прочь, къ столу, и показываетъ, что чего-то на немъ пишетъ.)

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же, Графъ (ведетъ Графиню за руку).

ГРАФЪ.

Графиня! позвольте представить вамъ капитана Валько, лучшаго изъ друзей моихъ... (Въ сторону.) Это онъ! рука ея дрожитъ!

ШЕВАЛЬЕ.

Графиня!...

ГРАФИНА.

Милостивый государь!...

Графъ (къ Шевалье).

Ну! видѣлъ ли ты ее?

ШЕВАЛЬЕ.

Кажется, нѣтъ....

ГРАФЪ.

Нѣтъ!.. Марта! подай кресло Графинѣ.

ГРАФИНА (Марти).

Не нужно.

МАРТА.

Я вамъ не нужна, сударыня?

ГРАФИНА.

Нѣтъ; дождись меня въ моей комнатѣ.

ШЕВАЛЬЕ.

Графиня позволитъ мнѣ засвидѣтельствовать ей нижайшее мое почтеніе; я здѣсь не могу быть ни равнодушнымъ, ни постороннимъ; я десять лѣтъ—другъ Графа.

ГРАФЪ.

О! это правда, Графиня.... и даже изъ лучшихъ моихъ друзей... милый Шевалье!

ГРАФИНА.

Васъ знакомить со мною Графъ, и вы можете быть увѣрены, что я буду умѣть оцѣнить васъ....

Графъ (къ Шевалье).

Не правда ли, не худо для монастырки? (Къ входящему Жасмену.) Что тебѣ? Нѣтъ ни минуты покоя!

Жасменъ (у дверей).

Письмо къ Вашему Сіятельству.

ГРАФЪ.

Письмо!... Позволите, Графиня...

ГРАФИНА.

О, Графъ!...

Жасменъ (тихо Графу).

Отъ Маркизы; она пишетъ, что ждетъ вѣсъ вѣхъ въ Елисейскія Поля; посланный ждетъ отвѣта.

ГРАФЪ.

Вели ему подождать; вели закладывать лошадей.... Извини, Шевалье, мнѣ надобно написать записочку.... Графиня, я оставляю васъ въ приятной компаніи.

(Уходитъ въ свою комната, а Жасменъ въ среднюю дверь).

ЯВЛЕНИЕ IV.

ШЕВАЛЬЕ И ГРАФИНА.

ШЕВАЛЬЕ (сидитъ гла-
зами за Графомъ и
Жасменомъ, потомъ
обращается и ви-
дитъ, что Графиня
хочетъ уйти; бѣ-
житъ къ ней и оста-
пливаетъ ее).

Луиза! что вы дѣлаете?

ГРАФИНА.

Я не знаю, право, должна ли я оста-
ваться?

ШЕВАЛЬЕ.

Какъ! у васъ достало бы духу уйти,
когда наконецъ мы улучили минуту свидѣнія! Я едва не умеръ вчера съ отчаяніемъ.... спросите у Марты.... а сегодня едва не задохся отъ радости.... Если вы уйдете, кого же я буду благодарить за ваши милости?

ГРАФИНА (опустивъ глаза)

Я сдержала только свое обѣщаніе, и сдержавъ его, такъ же была счастлива

какъ и вы, когда вы узнали, что я не измѣнила слову....

ШЕВАЛЬЕ.

О! если бъ вы знали, какую чудную ночь я провелъ.... какъ я мечталъ.... До сихъ поръ я не былъ увѣренъ въ вашей любви, а теперь....

ГРАФИНА.

Если вы думаете, Шевалье, что обязаны мнѣ чѣмъ нибудь моей снисходительности, такъ прошу васъ, не продолжайте нашего свиданія.... Вы видѣли, какъ я страдала.... я думала, что упаду въ обморокъ....

ШЕВАЛЬЕ.

Чтобъ я ушелъ, Графиня, когда мужъ вашъ вышелъ отсюда, ничего не подозрѣвая.... когда онъ оставляетъ насъ однихъ?... О! если бъ я васъ послушалася, это значило бы, что я васъ не люблю, и вы первыя наказали бы меня за такое равнодушіе. Вспомните, сколько у насъ есть предметовъ для разговора, сколько воспоминаній, сколько мыслей, скрытыхъ въ душѣ, просятся наружу!.... Мнѣ уйти!.... О пѣтъ!.... Я не уйду, пока вы меня не прогоните.

ГРАФИНА.

Какъ вы жестоки, Шевалье! Вамъ, по слабости, признались, что васъ любить,— и вы стали взыскательны, — тиранъ.... Это дурно! Вспомните, что я не принадлежу самой себѣ, хоть и не принадлежу другому!....

ШЕВАЛЬЕ.

А вы забываете, Графиня, что этотъ другой похитилъ васъ у меня, отнялъ у меня мое сокровище.... Я нашелъ и требую его назадъ, вотъ и все! О! Я поймалъ вора, и не дамъ ему пощады!....

ГРАФИНА.

Молчите, Шевалье.

(Каждый становится на то место, на которомъ стоялъ въ то время, когда Графъ вышелъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢЖЕ ГРАФЪ.

ГРАФЪ (бросаетъ взглядъ на нихъ, потомъ идетъ къ серединѣ двери и кричитъ).

ЖАСМЕНЪ!

ЖАСМЕНЪ.

Что прикажете?

ГРАФЪ.

Вотъ отвѣтъ. (Жасменъ уходитъ. Графъ выходитъ на авансцену). Ну, Графиня, о чѣмъ вы поговорили съ Шевалье?....

ГРАФИНА.

Да ни о чѣмъ!....

ГРАФЪ.

Какъ, Шевалье! Ты остаешься на единѣ съ хорошенькою дамою, и не говоришь ейничего! За него прошу у васъ прощенія, Графиня; не судите его по первому свиданію; онъ малый умный, но сегодня что-то печаленъ!

ГРАФИНА.

Въ самомъ дѣлѣ, вы печальны?

ШЕВАЛЬЕ.

Не знаю, съ чѣго Кандаль это взялъ; онъ это выдумалъ; напротивъ, никогда не бывалъ я такъ веселъ и счастливъ, какъ теперь.

ГРАФЪ.

Потому что умѣть владѣть собою.... но вы увидите, Графиня, говорить ли онъ вамъ правду.... Представьте же себѣ, во-первыхъ, что онъ влюбленъ!....

ГРАФИНА.

А!

ГРАФЪ.

До безумія!

ШЕВАЛЬЕ.

Что хочетъ онъ сказать?

ГРАФЪ.

Потомъ вы, можетъ быть, не знаете, что у Шевалье есть сестрица!....

ГРАФИНА (начиная беспокоиться).

А! у него есть сестра!....

ГРАФЪ.

Да, она воспитывается въ монастырѣ; Шевалье примѣрный братъ, и очень часто навѣщалъ сестру свою.... У сестрицы была подруга.... которая называлась... какъ бишь она называлась, Шевалье?....

ШЕВАЛЬЕ.

Я не знаю.... не понимаю....

ГРАФЪ.

Да, не въ имени дѣло.... Словомъ, Шевалье, очень легко воспламеняющейся, не могъ видѣть этой барышни и не влюбиться въ нее....

ШЕВАЛЬЕ.

Увѣряю васъ, Графиня, что въ этомъ нѣтъ ни слова правды.

ГРАФЪ.

Увѣряю тебя, Шевалье, что Графиня въ этомъ случаѣ совершенно мнѣ повѣрить.... Не такъ ли?

ГРАФИНИЯ.

Я знаю, Графъ, что вы неспособны обманывать меня.

ГРАФЪ.

Видишь ли, Шевалье; Графиня спрашивалъ ко мнѣ, чѣмъ ты; однакожъ, она знаетъ меня только со вчерашняго дня, а мы знакомы съ тобою ужъ десять лѣтъ.... Но кончимъ же.... Однажды Шевалье узналъ, что возлюбленная его помолвена за какого-то Графа, и что она уѣзжаетъ изъ монастыря вѣнчаться.... Развѣ не такъ было дѣло?

ШЕВАЛЬЕ.

Слушаю и жду, потому что не знаю, что ты хочешь сказать.

ГРАФЪ (Графинѣ, кото-

ралъ едва держится
на ногахъ).

Сядьте, Графиня, вамъ будетъ лучше.

ГРАФИНИЯ.

Да, я едва дышу!

ГРАФЪ.

Они въ отчаяніи, какъ вы можете представить себѣ; плачутъ, даютъ обѣщанія, мѣняются клятвами, словомъ, дѣлаютъ все, что обыкно ~~чно~~ исполняется въ подоб-

ныхъ случаяхъ.... Однакожъ.... слѣдовало разстаться.... то была страшная минута.... Вы можете вообразить ее, Графиня.... Свадьбу сыграли, Шевалье чуть не умеръ.... и теперь еще, посмотрите, Графиня, онъ не поправился.

ШЕВАЛЬЕ.

Да, я чувствую дурноту.... хочу на свѣжий воздухъ....

ГРАФЪ (останавливая
его).

Эхъ, Шевалье, будь поотважище! По счастію, мужъ... какое неожиданное столкновеніе обстоятельствъ!.. . по счастію, мужъ былъ самый искренній другъ Шевалье, и Валько, влюбленный до безумія, не потерялъ головы.... О! Шевалье все таки находчивъ, хоть вы видите его въ смущеніи.... Онъ явился къ мужу, поздравилъ его и просилъ познакомить его съ женой, не воображая, что мужъ знаетъ все. Вы постигаете, Графиня, положеніе бѣднаго Шевалье, когда онъ увидалъ, что все открыто?

ГРАФИНИЯ (съ трепетомъ).

А.... что же сдѣлалъ мужъ?

ГРАФЪ.

Что онъ сдѣлалъ?... Онъ былъ человѣкъ порядочный.... Онъ поступилъ въ этомъ случаѣ, какъ слѣдовало знатному человѣку; онъ не захотѣлъ показаться смѣшнымъ ревнивцемъ; притомъ же, онъ зналъ, что ревность не поможетъ; въ такихъ случаяхъ, пріятное обхожденіе гораздо полезнѣе браны и гиѣва.... Онъ только показалъ вѣроломнымъ, что они его не проведутъ.... У него были какія-то дѣла, онъ взялъ шляпу, и спокойно оставилъ ихъ вмѣстѣ, наединѣ, надѣясь на честность одного и на деликатность другой.... А если они измѣнятъ его довѣrio, обманутъ его.... ну.... тѣмъ хуже для нихъ!.. . Вотъ что сдѣлалъ мужъ!

(Кланяется имъ и выходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

ШЕВАЛЬЕ, ГРАФИНА.

ШЕВАЛЬЕ (падает въ кресло, стоящее противъ того, на ко-
торомъ сидитъ Графиня).

Вѣрою какой нибудь тайный демонъ
рассказываетъ ему тайны, хранимыя въ
сердцахъ людей!

Графиня.

Не говорю ничего про васъ, Шевалье;
но я за себя не могу жаловаться: я за-
служила все это!

ШЕВАЛЬЕ.

Извините, я не согласенъ, Графиня;
чѣмъ могли вы заслужить такой урокъ?

Графиня.

Чѣмъ, что сегодня забыла его вчераш-
нюю снисходительность.

ШЕВАЛЬЕ.

Что же онъ для васъ сдѣлалъ?

Графиня.

Что онъ сдѣлалъ, Шевалье!... Онъ ви-
дѣлъ, какъ слезы текли ручью по щекамъ моимъ, какъ я дрожала, блѣдѣла,
будто бы готовясь къ смерти; онъ пожа-
лѣлъ обо мнѣ.... Однако жъ, онъ мой вла-
стелинъ.... Я могла умолять, плакать....
а все таки должна была бы принадле-
жать ему.... А онъ обошелся со мною по-
чтительно, точно какъ съ сестрою.

ШЕВАЛЬЕ.

Вы думаете, что онъ поступилъ такъ
изъ одного великодушія?

Графиня.

Разумѣется, думаю.

ШЕВАЛЬЕ.

Выходите же изъ забужденія: онъ сѣпъ,
но все равно.... Хоть вы не повѣрите, а
это правда; онъ равнодушенъ къ вамъ....

Графиня.

Равнодушенъ?

ШЕВАЛЬЕ.

И еще сдѣлуетъ прибавить: влюбленъ
въ другую.

Графиня.

Въ другую!.... Да, я вспомнила,

ШЕВАЛЬЕ.

Развѣ вами не сказывали, что онъ во-
лочится за одною хорошенькою Марки-
зой?

Графиня.

Онъ самъ вчера рассказывалъ мнѣ....
но странно... вчера я не обратила на это
вниманія, и почти забыла....

ШЕВАЛЬЕ.

Знаете ли гдѣ онъ теперь?

Графиня.

Я не гадальщица — не знаю.

ШЕВАЛЬЕ.

Онъ поѣхалъ къ ней!

Графиня.

Кто вамъ сказалъ?

ШЕВАЛЬЕ.

Письмо, которое ему приносили...

Графиня.

Ну, что жъ? отъ кого оно?

ШЕВАЛЬЕ.

Его приносилъ лакей Маркизы.

Графиня.

А! вы только догадываетесь!

ШЕВАЛЬЕ.

Нѣтъ... когда Жасменъ отворилъ дверь,
и видѣлъ ливрею вишневаго цвѣта съ
серебромъ.

Графиня.

Шевалье! вы знаете эту Маркизу?

ШЕВАЛЬЕ.

Маркизу Эпарвиль?

Графиня.

А! ее зовутъ Маркизой Эпарвиль!

ШЕВАЛЬЕ.

Какъ не знать! Она изъ тѣхъ женщинъ,
которые теперь въ модѣ.

Графиня.

Въ самомъ дѣлѣ! Шевалье, вообразите,
что я не женщина, и отвѣтайте мнѣ...
хороша ли она?

ШЕВАЛЬЕ.

Такъ, не дурна... свѣженькое лицо,
у которого одна прелесть — игривость.

ГРАФИНА.

Блондинка или брюнетка?

ШЕВАЛЬЕ.

Блондинка.

ГРАФИНА.

Глаза голубые или черные?

ШЕВАЛЬЕ.

Голубые.

ГРАФИНА.

Голубые глаза очень хороши; вы любите блондинокъ, Шевалье?

ШЕВАЛЬЕ.

Можете ли вы предлагать мнѣ такой вопросъ?

ГРАФИНА.

И то правда; извините.... Умна ли она?

ШЕВАЛЬЕ.

Болтать умѣть...

ГРАФИНА.

Это иногда лучше ума.

ШЕВАЛЬЕ.

Притомъ такая кокетка, что, если захочетъ, прельстить собою кого угодно.

ГРАФИНА.

Въ самомъ дѣлѣ!... Скажите, Шевалье.. кокетство имѣть особенную прелесть для мужчинъ?

ШЕВАЛЬЕ.

Увы! признаюсь, что для большей части мужчинъ... кокетство значить все...,

ГРАФИНА.

Есть ли во мнѣ кокетство?

ШЕВАЛЬЕ.

Въ васъ!.. Ахъ! Боже мой! Да могъ ли бы я любить васъ такъ, какъ люблю, если бъ вы были кокетка! Напротивъ того, знаете ли что пѣнило меня?... ваше простодушіе... откровенность... ваша чистота души, которая обнаруживаетъ въ васъ существо чудно-неземное... Въ васъ кокетство!... О нѣтъ, нѣтъ его въ васъ, Графиня, и слава Богу!

ГРАФИНА.

Я бы хотѣла быть кокеткой!

ШЕВАЛЬЕ.

За чѣмъ?... Оставьте его тѣмъ женщинамъ, которыя безъ него не умѣютъ внушать любви... Зачѣмъ требовать помощи у искусства, когда природа дала вамъ столько средствъ очаровывать? Зачѣмъ употреблять хитрость, когда и простота ваша такъ опасна? О! вы хотите, чтобы всѣ мужчины перемерли отъ любви, а всѣ женщины отъ ревности.

ГРАФИНА.

Что такое?

ШЕВАЛЬЕ.

Вотъ вы ужъ улетѣли на девятое небо... позвольте свести васъ на землю; мнѣ лучше, когда вы занимаетесь мною, потому что я не могу за вами слѣдовать, у меня нѣтъ крыльевъ вашего ума.

ГРАФИНА.

Я думаю о васъ, точно... но вы понимаете, Шевалье, что послѣ всего, что сейчасъ здѣсь происходило... послѣ довѣрія, показаннаго намъ Графомъ... послѣ великодушныхъ его поступковъ со мною, я не могу позволить вамъ говорить мнѣ о вашей любви... Я буду знать, что вы меня любите, вы будете знать, что я васъ люблю... Обѣщаніе свое я сдержу, тѣмъ болѣе, что Графъ, какъ вы знаете, занятъ другою... Вчера, вы не смѣли падѣться всего этого; вы такъ часто хвалили мнѣ такой союзъ душъ, что, я думаю, онъ можетъ обойтись безъ словъ...

ШЕВАЛЬЕ.

Боже мой! Графиня... О чѣмъ буду я говорить съ вами, если перестану разговаривать про любовь мою?

ГРАФИНА.

О чѣмъ же говорите вы съ другими дамами?

ШЕВАЛЬЕ.

Съ другими—другое дѣло... я могу сказать имъ тысячу вещей; я ихъ не люблю... а съ вами у меня одно... я васъ люблю...

ГРАФИНА.

Опять, Шевалье...

ШЕВАЛЬЕ.

Простите!.. Сделаю все, что вамъ угодно... но можно говорить глазами...

ГРАФИНА.

Не хочу требовать всего въ одинъ день!

ШЕВАЛЬЕ.

Вы очаровательны!

ГРАФИНА.

Теперь, Шевалье, когда мы согласны въ мнѣніяхъ, не думаете ли вы что... не для меня, а для другихъ, для моихъ лакеевъ, напримѣръ... для Графа, если онъ вернется... не думаете ли, что имъ покажется слишкомъ продолжительнымъ первый визитъ вашъ?.. Я не гоню васъ; вы знаете съѣть лучше меня, провинціалки; полагаюсь на судъ вашъ: вы не захотите повредить моей репутаци...

ШЕВАЛЬЕ.

Никогда!... но когда же мы увидимся?

ГРАФИНА.

Завтра... послѣ завтра... когда хотите, двери нашего дома всегда вамъ открыты.

ШЕВАЛЬЕ.

О! лучше бы онъ были заперты!

ГРАФИНА.

Что вы говорите?

ШЕВАЛЬЕ.

Я хочу сказать, что вы не такъ прощались со мною черезъ желѣзную рѣшетку, въ Суассонѣ...

ГРАФИНА (подавая ему

руку).

Вотъ, возьмите...

ШЕВАЛЬЕ (печально).

Прощайте, Луиза.... До свиданія, Графиня.

ГРАФИНА.

До завтра.

Я ВЛЕНИЕ VII.

Графиня одна, потомъ Марта.

ГРАФИНА (садится, и по-
слѣ некотораго
молчанія).

Марта! Марта!

МАРТА (сходя).

Что прикажете?

ГРАФИНА.

Поди сюда.

МАРТА.

Надѣюсь, что вы очень счастливы, супарыня.

ГРАФИНА.

Счастлива? Да отъ чего же?

МАРТА.

Сейчасъ былъ здѣсь господинъ Валькло.

ГРАФИНА.

Да, Марта, свиданіе съ нимъ доставило мнѣ большое удовольствіе.

МАРТА.

Боже мой! Какъ холодно говорите вы объ этомъ большомъ удовольствіи...

ГРАФИНА.

Что дѣлать! Я говорю, какъ чувствую.

МАРТА.

Я помню, сударыня, что въ Суассонѣ вы говорили совсѣмъ не такъ.

ГРАФИНА.

Тамъ, Марта, было совсѣмъ другое дѣло... тамъ я не знала ни какихъ удовольствій... не имѣла развлеченій... тамъ я видала только его одного... очень просто, что всѣ мои мечты относились къ нему одному.

МАРТА.

А здѣсь вы можете сравнивать его съ другими, и сравненіе — не въ его пользу.

ГРАФИНА.

Нѣтъ, Марта, ты ошибаешься... увѣрю тебя... я все еще очень люблю Валькло... но не всѣ дни похожи... иногда бываешь дурно расположена... Вчера, напримѣръ, бѣдный Шевалье занималъ меня такъ, что я тебѣ сказать не умѣю...

МАРТА.

А сегодня?

ГРАФИНА.

Сегодня!.. Виновата ли я, что онъ не умѣлъ вести себя половчее... попалъ въ смѣшное положеніе... и, желая выпутаться изъ сего, началъ говорить мнѣ о вѣ-

щахъ, которыхъ, не льстя моему уму, на-
несли ударъ моему самолюбію? Я чув-
ствовала, какъ онъ вредилъ себѣ; но ка-
кой-то злобный духъ подстрекалъ его....
Я задавала ему вопросы... и, распрашивая
его, хотѣла бы сказать ему: Молчите,
Шевалье, не отвѣчайте... будьтедержан-
иѣ... вы вредите самому себѣ... Еслиъ
я сказала все это, я сдѣлала бы ему bla-
годѣяніе; но любопытство мое взяло верхъ,
и я не могла остановить его.

Марта.

Какъ! Онъ говорилъ съ вами не о люб-
ви своей, а о чёмъ нибудь другомъ?

Графиня.

О! онъ говорилъ о любви своей, и ужъ
слишкомъ много. Какъ несносны люди,
которые всегда нѣжны, всегда покорны,
всегда смотрятъ на васъ страстно, тре-
буютъ, чтобы и вы глядѣли также, кото-
рые ссорятся за то, что глаза ваши об-
ращаются на другіе предметы!.. Они на-
конецъ надѣдаются, Марта!.. Можно ли
безпрестанно повторять: я васъ люблю...
когда есть охота говорить о любви... и,
можно поговорить; а если говорить слиш-
комъ часто, эта охота пройдетъ... Мы
съ Шевалье такъ часто толковали о любви,
что она немножко проходитъ у насъ....
Теперь, надобно подождать, пока она
къ намъ воротится...

Марта.

А! я вижу, что вы любите Шевалье
разсудительно...

Графиня.

И это много... моя любовь къ нему —
преступна, и потому... я не хочу даже
говорить о ней!.. Поговоримъ о чёмъ ни-
будь другомъ.

Марта.

О чёмъ прикажете?

Графиня.

Я хотѣла бы спросить тебя...

Марта.

О чёмъ, сударыня?

Графиня.

Да ты, можетъ быть, сама не знаешь!

Марта.

Извольте сказать... я знаю многое.

Графиня.

Что такое... кокетство?

Марта.

Какъ не знать!.. Кокетство... искусство
внушать любовь людямъ, которые не ду-
маютъ влюбляться, или сводить съ ума
влюбленныхъ.

Графиня.

Вотъ, Марта, это-то мнѣ и нужно.

Марта.

Какое счастіе! Все, что намъ нужно,
у насъ подъ рукою.

Графиня.

А что же нужно для кокетства?

Марта.

О! инымъ вовсе ничего не нужно, тѣмъ,
который родились кокетками.

Графиня.

Какъ онъ счастливы!.. и, а другимъ?

Марта.

А! другимъ надобно учиться! Кокет-
ство имѣетъ много сторонъ: во-первыхъ,
приходитъ... не должно любить одну вещь
болѣе недѣли.

Графиня.

Нельзя же владѣть своимъ сердцемъ,
Марта.

Марта.

Да какое тутъ дѣло сердцу?.. Я не го-
ворю вамъ о мужчинахъ, а говорю толь-
ко о вещахъ... о платьяхъ, брилліантахъ,
блондахъ, каретахъ... Вотъ, напримѣръ,
кстати о каретахъ... вчера у вашихъ
оконъ стояла карета... Ну, ужъ карета!

Графиня.

У насъ все сараи заставлены каретами...
я видѣла ихъ мимоходомъ...

Марта.

Да не такія!.. какая упряжка!.. четвер-
ка свѣтло-гіѣыхъ лошадей, а егеръ въ
ливрѣ вишневаго цвѣта съ серебромъ.

Графиня.

Къ чему же все это служитъ?

Марта.

Къ чему служить?... Во-первыхъ, ка-

рета привлекает внимание проходящихъ; взглянувъ на карету, смотря и на ту, которая сидитъ въ каретѣ; если она не дурна, такъ кажется уже хорошенькою, а если хороша, такъ ее провозглашаютъ красавицею... Потомъ, вечеромъ, говорятъ на балахъ: «Видѣли ль вы карету Графини или Баронессы таой-то? Прелестъ, а не карета!» Всѣ хвалятъ на перерывѣ, а кто не видалъ кареты, хочетъ посмотреть на нее. Въ недѣлю весь Парижъ не успѣетъ видѣть кареты и красавицы; а черезъ недѣлю, она выдумаетъ что нибудь новенькое, и такимъ образомъ держитъ соперницъ въ страхѣ, а обожателямъ не даетъ времени образумиться...

Графиня.

Завтра, у меня будуть гѣбы лошади, егеръ въ вишневой ливреѣ, и я пойду гулять въ Елисейскія Поля.

Марта.

Попробуйте, сударыня, и увидите, какъ это будетъ вамъ полезно.

Графиня.

Но, Марта, не можетъ быть, чтобы всѣ тайны кокетства заключались въ безпрестанной перемѣнѣ каретъ?

Марта.

О! есть еще статья брилліантовъ!

Графиня.

Ихъ у меня больше, и они лучше, чѣмъ у кого нибудь...

Марта.

Эхъ! сударыня; поражаетъ людей не качество и не количество брилліантовъ, а отдаѣка ихъ... Простая роза, побывавшая въ рукахъ моднаго ювелира... напримѣръ, Жосса... привлекаетъ внимание болѣе, чѣмъ славный Солитеръ-Регентъ.

Графиня.

На нынѣшней недѣльѣ, всѣ мои брилліанты передѣлаетъ Жоссъ, или я куплю у него новыхъ... Но, Марта, ты все говоришь мнѣ о вещахъ продажныхъ...

Марта.

А вы хотите говорить объ умѣ... это другое дѣло! Теперь, напримѣръ, самая

благопріятная минута блеснуть умомъ... послѣ завтра маскарадъ...

Графиня.

О! какъ мнѣ хочется посмотретьъ маскарадъ!

Марта.

Я увѣренъ!... Тамъ-то вы бы блеснули... Вы и безъ маски умны какъ ангель; а подъ маскою вы вѣрою умны, какъ демонъ.

Графиня.

Марта, я пойду въ маскарадъ. Ну, что мнѣ еще дѣлать?

Марта.

Во всѣхъ случаяхъ сохранять надъ союзомъ полную власть; всегда притворяться, съ тѣмъ, кого любите, и кого хотите пѣнить, совершенно равнодушною... и даже не худо показывать страсть къ другому...

Графиня (печально).

Это не всегда удается!

Марта.

А! не всѣ характеры одинаковы!... Когда равнодушіе не действуетъ, надобно приняться за ревность... Можетъ ли вы быть ревнивою?

Графиня.

Могу, Марта, очень могу.

Марта.

Ну, такъ все пойдетъ какъ нельзя лучше.

Графиня.

Ты думаешь?

Марта.

Повѣрьте моей опытности?

Графиня.

Ты кокетка?

Марта.

О! прелюта!

Графиня.

Въ самомъ дѣлѣ?

Марта.

Только въ миниатюрѣ!... не всѣмъ же удается родиться знатною дамой... Но все равно... и отъ меня многие страдали...

ГРАФИНА.

Но вѣдь это жестоко!

МАРТА.

Успокойтесь, сударыня... никто еще не умиралъ отъ кокетокъ!

ГРАФИНА.

И тебѣ всегда удавалось?

МАРТА.

Всегда.

ГРАФИНА.

Марта! Хочу быть кокеткой!

МАРТА.

О бѣдный Шевалье! ему нѣть помилованія!

ГРАФИНА.

Кто говоритъ тебѣ о Шевалье?

МАРТА.

Какъ! Вы хотите быть кокеткой не съ нимъ? Да съ кѣмъ же?

ГРАФИНА.

Съ кѣмъ? Это моя тайна! Пойдемъ за виваться!

(Объ выходѣ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Декорации тѣ же).

ЯВЛЕНІЕ I.

КОММАНДОРЪ, ЖАСМЕНЪ, ПОТОМЪ

МАРТА.

ЖАСМЕНЪ (ходитъ за Командоромъ).

Какъ? вы здѣсь, сударь, вы сами?

КОММАНДОРЪ.

Ты надоѣдаешь своими восклицаніями! развѣ ты считалъ меня мертвымъ? Предупреждаю тебя, что я ничего не откажу тебѣ въ моей духовной.

ЖАСМЕНЪ.

Я увѣренъ, сударь, что вы не можете думать обо мнѣ такъ несправедливо...

МАРТА (ходитъ изъ Графининой комнаты).

Я узнала васъ по голосу, и спѣшу поздравить съ прѣѣздомъ... Вы изволили выздоровѣть?

КОММАНДОРЪ.

Видишь, на силу хожу.

Не изволите ли покушать?

МАРТА.

Не прикажете ли подать чего нибудь?

КОММАНДОРЪ.

Пожалуй, рюмочки мараги и бисквитъ...

ЖАСМЕНЪ.

Марта, поскорѣй!

МАРТА.

Сейчасъ!

КОММАНДОРЪ.

Но когда же я увижу племянника?

ЖАСМИНЪ.

Графъ еще не звонилъ; но если угодно, я разбужу....

КОММАНДОРЪ.

Что ты! Ненужно!... А! счастливецъ! онъ еще спитъ... понимаю!

(Марта входитъ съ подносомъ).

ЖАСМЕНЪ.

О нѣть-съ! вы не изволите понимать...

Командоръ.

Что? я не понимаю?

Жасменъ.

Точно такъ-съ.

Командоръ.

Что хочешь ты сказать?

Жасменъ.

Я хочу сказать, что вы изволили прѣхать очень кстати.

Командоръ.

Марта, что онъ тутъ мнѣ напѣваетъ?

Марта.

Увы! сущую правду.

Жасменъ.

Вы, сударь, сами устроили эту свадьбу?

Командоръ.

Разумѣется самъ, и могу похвастать...

Жасменъ.

Ну, не чѣмъ!

Командоръ.

Жасменъ, ты все забываешь, что въ мое время лакеи ждали, пока ихъ спросятъ; можетъ быть, эта привычка не въ модѣ въ Парижѣ, какъ и многія другія; но я живу въ провинціи, и не забылъ ея...

Жасменъ.

Извините сударь... простите меня.

Командоръ.

Хорошо! Я скажу тебѣ такъ, для будущаго времени... Ну теперь отвѣтай: что здѣсь происходитъ?

Марта.

Что здѣсь происходитъ?

Командоръ.

Марта! я спрашиваю у Жасмена!

Жасменъ.

Здѣсь происходитъ... (слышенъ звонокъ въ комнатѣ на право). Вотъ, Графъ звонитъ!

(Слышенъ звонокъ съ лѣвой стороны).

Командоръ.

Ну, говори.

Марта.

Вотъ, и Графина звонитъ.

Командоръ.

Ба! да это ужасно!

Жасменъ.

Теперь вы все знаете.

Командоръ.

Отъ чего это? кто виноватъ? Кандаль или Луиза? Не влюбленъ ли мой племянникъ въ другую? Или племянница чувствуетъ отвращеніе къ мужу? Чортъ возьми! да отвѣчайте же!.. Давиша вы слишкомъ болтали, а теперь говорите слишкомъ мало!

Жасменъ.

Неужели, сударь, въ ваше время лакеи шпионали за господами своими?

Марта.

У васъ, сударь, есть уши, есть глаза; вы сами все услышите и увидите.

Командоръ.

Хорошо, ступайте. (Марта уходитъ).

Графъ (за кулисами).

Жасменъ! Жасменъ!

ЯВЛЕНИЕ II.

Камандоръ, Графъ, Жасменъ.

Графъ (въ дверяхъ).

Что ты дѣлаешь, несносный? Почему не идешь, когда я тебя зову?

Жасменъ.

Я былъ при вашемъ дядюшкѣ.

Графъ.

Какъ! Вы здѣсь, дядюшка! Какой приятный сюрпризъ вы намъ сдѣали!

Командоръ.

Да, я прѣхалъ.

Графъ.

И кажется, здоровы?.. Давно ли вы прѣхали?

Командоръ.

Только сию минуту, какъ видишь.. даже не успѣлъ перемѣнить платья, такъ спѣшилъ...

Графъ.

О любезный дядюшка!.. А меня и не разбудятъ! Видано ли это гдѣ нибудь?

Командоръ.

Не брави никого, я запретилъ будить тебя.

ГРАФЪ.

Это другое дѣло. (*Жасмену*). Приготовь комнаты для юношкѣ, и вели доложить Графинѣ, что она пріѣхала.

(*Жасменъ уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Командоръ, Графъ.

Командоръ.

Вотъ, наконецъ, мы съ тобой свидѣлись, любезный Кандаль?

ГРАФЪ.

И къ величайшему моему удовольствію, любезный дядюшка, увѣряю васъ...!

Командоръ.

Я тоже очень радъ. Ну, разсказывай; чай у тебя набралось много разсказовъ?

ГРАФЪ.

Нѣтъ, дядюшка!... Я продалъ помѣстіе Монсінны, и купилъ Шарвиль; оно мнѣ выгоднѣе.

Командоръ.

Покупка не дурная!

ГРАФЪ.

На прошедшей недѣлѣ мыѣздили на охоту, за оленемъ, я, Вилькие и Бришанто; у меня убили трехъ собакъ, и самыхъ лучшихъ, какъ обыкновенно бываетъ.

Командоръ.

Только-то?

ГРАФЪ.

Да, больше ничего нѣтъ!

Командоръ.

Больше нѣтъ ничего новаго?

ГРАФЪ.

Я, по крайней мѣрѣ, не помню.

Командоръ.

А твоя сваѣба?

ГРАФЪ.

Моя свадьба? Это не новость; она была приготовлена десять лѣтъ тому назадъ.

Командоръ.

А жена твоя?

ГРАФЪ.

Моя жена?

Командоръ.

Да, Графиня?

ГРАФЪ.

Она, по моему мнѣнію, прелестна, умна и удивительно хороша.

Командоръ.

А какъ вы между собою?

ГРАФЪ.

Кажется, какъ нельзя лучше.

Командоръ.

Слава Богу!

ГРАФЪ.

Только я думаю, что она капризна?

Командоръ.

Ба! въ самомъ дѣлѣ?

ГРАФЪ.

Безъ шутокъ.

Командоръ.

Почему ты такъ думашь?

ГРАФЪ.

Вчера, когда я пріѣхалъ домой, Марта подала мнѣ записочку, премило написанную, очень кокетливо.... Какъ вы думаете, чего просила у меня Графиня?

Командоръ.

Какъ могу я угадать!

ГРАФЪ.

Четверку гнѣдыхъ лошадей и егеря въ ливреѣ вишневаго цвета.

Командоръ.

Ну, что жъ тутъ удивительного? Развѣ ты бѣдопѣ и не можешь удовлетворить этой прихоти?

ГРАФЪ.

О! разумѣется!... Но препятствіе не въ деньгахъ.

Командоръ.

Такъ въ чёмъ же?

ГРАФЪ.

Она выбрала именно ливрею Маркизы (Командоръ слушаетъ со взрастающимъ вниманіемъ); Маркиза купила этотъ экипажъ вчера, хочетъ сегодня въ первый разъ показаться въ немъ въ Елисейскихъ садахъ Полль, и если увидеть такой же экипажъ у Графини, такъ выцарапаетъ мнѣ глаза.... Попимаете ли теперь затрудненіе.... Пусть просить она у меня

то, что я могу дать ей... пусть просить восемь лошадей сбрыхъ и фисташковую лирею... завтра же все у нея будет!

Командоръ.

А что это за Маркиза?

Графъ.

Маркиза Эпарвиль.

Командоръ.

Маркиза Эпарвиль?

Графъ.

Да, прелестная женщина!

Командоръ.

Скажи-ка мнѣ, Кандаль... между нами... ты, кажется, влюблена въ Маркизу?

Графъ.

Обожаю ее!... Ахъ, извините, дядюшка. вы такъ добры, что я всегда забываю....

Командоръ.

Какъ! Обожаешь?.. А если жена твоя узнаетъ?

Графъ.

Она ужъ знаетъ.

Командоръ.

Можетъ ли быть?

Графъ.

Точно!

Командоръ.

Давно ли?

Графъ.

Постойте. Давно ли настъ обѣничали?... Кажется, три дня!... Ну, такъ она знаетъ эту новость ужъ три дня; въ тотъ самый вечеръ, какъ настъ обѣничали, мы все другъ другу рассказали.

Командоръ.

А она что сказала?

Графъ.

Кто?

Командоръ.

Графиня?

Графъ.

Она, повидимому, была очень довольна.

Командоръ (смотритъ

ему въ глаза).

Кандаль! Ты съ ума сошелъ?

Графъ.

Что вы, дядюшка!

Командоръ.

Ну, такъ ты меня обманываешь?

Графъ.

Даю честное слово, что говорю одну правду.

Командоръ.

Въ какомъ же вѣкѣ живемъ мы? И ты не хочешь огорчить кокетки!... Знаешь ли, твоя Маркиза, мнѣ кажется, просто кокетка?

Графъ.

О! ваша правда, она кокетка! Ни одна женщина не занимается такъ нарядами; она переодѣвается десять разъ въ день. Изъ всѣхъ Парижскихъ дамъ, она чаще всѣхъ мѣняетъ платья, и одѣвается проще всѣхъ.

Командоръ.

Изъ угощенія кокеткѣ, ты отказываешь исполнить просьбу жены.... первую ея просьбу....

Графъ.

Да я еще не отказалъ, любезный дядюшка; признаюсь, я даже не зналъ какой придумать отказъ; но когда въсъ увидѣлъ, я подумалъ, что само Провидѣніе посыпаетъ васъ ко мнѣ на помощь.

Командоръ.

Ну, очень радъ сказать вамъ, любезный племянникъ, что вы ошиблись.... Отказывай, какъ умѣешь самъ....

Графъ.

Вы не хотите помочь мнѣ?

Командоръ.

Не хочу.

Графъ.

Если такъ... я поговорю съ Шевалье... онъ все устроитъ...

Командоръ.

Съ какимъ Шевалье?

Графъ.

Да, вѣдь вы его не знаете.... Премилый малый, Шевалье Валько, нашъ другъ; онъ бываетъ у насъ всякий день. Удивительно, что онъ сегодня не заѣсь; пора!

Лакей (за дверяхъ).

Шевалье де Валько.

ГРАФЪ.

Вотъ видите, дядюшка, вотъ и онъ!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Командоръ, Графъ, Шевалье.

ГРАФЪ.

Здравствуй, Шевалье. Каково пожи-
ваешь?

ШЕВАЛЬЕ.

Здорово, Графъ.

ГРАФЪ (беретъ Шевалье
за руку).

Дядюшка, вотъ Шевалье де Валько,
лучшій д'угъ мой. Шевалье, вотъ дядюш-
ка мой, Командоръ, о которомъ я такъ
часто говорилъ тебѣ. Старый слуга Лу-
довика XIV, съ ранимъ другъ Госпожи
Ментенонъ. Знай съ кемъ ты будешь го-
ворить, и не вздумай рассказывать намъ
своихъ шалостей.

ШЕВАЛЬЕ.
За особенную честь считаю удоволь-
ствие познакомиться съ вами.

Командоръ.

И миѣ очень пріятно. Но, скажите миѣ,
я зналъ въ Кипръ, Графа Валько....

ШЕВАЛЬЕ.

Это былъ мой отецъ... Онъ ѿздили туда,
въ молодыхъ лѣтахъ, съ Бороромъ...

Командоръ.

Именно такъ! Онъ былъ человѣкъ чест-
ный и храбрый; онъ оставилъ вамъ слав-
ное имя и примѣръ, достойный подра-
жанія.

ГРАФЪ.

Шевалье! Я ждалъ тебя съ нетерпѣ-
ніемъ.

ШЕВАЛЬЕ.

Будто бы?

ГРАФЪ.

Право; у меня есть просьба къ тебѣ!

ШЕВАЛЬЕ.

Просьба? Говори любезный, говори! Ка-
кое счастіе, быть тебѣ полезнымъ на что
нибудь.

ГРАФЪ.

Вообрази, Графиня выдумала, что я дол-
женъ, для сегодняшней прогулки въ Ели-
сейскихъ Поляхъ, подарить ей новую ка-
рету и лошадей... а у ней десять ка-
ретъ въ сараѣ и двадцать лошадей на
конюшнѣ.

ШЕВАЛЬЕ.

Это безразсудно.

ГРАФЪ.

Видите, дядюшка! Я его не просилъ,
а онъ со мною согласенъ,

ШЕВАЛЬЕ.

Разумѣется, это прихоть.

ГРАФЪ.

Именно прихоть... Я надѣюсь на тебя,
Шевалье, ты ее уговоришь...

ШЕВАЛЬЕ.

Какъ? я?

ГРАФЪ.

Разумѣется, ты!

ШЕВАЛЬЕ.

Могу ли я... Графъ!

Можешь ли ты? Это не мое дѣло.
Устрой дѣло, какъ умѣши, во чтобы
она не говорила миѣ сбѣ этихъ лоша-
дяхъ. Слышишь, Шевалье?

ШЕВАЛЬЕ.

Чортъ возьми! Это дѣло щекотливо!

Командоръ (пожимая

плечами).

Ты видишь, что никто не возьмется за
такое порученіе.

ШЕВАЛЬЕ.

Разумѣется, никто.

ГРАФЪ.

Позвольте, дядюшка!

Командоръ.

Дѣлай, что хочешь.

ГРАФЪ (отводя Шевалье

въ сторону).

Послушай, любезный. Позволь сказать,
что ты очень страненъ. Я купилъ домъ,
ты въ немъ поселился. Я женился, ты
воловишился за мою жену. Я все вижу,
но не беспокою тебя, не мѣшаю тебѣ....

Она въ первый разъ проситъ меня, и ты хочешь, чтобы я самъ отказывалъ ей, бѣдной моей Графинѣ... Но это невозможно; пойми хорошенько: ты хочешь сбирать доходы, такъ ты неси и повинности; безъ труда нѣть и наслажденія! Мой домъ сталъ твоимъ, такъ занимайся здѣсь хозяйствомъ.

ШЕВАЛЬЕ.

Ты понимаешь, что я весь къ твоимъ услугамъ; но подъ какимъ предлогомъ скажу я Графинѣ, что ты не хочешь подарить ей кареты?

ГРАФЪ.

Только этого и не доставало: я же обязанъ выдумывать тебѣ предлоги; ты умелъ, мой милый, изобрѣтателъ; ищи, изобрѣтай, это твое дѣло.

(Подходитъ къ Командору.)

Командоръ.

Ну, что же?

ГРАФЪ.

Добрый Шевалье берется исполнить порученіе. О! это одинъ изъ тѣхъ твердыхъ друзей, на которыхъ можно положиться; когда вы узнаете его по-короче, (протягиваетъ руку къ Шевалье) вы будете цѣнить его, какъ я цѣню.

Командоръ (Графу).

Ты хочешь уйти?

ГРАФЪ.

Теперь же.... Скоро придетъ Графиня, и Шевалье, какъ вы знаете, долженъ поговорить съ нею кой о чёмъ, наединѣ. Я даже попрошу васъ оставить ихъ однихъ, чтобы проклятая исторія кареты кончилась къ моему удовольствію.

Командоръ.

Пожалуй! но ты позвоишь мнѣ хоть поцѣловать племянницу.

ГРАФЪ.

Безъ всякаго сомнѣнія!

Командоръ.

Надѣюсь, скоро увижу тебя?

ГРАФЪ.

Да, сегодня же увидимся.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Командоръ, Шевалье, Графиня.

Графиня (съ слѣдя глазами за уходящимъ Графомъ).

Здравствуйте, дядюшка.... Очень рада видѣть васъ.... Мы очень беспокоились о васъ.

Командоръ.

Ну! за то я самъ прѣхалъ, желая успокоить тебя!

Графиня.

О, какъ вы добры! И теперь ужъ мы съ вами не разстанемся?

Шевалье.

Здравствуйте, Графиня....

Графиня.

- А! Шевалье.... Извините, что я васъ не замѣтила; но здѣсь добрый мой дядюшка...

Шевалье (съ досадой).

Помилуйте, это очень естественно.... Я долженъ просить у васъ прощенія, что остаюсь здѣсь; можетъ быть, я лишь при этомъ свиданіи.

Графиня (Командору).

Что сдѣлалось съ Шевалье? Онъ такъ сердитъ; ужъ не было ли чего нибудь съ Графомъ?

Командоръ.

О, нѣть! напротивъ, они показались мнѣ предобмыми друзьями.

Графиня.

Графъ ушелъ въ ту самую минуту, какъ я вошла сюда.... О! дядюшка! Я должна разсказать вамъ многое....

Командоръ.

И я такъ же думаю, особенно если ты захочешь быть откровенною. Ну! ты скажешь мнѣ все это послѣ...

Графиня.

Какъ! вы ужъ уходите?

Командоръ.

Да, я долженъ заняться некоторыми распоряженіями....

Графиня.

И скоро воротитесь?

Командоръ.

Черезъ минуту. Ты будешь одна?

Графиня.

Можетъ быть; я постараюсь, чтобъ онъ ушелъ.

Командоръ.

Развѣ это такъ трудно?

Графиня (съ замѣшательствомъ).

Онъ другъ Графа, и я должна обходиться съ нимъ чрезвычайно осторожнно.

Командоръ (самъ себѣ).

Чортъ возьми! (Вслухъ.) До свиданія!

Графиня.

До свиданія, любезный дядюшка!

(Командоръ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Графиня, Шевалье, потомъ Командоръ.

Шевалье.

Я въ отчаяніи, Графиня, что имѣль несчастіе попасть къ вамъ въ такую неудачную минуту.... Но мнѣ необходимо поговорить съ вами о важныхъ дѣлахъ.

Графиня.

Они касаются до васъ?

Шевалье.

О, нѣтъ! я буду говорить за другаго.

Графиня.

За кого же?

Шевалье.

За Графа.

Графиня.

За моего мужа?

Шевалье.

Да, за вашего супруга.

Графиня.

Онъ выбралъ престраннаго посланника; не правда ли?

Шевалье.

Увы! онъ воображаетъ, что я имѣю на вѣсъ Богъ знаетъ какое вліяніе; вотъ почему я имѣю честь быть его представителемъ.

Графиня.

Отчего же Графъ не хочетъ хлопотать о своихъ дѣлахъ самъ?

Шевалье.

Онъ не знаетъ, какъ бы.... при первой вашей просьбѣ....

Графиня.

А! дѣло пдѣть о моемъ экипажѣ....

Шевалье.

Именно!

Графиня.

И онъ мнѣ отказываетъ. А! это не учтиво! Не правда ли, Шевалье, Графъ поступаетъ со мною жестоко?

Шевалье.

Именно жестоко. Однако же, нельзя на него сердиться, не узнавъ напередъ причины....

Графиня.

Вы стараетесь оправдать его... прекрасно!

Шевалье.

Не оправдываю его, но бываютъ обстоятельства....

Графиня.

Посмотримъ, что за обстоятельства? Говорите, чѣмъ онъ хочетъ оправдаться.... говорите же...

Шевалье (въ сторону).

Чортъ возьми! Что бы сказать ей!

Графиня.

Жду его оправданія... или, лучше сказать, предлога къ отказу.

Шевалье.

Онъ не хотѣлъ мнѣ признаться, но я думаю, что у него нѣтъ денегъ.

Графиня.

Какъ! у Графа нѣтъ денегъ? Не можетъ быть!

Шевалье.

Онъ, кажется, проигрался.

Графиня.

Да.... помню.... онъ самъ мнѣ сказывалъ, что онъ игрокъ.

Шевалье.

Сашъ сказывалъ.... Ну, видите ли, онъ игралъ и проигрался.

ГРАФИНА.

Боже мой! И много проигралъ?

ШЕВАЛЬЕ.

Можетъ быть, согніо тысячу лировъ; и въ то время онъ купилъ домъ, меблировалъ его.... понимаете.... Я увѣренъ, что у него нѣтъ денегъ.

ГРАФИНА.

Такъ ему въ самомъ дѣлѣ нужны деньги.

ШЕВАЛЬЕ.

Простите, что я рассказалъ вамъ все это. Я желальбы, чтобы эта тайна, разсказанная вамъ одной, не дошла до Графа.

ГРАФИНА.

Не беспокойтесь, Шевалье... всякая тайна для меня священна.... О! вы прекрасный другъ, и преумно сдѣлали, взявъ на себя обязанность растолковать мнѣ мою вину.... Я буду уважать васъ еще болѣе, если это возможно.... И вы думаете, что онъ беспокоится, тревожится.... несчастный Графъ!

ШЕВАЛЬЕ.

Онъ не знаетъ какъ быть....

ГРАФИНА.

О! повѣрю... особенно теперь, когда онъ подарилъ мнѣ великолѣпную свадебную корзину.... О! вы совершенно правы, я виновата. Зачѣмъ мнѣ новая карета, новые лошади? Да вѣдь я просила о нихъ такъ, какъ стала бы просить о чѣмъ нибудь другомъ. Я никакъ не могу вообразить, чѣмъ могла быть нужда въ деньгахъ... потому что сама никогда не имѣю въ нихъ нужды.

ШЕВАЛЬЕ.

Такъ вы отказываетесь отъ кареты?

ГРАФИНА.

Развѣ я могу отказать, вамъ въ чѣмъ нибудь?

ШЕВАЛЬЕ.

О! вы въ самомъ дѣлѣ прелестны!

ГРАФИНА.

Какъ вы знаете, что имѣете надо мною силу!

ШЕВАЛЬЕ.

Наконецъ-то я нахожу прежнюю Лунзу!... О, какое счастіе вы доставляете мнѣ, Графиня... и эта сила, про которую вы говорите...,

ГРАФИНА.

Ну, что же?

ШЕВАЛЬЕ.

Я думаль... что она совсѣмъ потеряна!

ГРАФИНА.

Какія мысли!

ШЕВАЛЬЕ.

Вчера вы были такъ странны....

ГРАФИНА.

Да, вчера!... Развѣ это удивительно?.. Вы начали говорить мнѣ про Маркизу, когда знаете, что я чувствую къ этой женщинѣ отвращеніе....

ШЕВАЛЬЕ.

Но этого, я вовсе не зналъ...

ГРАФИНА.

Ну, такъ развѣ не могли догадаться!

ШЕВАЛЬЕ.

Хорошо... вчера я былъ виноватъ; а сегодня, Графиня, сегодня утромъ?

ГРАФИНА.

Что жъ сегодня утромъ?

ШЕВАЛЬЕ.

Какъ вы меня привѣли?

ГРАФИНА.

Я приняла васъ дурно?

ШЕВАЛЬЕ.

Разумѣется: вы едва на меня взглянули; я думаль, что вы совсѣмъ меня не увидите...

ГРАФИНА.

О! это очень просто, согласитесь сами... дядюшка только что прѣѣхалъ.

ШЕВАЛЬЕ.

А! извините... я не зналъ, что вы пишете къ нему такую чудную любовь.

ГРАФИНА.

Однакожъ, вы знаете, что Командоръ — второй мой отецъ.

ШЕВАЛЬЕ.

Да, и по праву отца, онъ заставилъ

васъ порядочно поплакать, потребовавъ,
чтобъ вы вышли за мужъ за Кандаля...

Графиня.

Онъ заботился о моемъ счастіи, Шевалье, и надобно благодарить людей за
ихъ добрая намѣренія.

Шевалье.

Графиня... Минъ хочется ревновать васъ...

Графиня.

Къ кому? къ дядинъ?

Шевалье.

Нѣтъ, къ племяннику его.

Графиня.

Не шутите, Шевалье; можетъ быть, такъ
и будетъ.

Шевалье.

Я начинаю то же думать.

Графиня.

Графъ очень миль...

Шевалье.

Какъ! вы только теперь это замѣтили?

Графиня.

Прелюбезнаго характера....

Шевалье.

Спинходительный, усердный... онъ все-
гда старается угадать ваши желанія... и
вотъ еще карета, о которой вы просили...

Графиня (живо).

И получила отказъ черезъ васъ! Онъ
и тѣмъ хорошъ, что не рѣшился самъ
огорчить меня, а вы... вы другое дѣло...
вы даже не задумались!..., покорно васъ
благодарю... А вотъ и дядинъ!

Шевалье.

Онъ пришелъ кстати, и прерываетъ
свиданіе, которое начинало тяготить васъ?

Графиня,

Шевалье!

Шевалье.

Впередъ я не буду говорить съ вами,
если вы будете въ такомъ же расположе-
ніи духа.

Командоръ (тихо Гра-

финя).

Оставь меня одного съ нимъ.

Шевалье.

Прощайте, Графиня; я повинуюсь и ухо-
жу...

Графиня.

Нѣтъ, вы можете остаться, я уступаю
вамъ мѣсто. Не забудьте, дядюшка, что
я дома, что я васъ едва видѣла, и что
минъ очень пріятно будетъ поговорить съ
вами.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Шевалье, Командоръ

Командоръ (про себя).

Да, это споръ влюбленыхъ, или ужъ я
ничего не понимаю...

Шевалье (уходя).

Позвольте засвидѣтельствовать вамъ...

Командоръ.

На одну минуту, Шевалье, на одну ми-
нуту...

Шевалье.

Прошу извинить меня... Минъ необходи-
мо...

Командоръ.

Одно слово... если вамъ некогда, такъ
я все скажу въ двухъ словахъ... Шевалье,
я вижу васъ сегодня въ первый разъ,
но я зналъ вашего отца.

Шевалье.

Я уже имѣлъ честь это слышать...

Командоръ.

Такъ я повторяю: отецъ вашъ былъ
храбрый и честный дворянинъ, какихъ
много было въ то время, и какихъ ужъ
теперь весьма мало.... Онъ почиталъ
дружбу дѣломъ святымъ; онъ почиталъ
бы себя преступникомъ, еслибы измѣ-
нилъ сї...

Шевалье.

Извините... въ вашихъ рѣчахъ, минъ
кажется, скрывается какой-то намекъ; я
съ прискорбиемъ долженъ признаться,
что не понимаю его...

Командоръ.

Такъ я скажу поясните: если бъ у вашего
Кн. IV. — 5

отца былъ другъ, женатый на молодой и хорошенькой женщинѣ, онъ уважалъ бы ее какъ сестру, именно потому, что она — жена его друга. Если бъ онъ имѣлъ несчастіе влюбиться въ эту женщину, что могло бы случиться, онъ самъ, видя довѣренность друга, оставилъ бы его домъ и не жалъ, чтобы къ этому пригласилъ его какой нибудь изъ старшихъ родственниковъ, которые всегда обязаны видѣть именно то, чего другое не видать. Вотъ какъ поступилъ бы вашъ отецъ, и какъ, въ подобномъ случаѣ, вы сами поступили бы, вы, достойный сынъ такого отца. Теперь вы понимаете меня, не такъ ли? Такъ подумайте о томъ, что я вамъ сказалъ.—Прощайтѣ!

(Командоръ уходитъ къ Графинѣ).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Шевалье одинъ, потомъ Графъ.

Шевалье.

Чортъ возьми!... понимаю!... Кажется, здѣсь все говорились... Скажите, пожалуйте, что за дѣло этому старому командроу (*хочетъ итти*).

Графъ.

Постой, Шевалье, погоди... А мое порученіе?

Шевалье.

Выполнено, и очень удачно.

Графъ.

А!

Шевалье.

Графиня призналась, что карета ей не нужна, и отказалась отъ просьбы.

Графъ.

Отказалась?... и отказалась, какъ отказываются обыкновенно женщины... жалуясь на тирана, который требуетъ такихъ пожертвованій.

Шевалье.

О, нѣтъ; напротивъ, она очень разсудительна, и очень рада, что можетъ сдѣлать тебѣ что нибудь пріятное и угодное...

Графъ (съ досадой).

Такъ ты ею доволенъ?

Шевалье.

Сочень доволенъ!... но я не всѣми здѣсь доволенъ!

Графъ.

Какъ такъ?

Шевалье.

Ахъ! у тебя такой дядя!.. Послушай-ка, любезный, ты мнѣ не сказывалъ, что онъ пріѣдетъ?.. Ты его оставилъ въ своемъ домѣ?

Графъ.

Дядю?.. Онь прекраснѣйшій человѣкъ, черезъ чуръ строгъ въ правила, еще строже въ поведеніи; вѣчно думаетъ, что все должно ити такъ же, какъ шло при великомъ королѣ, въ его великихъ вѣкѣахъ. Впрочемъ онъ меня чрезвычайно любить, и во всѣхъ случаяхъ заботится о моихъ выгодахъ, какъ отецъ.

Шевалье.

Это правда, я самъ свидѣтель. Но я не такъ счастливъ, какъ ты; кажется, я не въ большой милости у твоего дядюшки...

Графъ.

Что ты говоришь?

Шевалье.

Да, братъ, онъ меня едва не выгналъ!

Графъ.

Выгналъ... тебя?

Шевалье.

Я говорю тебѣ правду!

Графъ.

Да за что же?

Шевалье.

За что? увѣряеть, что я волочусь за твою жену!

Графъ.

Вотъ что! добрый дядюшка!

Шевалье.

И что это дурно, и что я измѣняю дружбѣ... и чортъ знаеть... еще тысячу такихъ вздоровъ. За чѣмъ является онъ такъ внезапно изъ своей провинціи, и не кричить намъ, чтобы мы остерегались? Если онъ принадлежитъ другому времени и другому вѣку, такъ пусть живетъ съ предками, и оставляетъ потомковъ въ по-

коѣ... Съ такимъ огромнымъ парикомъ, съ четвероугольнымъ каftаномъ, съ высокими каблуками, это не дядя, а фамильный портетъ... отпусти же его въ кладовую, и пусть про него не будетъ больше рѣчи.

ГРАФЪ.

Извини, любезный... Онъ истинный дядя, а доказывается это тѣмъ, что мы получаемъ отъ него двѣстѣ тысячъ доходу, въ наследство! Теперь ты все знаешь... умѣй же съ нимъ позадѣть; а если вы поссоритесь, такъ не смотря на всю мою дружбу къ тебѣ, на всѣ услуги, какія ты оказалъ мнѣ, и еще надѣешься оказать, я долженъ буду принять его сторону.

ШЕВАЛЬЕ.

Какъ! если дядя потребуетъ, чтобы ты отказалъ мнѣ отъ дома, ты откажешь... мнѣ... лучшему твоему другу?

ГРАФЪ.

Съ крайнимъ сожалѣніемъ... да чтожъ дѣлать? Ты будешь знать, что я невиноватъ, что меня принудили... и что я все таки люблю тебя...

ШЕВАЛЬЕ.

Вотъ и третій! На него-то я надѣялся!.. и онъ меня оставляетъ!

ГРАФЪ.

Какъ быть!

ШЕВАЛЬЕ.

Сегодня плохой день для меня. Прощай, Кандаль!

ГРАФЪ.

Прощай. Когда же увидимся?

ШЕВАЛЬЕ.

И самъ не знаю; дядя твой пугаетъ меня?

ГРАФЪ.

Постараюсь помирить васъ. Прощай!

ШЕВАЛЬЕ.

Прощай (уходитъ).

Я ВЛЕНИЕ IX

ГРАФЪ, потомъ Графиня и Коммандоръ.

ГРАФЪ.

Шевалье — прелестъ какъ хорошъ!

Позвольте менѣ изъ спаѣ, я иду спешно.

Хочеть, чтобы я для него пожертвовалъ дядей, который такъ усердно за меня хлопочетъ. Вотъ хорошо!

ГРАФИНА (входя).

Вы одни?

ГРАФЪ.

Да, по несчастію.

ГРАФИНА.

Почему же такъ?

ГРАФЪ.

Потому, что вы вѣрно не меня искали.

ГРАФИНА.

Извините, Графъ, именно васъ.

ГРАФЪ.

Въ самомъ дѣлѣ! (Указываетъ на стулъ).

Неудобно ли?

ГРАФИНА.

Нѣтъ, нѣтъ; я должна извиниться передъ вами.

ГРАФЪ.

Извиниться... передъ мною?

ГРАФИНА.

Я беспокоила васъ пустымъ капризомъ.

Простите!

ГРАФЪ.

Помилуйте; напротивъ того, мнѣ очень совсѣмъ не, что я принужденъ отказаться въ такой бездѣлицѣ... въ такомъ умѣренномъ желаніи... Шевалье вѣрно сказалъ вамъ, что во всемъ другомъ....

ГРАФИНА.

О! теперь я ужъ ничего не желаю; хочу только обѣ одномъ спросить васъ, Графъ.

ГРАФЪ.

О чёмъ, Графиня? Извольте говорить.

ГРАФИНА.

Почитаете ли вы меня своимъ другомъ?

ГРАФЪ.

О! разумѣется.

ГРАФИНА.

Ну, такъ я буду упрекать васъ! Какъ! вы почитаете меня другомъ, а не хотите сказать мнѣ, что нуждаешься въ деньгахъ...

ГРАФЪ.

Нуждаюсь въ деньгахъ?.. что такое?...

ГРАФИЯ. Вы проигрались, Графъ.

ГРАФЪ.

Я?

ГРАФИЯ.

Не скрывайтесь отъ меня, вѣдь я не Командоръ, и вы не боитесь меня, падѣюсь. Притомъ, сами же вы признались мнѣ, что вы игрокъ...

ГРАФЪ.

Такъ вы говорите, что я проигрался въ карты?

ГРАФИЯ.

Да, и нуждаешься въ деньгахъ.

ГРАФЪ.

Ничего не понимаю... Что вы мнѣ говорите, Графиня? Извольте, продолжайте, я очень люблю всякія запутанныя истории...

ГРАФИЯ.

Гордость со мною! съ другомъ... а я хотѣла извиниться, что беспокоила васъ въ такую минуту!

ГРАФЪ.

А! теперь понимаю... Шевалье хотѣлъ заставить васъ...

ГРАФИЯ.

Не сердитесь же на него, Графъ... (беретъ его подъ руку.) Послушайте, въ момъ рабочемъ мѣшкѣ есть нѣсколько тысячи лундоровъ; тетинка подарила ихъ мнѣ на прощанье, а я нашла ихъ только сегодня... Это не много, конечно, но я не знаю, какъ добывають деньги; что у меня есть, то я вамъ и предлагаю.

ГРАФЪ.

Я не перебиваю васъ, потому что вы прелестны; но Валько, чтобы избѣжать затрудненій, сказалъ вамъ неправду... Въ словахъ его пѣть тѣни правды: я не проигрывала въ карты, не имѣю нужды въ деньгахъ, и вотъ доказательство... если вамъ угодно имѣть эту карету, скажите одно слово, и я буду счастливъ, что вы дадите мнѣ случай поправить мою ошибку. (Командоръ входитъ).

ГРАФИЯ.

О пѣть! Я очень рада, что могу пощеглововать вамъ чѣмъ нибудь...

ГРАФЪ.

Принимаю жертву, только съ условіемъ: позвольте мнѣ быть вѣчно благодарнымъ...

Командоръ (въ сторонѣ).

Кто не подумалъ бы, что они другъ друга обожаютъ!... По чести, я ничего не понимаю въ нынѣшихъ семейныхъ правахъ... Скажите, дѣти мои, не помѣшила ли я вамъ?

ГРАФИЯ.

О пѣть, дядюшка!.. Меня ждѣтъ швел, я должна примѣрять платья... И васъ оставляю съ Графомъ... До свиданія, дядюшка... (присѣдаетъ) Графъ!...

ГРАФЪ (заскакиваетъ).

Графиня! (Она уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ X.

ГРАФЪ, КОМАНДОРЪ.

КОМАНДОРЪ.

Скажи, Кандаль, безъ церемоній... я, кажется, попалъ къ вамъ въ дурную минуту?

ГРАФЪ.

Совѣтъ пѣть, дядюшка.

КОМАНДОРЪ.

Вы съ женою разговаривали такъ дружно...

ГРАФЪ.

Мы говорили о дѣлахъ, о деньгахъ; вотъ и все...

КОМАНДОРЪ.

Только-то?

ГРАФЪ.

Да, не больше!

КОМАНДОРЪ.

Послушай, Кандаль! По совѣсти, какъ тебѣ нравится Луиза?

ГРАФЪ.

Я уже вамъ сказаль.... Она прелестна!

КОМАНДОРЪ.

А если она прелестна, какъ же ты можешь такъ дурно съ нею обращаться?

ГРАФЪ.

Дурно?

Командоръ.

Она жалуется на твоё обращение.

ГРАФЪ.

Жена жалуется...

Командоръ.

То есть, она не жалуется, потому что она сущий ангель; но легко видеть можно, какъ огорчаютъ ее твои поступки.

ГРАФЪ.

Помилуйте, дядюшка!

Командоръ.

Я сейчасъ говорилъ съ нею, и она рассказала мнѣ невѣроятныя вещи...

ГРАФЪ.

Вотъ еще!... Желалъ бы я знать, что она вамъ рассказала?

Командоръ.

Твою связь съ Маркизою, твоё равнодушіе къ женѣ... Бѣдная Луиза!...

ГРАФЪ.

Про мою связь съ Маркизой, про мое равнодушіе къ ней.... Она вамъ это рассказывала?... А про себя ничего не рассказывала?

Командоръ.

Ничего.

ГРАФЪ.

Не говорила про Шевалье?

Командоръ.

Про Шевалье Валько? Нѣть, не говорила.

ГРАФЪ.

О! ваша племянница очень осторожна!

Командоръ.

Что хочешь ты сказать?

ГРАФЪ.

Хочу сказать, что она довѣрила вамъ только половину тайны.

Командоръ.

Да что жъ такое?

ГРАФЪ.

А вотъ что! Прежде чѣмъ она узнала меня, она ужъ была знакома съ Валько.

Командоръ.

Ба!

ГРАФЪ.

Она была влюблена въ Шевалье, а Шевалье былъ влюблены въ нее.

Командоръ.

И ты не отказалъ этому Валько?

ГРАФЪ.

Напротивъ, я принялъ его съ распрострѣтыми объятіями.

Командоръ.

И ты это сдѣлалъ?

ГРАФЪ.

Да разумѣется.

Командоръ.

Зная, что твоя жена любить его... Но чѣмъ же все это кончится?

ГРАФЪ.

Я и самъ не знаю; будешь, что должно быть.

Командоръ.

А маіоратъ?

ГРАФЪ.

Пу, что жъ?

Командоръ.

Да что ты думаешьъ?.. Развѣ мнѣ весело отдать триста тысячъ годового дохода внуку, который будетъ мнѣ внука только въ половину? Ого! Я не допущу такого стыда!

ГРАФЪ.

Очень любопытно узнать, какимъ образомъ вы думаете предупредить его....

Командоръ.

Ужъ будь поконъ...

ГРАФЪ.

Надѣюсь, что вы не выставите меня на посмѣяніе свѣту....

Командоръ.

На посмѣяніе!... А! вотъ оно, вотъ важное слово! вотъ страхъ, которому жертвуютъ прошедшемъ славою и будущимъ счастіемъ.... Прежде мужья считались смѣшными, когда были обмануты; видно что у васъ все это перемѣнилось?

ГРАФЪ.

Что жъ дѣлать? Надобно покоряться модѣ.

Командоръ.

Вотъ что! А ваша мода требуетъ, чтобы вы выказывали небывалыя, притворные

чувств, и скрывали чувства истинных; чтобы вы презирали все добродетели, почитаемые предками, а почитали все пороки, в старину презранные; чтобы прихоть разрывала узы, срепленные временно, и чтобы злоупотребление свободы разрушало все связи общественные. Нынешняя мода требует, чтобы женились для соединения двух имений, а не двух сердец, для продолжения своего имени, а не своего рода. Наконец, мода требует иметь жену для других, и детей без отца. Ну, мнѣ очень жаль, любезный племянникъ, а ты не будешь слѣдователь этой модѣ, я тебя увѣрю.

ГРАФЪ.

Что же вы будете дѣлать?

КОММАНДОРЪ.

Это мое дѣло; я сдѣлалъ зло, я долженъ его и поправить.

ГРАФЪ.

Однако жъ, надобно же...

КОММАНДОРЪ.

Ты говоришь, что жена твоя любить Балькро.

ГРАФЪ.

Да вы сами могли это видѣть!

КОММАНДОРЪ.

Ты говоришь, что обожаешь Маркизу?

ГРАФЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, я къ ней привязанъ.

КОММАНДОРЪ.

Ты говоришь, что вы обѣянчаны, но ты ей не мужъ, и она тебѣ не жена?

ГРАФЪ.

О! За это отвѣщаю вамъ, дядюшка, мою честію.

КОММАНДОРЪ.

Вотъ все, что мнѣ нужно. Прощай Кандаль.

(Уходитъ).

ГРАФЪ (запиря за шлемъ глазами).

Прощай, дядюшка! Чортъ возьми!... Что онъ хочетъ дѣлать? Увидимъ?

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Декорация та же).

ЯВЛЕНІЕ. I.

ГРАФИНА, МАРТА.

ГРАФИНА (входитъ перв-

ый разъ въ комнату, сидитъ за столомъ, за него Марта садится и смотритъ въ зеркало).

Нѣтъ, Марта, это бесполезно; тыничъ не убѣдишь меня.

МАРТА.

Посмотрите на себя, сударыня; я у васъ больше ничего не прошу.

ГРАФИНА.

Нѣтъ, оставь меня; я сегодня не въ духѣ; у меня болитъ голова.

МАРТА.

Только одинъ взглядъ, одинъ, бочкомъ, если вамъ не угодно прямо....

ГРАФИНА.

Нѣтъ, говорю тебѣ; ты начинаешь сердить меня; зачѣмъ мнѣ быть хорошень-

кою? Еслибъ кто нибудь любилъ меня, тогда другое дѣло!

Марта.

Ахъ, Боже мой! Посмотритесь на всякий случай; мало ли что можетъ случиться!

Графиня.

Притомъ же и тебѣ много работы, бѣдная Марта.... послѣ такой ночи....

Марта.

Вы дурно провели ночь?... Можетъ ли быть?

Графиня.

Ужасно, Марта!... Я не заснула ни на минуту.

Марта.

Въ самомъ дѣлѣ?

Графиня.

Я все думала о самыхъ несбыточныхъ вещахъ.

Марта.

О! это видно по вашему лицу, уверяю васъ.

Графиня (помни).

Какъ не видать, что страдаешь?

Марта.

Разумѣется, замѣтно по блѣдности.

Графиня.

Когда не спишь всю ночь....

Марта.

Глаза померкнутъ.

Графиня.

Когда безпрестанно хочется плакать....

Марта.

Вся физиономія разстроена... Ахъ! вы правы, сударыня, что не хотите посмотреться въ зеркало.

Графиня.

Вотъ, видишь ли, и ты со мною согласилась.

Марта.

Такъ я унесу зеркало....

Графиня.

Что такое?

Марта.

Зеркало уходитъ, сударыня....

Графиня.

Марта!

Марта.

Что прикажете?

Графиня.

Такъ я ужасно перемѣнилась?

Марта.

Такъ, что страшно!

Графиня.

Однакожъ, не должно пугать людей!

Марта.

Извольте. (Подаетъ Графинѣ зеркало, а та смотрится въ него).

Графиня.

Какая ты лгунья!

Марта.

Дѣло въ томъ, что вамъ, сударыня, приснилось, будто бы вы не почивали всю ночь.

Графиня.

О нетъ! и это чудо, что я еще не совсѣмъ дуна.

Марта.

Какое же беспокойство причинило вамъ такую ужасную ночь?

Графиня (ставитъ зеркало на столъ).

Сама не знаю!

Марта.

Можетъ быть, потому что вы живете однѣ?

Графиня.

Да, Марта, мнѣ самой то же кажется; ты вѣрно угадала. Вчера дядичка перебилъ насть посреди самаго занимательного разговора; а Графъ, возвращаясь домой, не искалъ случая встрѣтиться со мною?... Хоть бы пришло ему на умъ сказать мнѣ одно слово?

Марта.

О! съ хотѣлъ васъ видѣть.

Графиня.

Какъ, Марта?

Марта.

Графъ стучался въ нашу дверь.

Графиня.

Въ которомъ часу?

МАРТА.

Часовъ въ десять.

ГРАФНИЯ.

Такъ поздно?

МАРТА.

Оттого-то я его и не пустила; я вспомнила ваши приказанія, Графнія.

ГРАФНИЯ.

Мои приказанія! Да ты съ ума сохдишь!

МАРТА.

Какъ! Вы сами третьяго дня рѣшитель-
но приказали мнѣ...

ГРАФНИЯ.

Да! третьяго дня!...

МАРТА.

Извините, я совсѣмъ не знала, что съ
тѣхъ поръ вы изволили перемѣнить рѣ-
шеніе.

ГРАФНИЯ.

Помилуй! Да кто тебѣ говорить, что я
перемѣнила его?

МАРТА.

Я хотѣла сказать, что вовсе не зна-
ла, что вы изволили ожидать Графа такъ
поздно.

ГРАФНИЯ.

Я никого не ждала... Ты удивляешь
меня такими странными предположеніями!

МАРТА.

Простите меня, сударыня; я хотѣла
только сказать, что если бъ я знала, что
вамъ угодно принять Графа...

ГРАФНИЯ.

Мнѣ угодно! Мнѣ угодно! .. Богъ знаетъ,
какія у тебя выраженія!.. Мнѣ угодно!..
научись же знать цѣну словъ... Откуда ты
взяла, что мнѣ угодно было принять Гра-
фа? .. Угодно!.. Мнѣ кажется, чо ты
стараешься нарочно говорить мнѣ самыя
неприличныя вещи — Мнѣ казалось удиви-
тельно, что Графъ легъ спать, не спро-
сивъ про меня, не сказавъ мнѣ нѣсколь-
кихъ словъ, какія говорятся всѣмъ зна-
комымъ... но все это очень далеко отъ
желанія принять ео... а если бъ мнѣ это
было угодно, такъ и тогда все это объ-ясняется очень просто: у меня есть къ
нему просьба.

МАРТА.

Бѣда не велика, попросите послѣ, въ
другой разъ. Можете просить сейчасъ,
вотъ идеть самъ Графъ.

ГРАФНИЯ.

Хорошо, ступай! (Марта хочетъ учи-
сти зеркало). Нѣтъ, оставь зеркало; кто
велѣлъ тебѣ прятать его?

МАРТА.

Боже мой! Боже мой! Я никогда еще
не видала васъ въ такомъ дурномъ рас-
положеніи духа; кто бы могъ думать, что
за исполненіе вашихъ же приказаній...

ГРАФНИЯ.

Довольно! Я вѣдьла тебѣ ити, ступай!

МАРТА.

Иду, сударыня, иду. (Уходитъ).

ГРАФНИЯ.

Вѣрою ни у кого нѣтъ такой неснос-
ной служанки!

Я ВЛЕНІЕ II.

ГРАФЪ, ГРАФНИЯ.

ГРАФЪ (остановившись
въ дверяхъ).Вы браните горничную, сударыня; я не
хочу мѣшать вамъ; надобно изрѣдка го-
пить этихъ людей... я едва не прогналъ
сегодня моего Жасмена.

ГРАФНИЯ.

За что?

ГРАФЪ.

Не знаю, какъ сказать; но знаю только,
что онъ не годенъ, вотъ и все.

ГРАФНИЯ.

Въ самомъ дѣлѣ, несносно зависѣть
отъ людей, которые заставляютъ вѣсть дѣлать
именно то, чего вы не хотите, и
мѣшаютъ вамъ дѣлать то, что вамъ прі-
ятно.

ГРАФЪ.

А! въ этомъ отношеніи вы напрасно жа-
луетесь, Графнія; ваша горничная уди-

вительно вамъ вѣрна, и въ точности исполняетъ ваши повелѣнія.

ГРАФИНА.

Какъ такъ?

ГРАФЪ.

Разумѣется: вчера, возвратившись домой... знаю, что это нескромно съ моей стороны, но все равно... имѣя нужду поговорить съ вами, я пытался видѣть васъ... Есть! Дверь заперта!...

ГРАФИНА.

Но если бъ вы непремѣнно потребовали...

ГРАФЪ.

О! я сдѣлала лучше: я просилъ, грозилъ, предлагалъ денегъ,—и ничто не помогло!... Такъ, что меня могли бы принять за любовника!

ГРАФИНА (*въ сторону*).

А! Марта! ты мнѣ это заплатишь! (*Въ слухъ*). О чемъ же вы хотѣли со мною говорить?

ГРАФЪ.

Я хотѣла поговорить съ вами о дядюшкѣ.

ГРАФИНА.

А! въ самомъ дѣлѣ, мы не видали его со вчерашняго дня; что съ нимъ сдѣлалось?

ГРАФЪ.

Этого нельзя знать на вѣрное, но я догадываюсь, что онъ поѣхалъ въ Версаль.

ГРАФИНА.

У него есть дѣла при Дворѣ?

ГРАФЪ.

Нѣтъ, кажется, нѣтъ собственныхъ....

ГРАФИНА.

А какія же у него тамъ дѣла?

ГРАФЪ.

Да, я думаю—наши!

ГРАФИНА.

Вы такъ думаете?

ГРАФЪ.

Да, я очень боюсь; вы знаете, какъ дядюшка все принимаетъ къ сердцу.

ГРАФИНА.

Ну, что же?

ГРАФЪ.

Ну, такъ онъ въ отчаяніи, что уладилъ такой неудачный бракъ, каковъ нашъ...

ГРАФИНА.

Такъ вы ему рассказали?

ГРАФЪ.

Вы, Графиня, рассказали ему про Маркизу; а я былъ вынужденъ сказать ему нѣсколько словъ про Шевалье!

ГРАФИНА.

Что жъ Король можетъ для насъ сдѣлать?

ГРАФЪ.

Король: онъ многое можетъ: — можетъ дать позволеніе на разводъ.

ГРАФИНА.

Разводъ!... Но, мнѣ кажется, Графъ, подобныя вещи всегда сопровождаются большимъ соблазномъ?

ГРАФЪ.

Я самъ обѣ этомъ тотчасъ подумалъ; разводъ — послѣднее средство, а какъ наше теперешнее положеніе казалось мнѣ спосибнымъ....

ГРАФИНА.

Разумѣется! Что до меня, такъ я во всѣ не желаю перемѣнить его.

ГРАФЪ.

О! если такъ, мы можемъ быть совершенно спокойны: вѣдь для развода необходимо обоюдное согласіе....

ГРАФИНА.

А! необходимо обоюдное согласіе!

ГРАФЪ.

О! непремѣнно нужно!... и если вы, сударыня... если вы не заблагоразсудите первыя объявить согласіе...

ГРАФИНА.

Ахъ! перестанемъ говорить обѣ этихъ неспосибныхъ вещахъ!

ГРАФЪ.

Я говорилъ только для того, чтобы васъ предупредить, Графиня.

ГРАФИНА.

Покорю васъ благодарю... (*Молчаніе*).

Какъ у васъ безподобныя пуговицы, Графъ.

Графъ.

Какъ вы ихъ видите? Вы сподите ко мнѣ спиною...

Графиня.

Въ зеркалѣ!

Графъ.

Извините, я думалъ, что вы заняты, чѣмъ либуть получше, и отнюдь не смотрите на меня.

Графиня.

Да, я смотрю въ зеркало не на васъ; но вы такъ близко ко мнѣ, что я вижу васъ вмѣстѣ со мною.

Графъ.

Это бриллианты, обѣянные Жоссомъ.

Графиня.

Знаменитымъ ювелиромъ... да, это замѣтно! Знаете ли, Графъ, что мнѣ очень хочется подкупить вашего каммердинера?

Графъ.

Это совсѣмъ не нужно; можно найти точно такія...

Графиня.

Но я говорю объ этихъ, а не о другихъ какихъ либуть... Впрочемъ, я хочу сохранить все ваше усердіе для одной вещи, которую я намѣрена у васъ попросить.

Графъ.

Что такое?

Графиня.

Право, я не смѣю сказать...

Графъ.

Вы хотите напомнить мнѣ вчерашию мою вину, Графиня, и мѣшаесте мнѣ поправить ее.

Графиня.

Пожалуй... я хотѣла просить васъ... да это шалость!

Графъ.

Все равно, говорите!

Графиня.

Я хотѣла просить, чтобы вы показали мнѣ баль въ оперѣ...

Графъ.

О! Боже мой! Какое мнѣ несчастіе!

Графиня.

Что такое?

Графъ.

Вчера, видя, что не буду имѣть чести васъ видѣть, и не зная, куда дѣваться вечеромъ, я поѣхала къ знакомымъ шалунамъ, и обѣщала провести съ ними нынѣшнюю ночь.

Графиня.

Ну, довольно, Графъ; я не скромна, и должна была знать, что у васъ есть важная дѣла, которыми нельзя жертвовать для женской прихоти.

(Хочетъ ити).

Графъ.

А, Графиня! Вчера вы не хотѣли меня принять, а сегодня уходите разсердясь?

Графиня.

Кто сказалъ вамъ, что я разсердилась? Это значило бы, вѣрте мнѣ, придавать нашему отказу болѣе важности, чѣмъ онъ стоитъ, и болѣе вниманія, чѣмъ я на него обращаю...

Графъ.

Извините мою ошибку, Графиня; но это желаніе видѣть оперный баль, такъ живо выраженное вами, можетъ быть не одна простая прихоть.

Графиня.

А что же такое, милостивый государь? Я жила до сихъ порь въ пансионѣ, и никогда не видала маскарада; мнѣ сказывали, что маскарады оперы очень забавны, и мнѣ хотѣлось посмотреть на нихъ; вотъ и все.

Графъ.

Такъ вы хотѣлиѣхать на баль, для самаго бала?

Графиня.

А для чего же, думали вы, хотѣла я тудаѣхать?

Графъ.

А мнѣ почему знать?

Графиня.

Говорите, Графъ, говорите...

ГРАФЪ.

Часто желають ъхать на баль, чтобы тамъ кого нибудь встрѣтить...

ГРАФИНА.

Мнѣ кажется, если бъ я хотѣла кого нибудь видѣть, такъ не стала бы искать его на балѣ, а воспользовалась бы дозволеніемъ вашимъ принимать кого хочу здѣсь, у себя...

ГРАФЪ.

Да; но если бъ нашъ дядюшка, который, какъ вы знаете, имѣеть привычку мѣшаться не въ свои дѣла, нашель, что постыденія этого господина неприличны, и попросилъ бы его не постыщать насть, то, можетъ быть, не вида его въ обыкновеное время, вы выдумали это остроумное средство.

ГРАФИНА.

Я поблагодарила бы васъ, милостивый государь, за комплиментъ моей изобрѣтательности, еслибъ онъ не оскорблялъ моей чести, на которую вы одинакожъ обѣщали мнѣ полагаться; имѣеть очень жаль, что вы меня удержали, когда я хотѣла уйти, чтобы сказать мнѣ... такую злую шутку...

ГРАФЪ.

Извините, Графиня; но — —

ГРАФИНА (присѣдала).

Графъ!

ГРАФЪ (раскланивался)

Графиня!

(Она уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ III.

ГРАФЪ. (один)

Какое благородство!... Жена моя—превосходнѣйшая женщина... но она несчастлива!... Она просится въ оперный маскарадъ, именно въ ту минуту, когда я обѣщалъ Маркизѣ быть ея кавалеромъ на сегодняшний вечеръ, чтобы помириться съ нею за то, что былъ одинъ въ Елисей-

скихъ Поляхъ. Да, впрочемъ, меня это огорчаетъ! Бѣдная Графиня!

ЯВЛЕНИЕ IV.

ГРАФЪ, КОММАНДОРЪ.

КОММАНДОРЪ (входитъ, кладетъ шапку и палку на стулъ).

Ахъ!

ГРАФЪ.

А! это вы любезный дядюшка!

КОММАНДОРЪ.

Да! что у насть дѣлается?

ГРАФЪ.

Какъ сказать!... Все по прежнему.

КОММАНДОРЪ.

Ага! теперь ты видишъ, я правъ и устроша сдѣлалъ, что принялъ свои мѣры.

ГРАФЪ.

Какъ, дядюшка? Мои предположенія не мечта?

КОММАНДОРЪ.

Какія предположенія?

ГРАФЪ.

Вы єздили въ Версаль.

КОММАНДОРЪ.

Ты не ошибся; я былъ въ Версалѣ, и видѣлъ Короля.

ГРАФЪ.

И все рассказали ему...

КОММАНДОРЪ.

Все, разумѣется, принялъ вину на себя, потому, что я одинъ виноватъ. Его Величество знать, въ какихъ отношеніяхъ ты находишься съ женою... Такой бракъ кажется ему невозможнымъ; онъ позволилъ мнѣ хлопотать о разводѣ... и самъ обѣщалъ писать о разводной, въ Римъ...

ГРАФЪ.

А потому далъ...

КОММАНДОРЪ.

Я поѣхалъ къ своему срѣпчemu, и онъ ужъ пишеть просьбу.

ГРАФЪ.

Дозвольте доложить вамъ, дядюшка...

вы ведете дела такъ скоро, что не даете времени образумиться...

Командоръ.

Когда такой разрывъ необходимъ, то, я думаю, чѣмъ онъ быстрѣе, тѣмъ менѣе стыда...

Графъ.

Однакожь, если я и Графиня думаемъ иначе, такъ вы не можете разлучить насъ насильно... Вѣдь вамъ непремѣнно нужно наше согласіе...

Командоръ.

Развѣ вы осмѣлитесь не согласиться...

Графъ.

Почему жъ пѣть?

Командоръ.

Да, вамъ гораздо удобнѣе оставаться въ теперешнемъ положеніи... Понимаю, или лучше сказать, не понимаю... Почему ты знаешь, можетъ быть, Графиня съ нетерпѣніемъ ждетъ развода, которому ты противишишься не имѣя ни какой причины?.. Кто тебѣ сказалъ, что Графиня, въ цвѣтѣ лѣта и красоты, хочетъ пожертвовать всею жизнью — для эгоиста, который до сихъ поръ съ презрѣніемъ и равнодушно смотрѣлъ на ея молодость и красоту? За чѣмъ, не будучи самъ счастливъ, хочешь ты осудить ее на вѣчное несчастіе? Она жена твоя, а ты хочешь принудить ее быть вдовою!... Откуда взяль ты такое право? Положи руку на сердце, и скажи имѣешь ли это право?

Графъ.

О! если вы вѣрно знаете, что племянница ваша желаетъ развода, то другое дѣло..... Я не хочу стѣснять ее ничѣмъ; что угодно будетъ Графинѣ Кандаль, то я все сдѣлаю....

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

Командоръ, потомъ Графиня.

Командоръ.

А! слава Богу! На силу-то заговорилъ дѣло!

Графиня.

Миѣ доложили, что вы ужъ воротились, любезный дядюшка, и я съ нетерпѣніемъ ждала, когда вы будете одни.

Командоръ.

За чѣмъ же это?

Графиня.

Я не хотѣла войти, пока Графъ былъ здѣсь.

Командоръ.

Такъ ужъ пѣть ни какої надежды....

Графиня.

Напротивъ, любезный дядюшка!... но я ужъ совсѣмъ не понимаю Графа!.... О! какъ я несчастна!.....

Командоръ.

Успокойся, дитя мое; скоро всему будетъ конецъ!

Графиня.

Ахъ! дядинъка! чѣмъ же это можетъ кончиться?

Командоръ.

Чѣмъ? Свободой для обоихъ.... вотъ чѣмъ.

Графиня.

Свободой! Такъ правда, что вы хотите насъ разлучить?

Командоръ.

Что жъ дѣлать? Коли не могу вѣстъ, такъ надо же рѣшиться на что нибудь....

Графиня.

Боже мой! Какія у васъ страшныя намѣренія!

Командоръ.

Да, страшныя; если бъ вы жили вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ; да, если бъ вы любили другъ друга.... Но этого пѣть, вы едва знакомы, вы не любите другъ друга; даже еще хуже, каждый изъ вѣтъ влюбленъ.....

Графиня.

О, дядюшка!

Командоръ.

Что жъ? развѣ это не правда? Не признавалась ли ты Графу, что любишь Шевалье, а Графъ не признавался ли тебѣ, что влюбленъ въ Маркизу?.... Ну, вы бу-

дете оба свободны, оба будете счастливы по внушению сердца. Если Кандаль все еще любить Маркизу, она вдова, онъ можетъ на ней женится.... Если ты любишь Шевалье, онъ не женатъ, ты можешь выйти за него замужъ.

Графиня.

За мужъ за Шевалье!.... о! никогда,

Командоръ.

Какъ? что такое?

Марта (выходя изъ съ редней двери).

Пришелъ вашъ стряпчій, по очень нужному дѣлу....

Командоръ.

Хорошо, сейчасъ приду. Прощай, племянница.

Графиня.

Вашъ стряпчій, дядюшка!

Командоръ.

Да, мой стряпчій. Гдѣ онъ?

Марта.

Въ вашихъ комнатахъ, сударь.

Командоръ.

Прощай, дитя мое; подумай о томъ, что я тебѣ сказалъ....

Графиня.

Хорошо, дядюшка.

(Онъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

Графиня, Марта.

Марта.

Боже мой! Что съ вами случилось, сударыня? Вы не похожи сами на себя!

Графиня.

По твоему совѣту, Марта, я просила Графа взять меня на балъ въ оперу, и Графъ мнѣ отказалъ!....

Марта.

Отказалъ!.... подъ какимъ предлогомъ?

Графиня.

Онъ обѣщалъ провести вечеръ съ друзьями.

Марта.

А вы и изволите этому повѣрить?

Графиня.

Ахъ, Боже мой! да я вѣрю всему, что мнѣ говорять.

Марта.

О! такъ вы очень счастливы!

Графиня.

Что ты хочешь сказать?

Марта.

Быть такъ довѣрчивой— большое счастье!

Графиня.

Ты думаешьъ, Марта, что Графъ меня обманулъ?

Марта.

Если бъ онъ ѻхалъ на балъ съ друзьями, такъ вѣроно нашелъ бы средство отѣлаться отъ нихъ.

Графиня.

Такъ ты думаешьъ, что онъ пог҃детъ на балъ... съ дамою?

Марта.

Думаю?... я увѣрена!

Графиня.

О мужчины! мужчины!

Марта.

О мужчины!... вы совершенно правы, сударыня.

Графиня.

А еще вчера.....

Марта.

Что такое, сударыня?....

Графиня.

Вчера, разговаривая со мною.... О! какъ это дурно!

Марта.

Что же такое?

Графиня.

Онъ взялъ меня за руку, Марта.... и смотрѣлъ на меня такими глазами!....

Марта.

Взялъ васъ за руку!.... смотрѣлъ на васъ!.... Такъ онъ хотѣлъ соблазнить васъ!.... О чудовище!....

Графиня.

А потомъ, на другой день.....

Марта.

Видите ли, сударыня, какое счастье, что я его не пустила!

Графиня.

Ты думаешь, что это счастливо, Марта?

Марта.

Какъ же, сударыня.... разумѣется!

Графиня.

Я бы очень хотѣла знать, точно ли онъѣдетъ на баль съ Маркизой?

Марта.

Это можно узнать самыи простымъ средствомъ.

Графиня.

А какъ?

Марта.

Потѣжайте на баль сами.

Графиня.

Миѣ.... Ѹхать!

Марта.

Да, сами!... Вы оба предоставили другъ другу полную свободу.... Почему же, когда Графъ пользуется ею, не станете пользоваться ею и вы?

Графиня.

Но миѣ кажется, что женщина....

Марта.

Да вѣдь я тоже женщина, миѣ кажется; но если бъ со мною такъ поступили...

Графиня.

Что бы ты сдѣлала?

Марта.

Сама не знаю, но увѣрена, что отъ меня не дешево бы отѣлались!

Графиня.

Положимъ, что я приму твой совѣтъ.... да кто же повезетъ меня на баль?

Марта.

Развѣ некому? а Шевалье-то на что? Къ чему-же и держать его, если ему нѣтъ работы.

Графиня.

Шевалье?... нельзя, невозможно!

Марта.

Почему же?

Графиня.

Мы съ нимъ поссорились навсегда.

Марта.

Съ нимъ?

Графиня.

Да, съ нимъ.

Марта.

Да за что же?

Графиня.

Я почему знаю?.... развѣ я могу воннить!

Марта.

О! если вы не знаете, если вы не помните, такъ вѣрно, что нибудь неважное....

Графиня.

Очень важное!.... онъ уходя сказалъ, что не будетъ здѣсь, пока я за нимъ не пришлю.

Марта.

Въ самомъ дѣлѣ?

Графиня.

Да, это его слова.

Марта.

Ну! такъ надо за нимъ послать.

Графиня.

Какъ это сдѣлать?

Марта.

Какъ всегда дѣлается.... напишите записочку.... три строчки.... хоть одно слово....

Графиня.

Какъ можно!...

Марта.

Э! кто хочетъ достигнуть цѣли, тому всѣ средства хороши. Еще разъ, сударыня, угодно или не угодно вамъ Ѹхать на баль?

Графиня.

О! хочу! непремѣнно хочу!

Марта.

Такъ извольте писать записочку!

Графиня.

Миѣ кажется, Марта, я дурно дѣлаю...

Марта.

Такъ перестанемъ говорить объ этомъ....

Шиѣ! Вотъ Жасменъ. Оставьте меня съ

нимъ на минуту, и вѣрно я что нибудь отъ него узнаю....

ГРАФИНА.

Хорошо!.... Когда ты что нибудь узнаешь, я рѣшу, что мнѣ дѣлать.... Только поосторожнѣе!

Марта.

О! еще бы!... будьте спокойны!
(Графиня уходитъ въ свои комнаты).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Марта, Жасменъ.

Жасменъ.

Что приказывала тебѣ Графиня въ подголос?

Марта.

Быть съ тобою поосторожнѣе, Жасменъ.

Жасменъ.

Это за чѣмъ?

(Въ комнаты Графа звонятъ).

Марта.

Она хочетъ знать, съ Маркизой ли ёдетъ Графъ на баль, но она не хочетъ, чтобы онъ зналъ, что она ёдетъ туда съ своимъ Шевалье.

Жасменъ.

Да, Графъ ёдетъ съ Маркизой.

Марта.

А! прекрасно!.... Знаешь ли, Жасменъ, я очень боялась....

Жасменъ.

Да, дѣло шло къ согласію, и....

Марта.

Это намъ разореніе!

Жасменъ.

Разумѣется: не будетъ скретовъ, не будетъ и барышей!

(У Графа опять звонятъ).

Марта.

Жасменъ! мнѣ кажется, тебя зовутъ.
(Уходитъ).

Жасменъ.

Сейчасъ иду.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Графъ, Жасменъ.

Графъ (съ письмомъ).

Жасменъ!.... а! ты здѣсь?

Жасменъ.

Я сейчасъ шелъ....

Графъ.

Отнеси письмо къ Маркизѣ....

Жасменъ.

Позвольте спросить, Графъ, развѣ вы ужъ изволили перемѣнить намѣреніе, и не ёдете на баль....

Графъ.

Да.... бѣдная Графиня просила на баль со мною, я сначала отказалъ ей; но потомъ раздумалъ, и мнѣ кажется оригинальнымъ — измѣнить Маркизѣ для жены!...

Жасменъ.

А! кажется, вы ужъ опоздали....

Графъ.

Какъ опоздаль?

Жасменъ.

Въ это время Графиня приняла свои мѣры.

Графъ.

Что такое?

Жасменъ.

Я извѣрное не знаю; но вы можете справиться....

Графъ.

Хорошо, ступай!

Жасменъ.

А письмо!

Графъ.

Не нужно!

(Жасменъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ IX.

Графъ (одинъ).

Графиня приняла свои мѣры!... Что хотѣлъ онъ сказать? Неужели Шевалье?... Можетъ ли быть!... Нѣтъ! я не хочу быть обманутымъ; чортъ возьми!... увижуясь съ Графиней и узнаю.... (Идетъ къ дверямъ; изъ нихъ выходитъ Марта.)

ЯВЛЕНИЕ X.

ГРАФЪ, МАРТА.

МАРТА (прячетъ за корсетъ письмо, которое держала въ рукахъ).

Ахъ!

ГРАФЪ.

Куда ты идешь, Марта?

МАРТА.

Я-съ... я не пду... а такъ, прогуливаюсь.

ГРАФЪ.

А! прогуливаешься.... а что держала ты въ рукахъ?

МАРТА.

У меня въ рукахъ? развѣ я что нибудь держала?

ГРАФЪ.

Ты держала.... (успокоившись.) Что я дѣлаю!... Допрашиваю людей, подсматриваю за Графиней.... Ничего, ничего, Марта, ступай!...

МАРТА (уходитъ).

На кого Графъ такъ разсердился?

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ XI.

ГРАФЪ (одинъ).

Пусть идетъ!... Какъ, чтобы она передала письмо жены моей къ Шевалье?... Къ кому можетъ быть написана эта записка, какъ не къ Шевалье!... О! женщины! женщины!... Я думаю, что я ихъ знаю, а чуть чуть опять не попался; и какъ не ошибиться, когда сердце говоритъ намъ одно, а голосъ, смущеніе говорятъ совсѣмъ другое... Та же рука, которая дрожала вчера въ моей, писала теперь къ нему.... и высказывала ему все, что взоръ ея говорилъ мнѣ вчера!... Впрочемъ, что мнѣ нужды, любить ли, не любить ли Графиня этого Шевалье.... но мнѣ важно.... Боже мой!... я ревную!... Ревнуешь.... Кандаль!... И кого же?...

Жену!... О! я погибъ, если это узнаютъ, всѣ станутъ надо мною смеяться, какъ я смеюсь самъ.... Ха, ха, ха!... Однако жъ, я не могу смеяться.... Нѣтъ, я не ревную; это было бы слишкомъ забавно, и въ доказательство, уйду отсюда и оставлю Шевалье свободное мѣсто.... Да..., Или нѣтъ, я не уйду!... Любопытно знать, назначила ли она ему свиданіе, и посмѣть ли онъ прійти сюда? Во-первыхъ, если онъ прійдетъ, такъ ужъ нѣтъ сомнѣній; если онъ и прійдетъ, это значитъ, что она его позвала; а если она его позвала, такъ ужъ ясно, что она его любить.... Да вѣдь она сказала мнѣ, что любить его, и не скрывалась.... Чего же я хочу и чего требую?... Чего хочу? Чего требую?... О! я ее люблю, терпѣть не могу Шевалье, и желаю, чтобы онъ пришелъ теперь же.... Я бы сказалъ ему въ глаза, что онъ простой человѣкъ.

ЯВЛЕНИЕ XII.

ГРАФЪ, ШЕВАЛЬЕ.

ЛАКЕЙ (въ дверяхъ).

Шевалье де Валько!

ГРАФЪ.

А! (кладетъ шляпу на столъ и бросается въ кресло.) Проси!...

ШЕВАЛЬЕ (лакею).

Хорошо, мой милый, благодарю; доложи Графинѣ, что я исполнилъ ея приказаніе, и прошу позвolenія видѣть ее.

ГРАФЪ (вставая).

Ну! теперь нѣтъ ни какого сомнѣнія.

ШЕВАЛЬЕ.

А вотъ и ты, Кандаль... радъ встрѣтить тебя! (Въ сторону.) Чортъ его побери!...

ГРАФЪ.

Здравствуй, Шевалье; мы давно тебя не видали. Не хорошо оставлять такъ друзей!

ШЕВАЛЬЕ.

Что жъ дѣлать, любезный! Нельзя сер-

диться на меня.... ты знаешь.... у вся-
каго свои дѣла, свои забавы....

ГРАФЪ.

Да, и судя по твоему торжествующему
лицу, я готовъ биться объ закладъ, что
дѣла и особенно забавы идутъ чудесно.

ШЕВАЛЬЕ.

Держи пари.... ты выиграешь.

ГРАФЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?

ШЕВАЛЬЕ.

Какъ быть!... День на день не прихо-
дить!... Третьяго дня, я быль печаленъ....
ты помнишь... сегодня ты не въ духѣ....
Кандалъ, что съ тобой? Расскажи мнѣ....
развѣ я уже не другъ твой?... Что здѣсь
случилось? Нѣтъ ли у тебя какихъ поруче-
ній къ Графинѣ, давай!.... Вѣдь ты знаешь,
что я весь къ твоимъ услугамъ, не це-
ремонясь!

ГРАФЪ.

Благодарю, комиссій нѣть; я самъ сей-
часъ видѣлъ Графиню, и самъ отказалъ
ей въ одной просьбѣ.... Потому-то, вѣ-
роятно, она къ тебѣ и писала.

ШЕВАЛЬЕ.

А! а!... ты знаешь, что Графиня писа-
ла ко мнѣ.

ГРАФЪ.

Слишкомъ много было бы тебѣ чести,
еслибы отъ меня скрывались!...

ШЕВАЛЬЕ.

А знаешь ли ты что она мнѣ писала?

ГРАФЪ.

Что хотеть съ тобою поговорить; не
такъ ли?

ШЕВАЛЬЕ.

И притомъ, что она будетъ одна.

ГРАФЪ.

Одна!... ага!... одна!

ШЕВАЛЬЕ.

Одна! ..

ГРАФЪ.

Такъ мы играемъ въ открытую....

ШЕВАЛЬЕ.

Да вѣдь ты первый началь.

ГРАФЪ.

И ты не отказываешься отъ этой игры?

ШЕВАЛЬЕ.

Нѣтъ, только будь хорошимъ игро-
комъ.

ГРАФЪ.

Это моя привычка, Шевалье, и ты
оскорбляешь меня, думая, что я могу по-
терять ее.

ШЕВАЛЬЕ.

Въ такомъ случаѣ.... (*Подаетъ ему*
его шляпу). Не угодно ли?

ГРАФЪ.

Что тебѣ?

ШЕВАЛЬЕ.

Нѣтъ ли у тебя, какъ третьяго дня,
какихъ дѣлъ въ городѣ?

ГРАФЪ.

Ты насмѣхаешься?

ШЕВАЛЬЕ.

Почемужъ: развѣ тебѣ одному дана
привилегія?

ГРАФЪ.

Нѣтъ.

ШЕВАЛЬЕ.

Такъ что жъ ты....

ГРАФЪ.

Такъ, я желаю знать, имѣешь ли ты при-
вычку, на другой день послѣ насмѣшекъ,
прогуливаться виѣ города?

ШЕВАЛЬЕ.

Да, только не слишкомъ рано; боюсь
полиціи, она, знаешь, вездѣ осматри-
ваетъ.

ГРАФЪ.

Разумѣется!... и ты гуляешь всегда со
шагой?

ШЕВАЛЬЕ.

А какъ же! Дворянинъ со шагой ни-
когда не разстается.

ГРАФЪ.

Думалъ ли ты прогуляться завтра?

ШЕВАЛЬЕ.

Нѣтъ, вовсе не думалъ. Но если я мо-
гу встрѣтить кого нибудь, и особенно
друга, такъ непремѣнно воспользуюсь
пріятнымъ случаемъ.... только бы этотъ

Кн. VI — 7.

другъ сказаль мнѣ, гдѣ онъ намѣренъ прогуливаться?

ГРАФЪ.

Что ты думаешь о шьмой аллее?

ШЕВАЛЬЕ.

О! прелестная аллея!... Издалека все видно; тамъ нельзя не встрѣтиться.

ГРАФЪ.

Особенно въ полдень; не такъ ли?

ШЕВАЛЬЕ.

Это именно мой часъ.

ГРАФЪ.

Хорошо, больше мнѣ ничего не нужно знать. Прощай, Шевалье.

ШЕВАЛЬЕ.

Прощай, Графъ.

ГРАФЪ.

До завтра.

ШЕВАЛЬЕ.

До завтра.

(Графъ уходитъ къ себѣ; въ это время входитъ Марта).

МАРТА.

Графиня извиняется передъ вами; она приказала вамъ сказать, что никакъ не можетъ принять васъ теперь.

ШЕВАЛЬЕ (въ сторону).

Ну! Если Графъ меня убьетъ за то, что я здѣсь дѣлаю, такъ ему самому будеть жалко! (Въ слухъ). Какъ, Марта..

ГРАФЪ (остановившись въ своихъ дверяхъ).

Ага!...

МАРТА.

Она ждетъ васъ въ одиннадцать часовъ, и поѣдетъ съ вами въ маскарадъ....

ШЕВАЛЬЕ.

Въ самомъ дѣлѣ, Марта!... въ маскарадъ!

МАРТА.

Не опоздайте!

ШЕВАЛЬЕ.

Мнѣ опоздать! Возможнo ли! Марта, поблагодари хорошенъко Графиню, и скажи ей, что я счастливѣйшій изъ смертныхъ!

МАРТА.

Смотрите же, въ одиннадцать часовъ.

(Уходитъ).

ШЕВАЛЬЕ.

Буду! (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ XIII.

ГРАФЪ (выходитъ на сцену).

Въ одиннадцать часовъ... Графиня ожидаетъ Шевалье, и поѣдетъ съ нимъ въ маскарадъ!.... Такъ вотъ для чего просила она меня!.. Отказомъ моимъ, она хотѣла уѣхать, что меня тамъ не будеть... О! это ужъ черезъ чуръ... Этого нельзя снести... О! дядюшка! Какъ вы кстати пришли!

ЯВЛЕНИЕ XIV.

ГРАФЪ, КОММАНДОРЪ.

КОММАНДОРЪ.

Что случилось?

ГРАФЪ.

Я подумалъ о томъ, что вы мнѣ говорили. Мы съ Графиней не можемъ поладить, у насъ различные характеры.... Лучше всего—разстаться; я рѣшился; гдѣ бумага?

КОММАНДОРЪ.

Вотъ она.

ГРАФЪ.

Пожалуйте, дядюшка, пожалуйте ее!

КОММАНДОРЪ.

Что ты дѣлаешь?

ГРАФЪ.

Видите, подписываю ее.... Теперь, не теряйте времени, покажите ей.... (Графиня входитъ). Пожалуйте, сударыня.... Вы довольны!.... Наконецъ вы получаете свободу!

(Уходитъ въ свою комнату)

ЯВЛЕНИЕ XV.

КОММАНДОРЪ, ГРАФИНЯ, ПОТОМЪ

МАРТА.

ГРАФИНЯ.

Свободу! Что говорить Графъ?.. Я

услышала его голосъ, и спѣшила сюда...

Командоръ.

Посмотри.

Графиня.

Просьба о разводѣ!... Графъ первый подпишаль се!... Такъ ли? Да, такъ!... А что онъ говорилъ мнѣ? Это ужасно! Но я горда, какъ онъ, и не отстану отъ него... онъ желаетъ мой подписи; я не отказываюсь....

Командоръ.

Такъ и ты рѣшилась?

Графиня (подписывал).

Вотъ мой отвѣтъ. Боже мой! Какъ я несчастна! (Падаетъ въ кресло).

Командоръ.

Боже мой! Ей дурно!... Марта! Марта!

Марта.

Я здѣсь. Что прикажете?

Командоръ.

Спирту, спирту.... Она въ обморокѣ!

Графиня.

Нѣтъ, ничего.... Благодарю васъ, дядюшка; я ослабѣла на минуту, но теперь бодра по прежнему.

Командоръ.

Однако, если ты жалѣешь...

Графиня.

Нѣтъ.... нѣтъ.... Я его не могу терпѣть... Пойдемъ, Марта!

Марта.

А на балъ пойдете?

Графиня.

Особенно теперь... непремѣнно!

(Объ уходѣ).

ЯВЛЕНИЕ XVI.

Командоръ, одинъ.

Рѣшительно, они не могутъ ужиться вмѣстѣ; характеры ихъ не сходны.... Какое счастіе, что я пріѣхала и устрою ихъ дѣла!

ДѢЙСТВІЕ ШАТОЕ.

(Декорациія та же).

ЯВЛЕНИЕ I.

Графиня, потомъ Марта, потомъ

Командоръ.

Графиня (выходя изъ
своей комна-
ты).

Что же ты, Марта?

Марта.

Дядюшка самъ сюда идетъ....

(Командоръ входитъ).

Графиня.

О, какъ вы добры, дядюшка!... Безпо-

ките себя съ самаго утра... все для меня... но вы меня простите... не правда ли? Я такъ мучилася!

Командоръ.

Мучилася? Отъ чего?

Графиня.

О! если бы вы знали!

Командоръ.

Ну, говори!

Графиня.

Вы станете бранить меня, дядюшка, и не напрасно! Однако жъ, если бы вы зна-

ли, какъ я страдаю, такъ увидали бы,
что я довольно наказана.

Командоръ.

Наказана!... Да за что же?

Графиня.

За мою вину.

Командоръ.

А! за вину?

Графиня.

И за какую ужасную!

Командоръ.

Что жъ такое? говори!

Графиня.

Я была... на балѣ въ оперѣ?

Командоръ.

Она?

Графиня.

Нѣтъ! не одна... а съ Шевалье!

Командоръ.

Съ нимъ?... Вы были съ нимъ на балѣ
въ оперѣ?

Графиня.

Да!... я потеряла голову.... сошла съ
ума!

Командоръ.

Зачѣмъ поѣхали вы въ маскарадъ?

Графиня.

Дядюшка! Ревновали ли вы когда ни-
будь?

Командоръ.

Что значить?...

Графиня.

О! если вы ревновали, такъ поймете,
какъ я страдаю....

Командоръ.

Говори же....

Графиня.

Да.... я ревную....

Командоръ.

Ревнуетъ?... кого?

Графиня.

Графа.

Командоръ.

Кандаля?

Графиня.

Да, Кандаля.

Командоръ.
Твоего мужа?

Графиня.
Разумѣется, моего мужа!

Командоръ.
Чортъ возьми! Что ты мнѣ говоришь?

Графиня.
Да, да!... Меня предупредили, что онъ
не беретъ меня въ маскарадъ потому, что
будетъ тамъ съ Маркизой. Теперь вы по-
нимаете... мнѣ хотѣлось узнать, правда
ли это?.. и чтобъ увѣриться... Да!... я
сдѣлала непростительную ошибку, при-
знаюсь: я написала къ Шевалье, и при-
гласила его... онъ пришелъ... я потребо-
вала, чтобы онъ повезъ меня въ маска-
радъ..... Графъ былъ тамъ.... меня не об-
манули..... О! еслибы вы знали, какую
ночь я провела! ... Когда я его увидала,
подъ ручку съ этойю женщиною..... я вы-
шла изъ себя!....

Командоръ.
Разсердились за то, что мужъ твой
ходилъ съ Маркизой, когда ты сама хо-
дила съ Шевалье!

Графиня.
О дядюшка! Все это ничего!

Командоръ.
Какъ ничего?

Графиня.
Я хочу сказать, что все это ничего....
въ сравненіи съ тѣмъ, что случилось по-
слѣ.

Командоръ.
Да что же случилось?

Графиня.
Представьте, когда мы вышли на лѣст-
ницу.... вы знаете лѣстницу?

Командоръ.
Какъ не знать?

Графиня.
Тутъ какой-то офицеръ, которой давно
ужъ меня преслѣдовалъ, и принималъ ме-
ни, вѣроятно, за другую, подошелъ ко
мнѣ, и сказалъ мнѣ на ухо такія трубо-
сти, что я невольно скжала руку Шевалье.

Онъ все понялъ.... Во весь вечеръ онъ былъ пресердитый, и съ досадой спросилъ у офицера, что онъ говорить мнѣ.... Тотъ отвѣчалъ, что если ему любопытно знать, такъ онъ можетъ прійти на другой день, и спросить капитана Сальяна, въ улицѣ Гренель, №. 24.... И сегодня утромъ они должны драться!

Командоръ.

Дуэль!

Графиня.

Да; и вы понимаете, какой позоръ намъ, если узнаютъ, что я была въ маскарадѣ, съ Шевалье.... что Шевалье имѣлъ склонность за меня!.... О! я погибну, и Кандаль никогда не проститъ мнѣ!...

Командоръ.

И будеть правъ!

Графиня.

Такъ видите, дядюшка, вы должны спасти меня.

Командоръ.

Да; это необходимо прежде всего; но потомъ....

Графиня.

А потому.... я согласна на все, что вамъ угодно.

Командоръ.

Такъ готовься къ отъезду....

Графиня.

Какъ! сегодня?

Командоръ.

Опять въ монастырь....

Графиня.

Я только хотѣла просить васъ обѣ этомъ: не хочу оставаться здѣсь, я слишкомъ несчастна!.. Я отдала бы полжизни, чтобы не быть въ маскарадѣ!.... Но что же мы будемъ дѣлать?

Командоръ.

Сальянъ узналъ ли Шевалье?

Графиня.

Нѣтъ, Шевалье не снималъ маски, и изъ уваженія ко мнѣ, не сказалъ имени, не далъ адреса.

Командоръ.

Ну такъ еще есть средство.

Графиня.

Какое?

Командоръ.

Тотчасъ же пошлемъ за Шевалье, и потребуемъ отъ него, чтобы онъ оставилъ вызовъ безъ отвѣта.

Графиня.

Требовать!.... Да развѣ я могу требовать отъ Шевалье?

Командоръ.

Какъ! ты не можешь ничего требовать отъ человѣка, которой заставилъ тебя забыть твои обязанности?.... отъ человѣка, который имѣлъ слабость любить тебя, когда ужъ ты была женою другаго?

Графиня (умоляя).

Дядюшка!

Командоръ.

Ну что еще?

Графиня.

Я.... я думаю.... я думаю, что не люблю Шевалье; я даже въ этомъ увѣрена..... Но вотъ бѣда: я боюсь, что люблю другаго..... люблю Кандала....

Командоръ.

Какъ!... Графа? твоего мужа?... ты любишь мужа?

Графиня.

Мнѣ кажется, еслибъ я его не любила, такъ я не ревновала бы его.

Командоръ.

Вотъ еще новость!.... ты любишь мужа, а вчера подписала просьбу о разводѣ!...

Графиня.

Отъ ревности.... да поймите же, дядюшка.... Мы уже говорили о просьбѣ, и согласились, что не подпишемъ ее, ни онъ, ни я!.... Послѣ нашего уговора, онъ вдругъ подаетъ мнѣ просьбу, съ своею подписью!.... О! тутъ я поняла, что я въ самомъ дѣлѣ покинута.... онъ измѣнилъ мнѣ!..... и я подписала!...

Командоръ.

Ей, ей, вы сведете меня съ ума!.... Бѣдняжка! вѣдь ты знаешь, что мужъ тебя не любить... ты сама мнѣ говорила?

ГРАФИНА.

Да, я знаю....

КОММАНДОРЪ.

И знаешь, что онъ любить другую?

ГРАФИНА.

О, дядюшка! не говорите мнѣ этого!

КОММАНДОРЪ.

Напротивъ, буду говорить.... буду повторять безпрестанно.... надо же вылечить тебя отъ этой любви....

ГРАФИНА.

О, никогда!... никогда!...

КОММАНДОРЪ.

Никогда!... впрочемъ дѣло не о томъ; мы говоримъ о пустякахъ.

ГРАФИНА.

А между тѣмъ время летитъ, и, можетъ быть, Шевалье...

КОММАНДОРЪ.

Пошли же за нимъ.

ГРАФИНА.

Нѣтъ, дядюшка, нѣтъ; теперь ужъ я не рѣшусь на такую неосторожность.... Пошлите за нимъ сами, но я.... не пошлю.... если бъ даже онъ могъ спасти мнѣ жизнь....

КОММАНДОРЪ.

Хорошо, Луиза, прекрасно.... дѣло!... Марта! гдѣ ты, Марта?...

МАРТА (вход.).

Я здѣсь, сударь.

КОММАНДОРЪ.

Возьми мою карету, поѣзжай къ Шевалье, и скажи ему, что Графиня имѣеть нужду сейчасъ видѣть его, и ждѣть....

МАРТА.

Сейчасъ.

ГРАФИНА.

Благодарю васъ, дядюшка.... О! если я спасусь отъ бѣды, то, клянусь, это будетъ мнѣ урокомъ на всю жизнь.

КОММАНДОРЪ.

Вотъ идѣть Кандаль.

ГРАФИНА.

Я уйду, дядюшка... вѣдь я забыла вамъ сказать: вчера, въ маскарадѣ, онъ преслѣдовалъ меня, и кажется, узналъ....

КОММАНДОРЪ.

Ты думаешь?

ГРАФИНА.

Не знаю навѣрное, но все равно.... не могу видѣть его, не убѣдившись, что онъ ничего не знаетъ.... Я умру отъ стыда.... Дядюшка!... если онъ знаетъ, пострайтесь оправдать меня.... А если не знаетъ, молчите. (Убѣгаетъ.)

КОММАНДОРЪ.

Будь покойна.

ЯВЛЕНИЕ II.

ГРАФЪ, КОММАНДОРЪ.

ГРАФЪ (въ дверяхъ).

А! ваша племянница бѣжитъ отъ меня!

КОММАНДОРЪ.

Ого! она, кажется, совсѣмъ тебя не видала.

ГРАФЪ.

О! видѣла! я васъ увѣряю, видѣла!... Она хорошо дѣлаетъ, что бѣжитъ: я понимаю, ей было бы стыдно, встрѣтиться со мною лицемъ къ лицу.

КОММАНДОРЪ.

А почему же?

ГРАФЪ.

А! да вѣдь вы не знаете еще, что случилось.

КОММАНДОРЪ.

Что такое случилось?

ГРАФЪ.

Графиня была вчера въ маскарадѣ съ Шевалье; Шевалье поссорился за нее съ капитаномъ Сальяномъ, и стрѣляется съ нимъ сегодня утромъ.

КОММАНДОРЪ.

Какъ ты знаешь?...

ГРАФЪ.

Я ихъ узналъ, слѣдоваль за ними, и все слышалъ!

КОММАНДОРЪ.

Что жъ ты намѣренъ дѣлать?

ГРАФЪ.

Что я намѣренъ?... Дѣло очень про-

стое: я ужъ послалъ Жасмена къ Бришанто.

Командоръ.

Къ Бришанто?

Графъ.

Вы не понимаете?

Командоръ.

Нѣтъ!

Графъ.

Однако жъ дѣло ясно, какъ день.... Когда жена моя капризничаетъ, пусть Валькло ее уговариваетъ.... это допускается.... Когда жена моя хочетъѣхать въ маскарадъ, и я не могу быть съ нею, потому что єду съ Маркизой, пусть Валькло замѣняетъ ей Ментора.... очень хорошо!... Но когда грубиаъ оскорбиль Графиню Кандаль, и надобно за нее стрѣляться.... о! погодите, дядюшка, это ужъ дѣло не Валькло, а мое!...

Командоръ.

А! начинаю понимать.... но позволить ли Шевалье?

Графъ.

Да развѣ я стану просить у него позволенія? Я знаю имя и адресъ противника, и этого мнѣдовольно! Шевалье ходилъ въ маскѣ, стало быть его не знаютъ. Сальянъ ждетъ кого нибудь.... И если кто нибудь явится, капитанъ не станетъ разбирать.... Боюсь только одного: Валькло, можетъ быть, ужъ уѣхалъ....

Командоръ.

Не бойся, теперь еще очень рано.
(Смотритъ на часы.) Восемь часовъ!... и онъ еще долженъ явиться сюда....

Графъ.

Какъ! сюда?... опять!... кто его просилъ? за чѣмъ?

Командоръ.

Послушай! Графиня въ отчалинѣ отъ этой исторіи. Она боится, что ты все узнаешь; я посовѣтовалъ ей послать за Шевалье, и требовать, чтобы онъ отказался отъ дуэли.

Графъ.

Да, онъ можетъ сдѣлать это для нея.

Когда женщина забываетъ до того, что показываетъ любовь свою къ мужчинѣ, какъ дѣластъ Графиня,—мужчина долженъ жертвовать ей чѣмъ нибудь.

Командоръ.

Показываетъ любовь!... Ты все еще воображаешь, что твоя жена любить Шевалье?

Графъ.

Развѣ только одинъ слѣпой можетъ не....

Командоръ.

О! какъ ты ошибаешься!

Графъ.

Какъ?

Командоръ.

Графиня вовсе не любить Валькло.

Графъ.

Въ самомъ дѣлѣ!... а кто вамъ сказалъ?

Командоръ.

Она сама!

Графъ.

Послѣ всего, что случилось, она не могла выдумать ничего лучше.

Командоръ.

А если все это случилось именно потому, что она не любить Шевалье?

Графъ.

А! дядюшка! вѣсъ нельзя понять безъ объясненій!

Командоръ.

А если она сдѣлала все это потому, что любить другаго?

Графъ.

Другаго?

Командоръ.

Если она поѣхала въ маскарадъ, отъ ревности?

Графъ.

Она ревнуетъ!

Командоръ.

Да, ревнуетъ!.... Да что тебѣ за дѣло.... и я напрасно....

Графъ.

О, любезный лядюшка!... Вы сказали, или слишкомъ много, или слишкомъ мало!

Графиня любить другого!... Графиня ревнует другого!.. Графиня побхала съ Шевалье въ маскарадъ, но для другого, а не для Шевалье!... Кто этот другой?

Командоръ.

Какъ! ты не догадываешься?

Графъ.

Дядюшка!... неужели я?...

Командоръ.

Да, ты, неблагодарный!...

Графъ.

Я? Можетъ ли быть!

Командоръ.

Что съ тобой?

Графъ (обнимая его).

О! дядюшка!... вы царь всѣхъ дядюшекъ!

Командоръ.

Чортъ возьми!.. Ужъ я не въ домѣ ли сумасшедшыхъ?

Графъ.

И я безумный ничего не подозрѣвалъ!
А все ясно, чортъ возьми!.. Вотъ что значитъ быть черезъ чуръ скромнымъ!

Командоръ.

Наконецъ, объясни же мнѣ....

Графъ.

Извольте, дядюшка, слушайте... время дорогое на мѣ... Сальянъ мастерски дерется на шпагахъ; если я не увижу васъ послѣ дуэли... то, прошу, не оставьте Графини, дядюшка, бѣдной Луизы!.. Понимаете, у ней никого не останется, кромѣ васъ.

Командоръ.

Чортъ возьми! зачѣмъ такія мысли?...

Графъ.

Гмъ! гмъ!...

Командоръ.

Хочешь повидаться съ Графиней?

Графъ.

Очень хочется, да не знаю, должно ли?.. Вы знаете меня, дядюшка, вы знаете, сколько у меня бывало дуэлей, и слава Богу, я ничего никогда не боялся, кромѣ Бастиліи!.. Но если бъ я увидалъ Графиню, съ ея прекрасными глазами, съ ея

очаровательной улыбкой (Командоръ изумляется), съ ея пѣжнымъ голосомъ, который идеть прямо къ сердцу... мысль, что все это — мое, и что черезъ два часа, можетъ быть, я потеряю все это, какъ дуракъ!.. О! эта мысль отниметъ у меня хладнокровіе... она сведетъ меня съ ума!...

Командоръ (въ изумлении).

Такъ ты ее любишь?

Графъ.

Да, люблю, дядюшка.

Командоръ.

О!

Графъ.

Можетъ быть, смѣшно, а правда!.. и клянусь честію, радъ, что могу отстить за нее! Но, чтобы драться хорошо, я не долженъ видѣть ее. Дядюшка! Сдѣлайте миъ одолженіе....

Командоръ.

Все, что тебѣ угодно.

Графъ.

Поехжайте къ Бришанто.... я попрошу его подождать меня.... расскажите ему все, скажите, что я поссорился вчера въ маскарадѣ, долженъ драться сегодня утромъ, и прошу его въ секунданты.

Командоръ.

А ты самъ?....

Графъ.

Я подожду Шевалье.... Я долженъ сказать кое-что добруму моему Валькро.

Командоръ.

Хорошо! Поцѣлуй меня, Кандаль.

Графъ.

До свиданія, дядюшка.

Командоръ.

Будь спокоенъ.... хладнокровенъ!....

Графъ.

О! не беспокойтесь!

Командоръ.

Прощай!

ЯВЛЕНИЕ III.

ГРАФЪ (одинъ).

Она любить меня!... стало быть я не ошибся!... А я нарочно поссорился съ бѣднымъ Валько!... Но, чортъ возьми, за чѣмъ же онъ такъ хвасталъ?... Но все равно... я все таки виноватъ!

ЯВЛЕНИЕ IV.

ГРАФЪ, ШЕВАЛЬЕ.

ГРАФЪ.

Здравствуй, Шевалье! я тебя ждалъ, радъ видѣть тебя.

ШЕВАЛЬЕ.

Здравствуй! (въ сторону) опять онъ!... онъ вѣрно изъ дому не выходитъ!... (Въ слухъ) Ты ждалъ меня?

ГРАФЪ.

Да; вчера, Шевалье, я самъ не знаю, что со мной сдѣлалось, но кажется, я преглуно съ тобою поссорился; прошу, извини меня.

ШЕВАЛЬЕ.

Ага! что это значитъ?

ГРАФЪ.

Это значитъ, что честный человѣкъ долженъ извиниться, если виноватъ передъ другомъ. Я виноватъ передъ тобою, и извиняюсь.... руку, Шевалье....

ШЕВАЛЬЕ.

Вотъ она.

ГРАФЪ (взглядъ шелпу).

Теперь, прошай!... жаль, что долженъ разстаться съ тобою.... мнѣ надобноѣхать!

ШЕВАЛЬЕ.

Графъ!

ГРАФЪ.

Что угодно?

ШЕВАЛЬЕ.

Одно слово!

ГРАФЪ.

Говори.

ШЕВАЛЬЕ.

Скажи пожалуй, правда ли.... мнѣ говорили о разводной!....

ГРАФЪ.

Сущая правда, любезный; мы съ Графиней подписали вчера просьбу...

ШЕВАЛЬЕ (съ радостію).

Такъ ты мнѣ все оставляешь?

ГРАФЪ.

Да.... но съ условіемъ....

ШЕВАЛЬЕ.

Что такое?

ГРАФЪ.

Когда я не буду мужемъ моей жены, я стану въ рядъ ея обожателей..... Мы оба станемъ за ней волочиться..... и когда она выберетъ....

ШЕВАЛЬЕ.

Что же.

ГРАФЪ.

Ну, тотъ на ней и женится. Прошай, Шевалье!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

ШЕВАЛЬЕ, потомъ ГРАФИНА.

ШЕВАЛЬЕ.

Кого она выберетъ, тотъ на ней и женится!... какой вздоръ онъ несетъ?... А! вотъ и Графиня!

ГРАФИНА.

А! вы явились, Шевалье? Благодарю васъ!

ШЕВАЛЬЕ.

Да, Графиня, но, признаюсь, съ беспокойствомъ....

ГРАФИНА.

О чѣмъ же вы беспоконитесь?

ШЕВАЛЬЕ.

Потому что со мною все случается не такъ, какъ съ другими. Третьего дня, вы сами приглашаете меня, и въ тотъ же день намекаете, что для васъ очень будетъ пріятно, если я васъ оставлю. Вчера вы приглашаете меня запиской, и доказываете мнѣ, что не только ко мнѣ равнодушны, но даже любите другаго; сегодня опять за мною присылаете! А! Графиня..... при каждой мимой вашей милости, я лишаюсь чего нибудь изъ це-

тинного моего счастія.... и теперь боюсь, что вы прислали за мной, чтобъ запретить мнѣ на всегда — видѣть васъ....

Графія.

Нѣтъ, Шевалье, нѣтъ; вы ошиблись; сегодня вы можете заслужить вѣчныя права не только на мою дружбу, но и на мою благодарность.

Шевалье.

Дружба.... благодарность.... чувства сама холода, Графія. Но все равно, извольте приказать: вмѣсто всего, что я потерялъ, я приобрѣту хоть что нибудь....

Графія.

Вчера, уѣзжая изъ маскарада, я была въ такомъ смущеніи, что забыла поговорить съ вами о ссорѣ....

Шевалье.

О какой ссорѣ?

Графія.

Съ Г. Сальяномъ.

Шевалье.

Съ Сальяномъ? Что такое?.... право, Графія, я не понимаю, что вы хотите сказать; если что и было, такъ я забылъ.

Графія.

О! нѣтъ! нѣтъ! не забыли! напротивъ, такъ хорошо помните, что вѣрою сегодня утромъ....

Шевалье.

А еслибъ и такъ, то почему важна для васъ наша дуэль?

Графія.

Почему важна?.... Она такъ важна для меня, что я нарочно послала за вами, и прошу оставить ее.

Шевалье.

Какъ, Графія!... Вы просите.... ме-
ня....

Графія.

Требую отъ васъ большого пожертвова-
ния, знаю; но ваша честь не пострада-
ла въ этой ссорѣ..... Выслушайте ме-
ня.... Сальянъ сказалъ вамъ свое имя; но
вы не сказали ему своего; онъ далъ вамъ
адресъ, но не знаетъ, гдѣ вы живете.
Онъ говорилъ съ вами безъ маски; вы от-

вѣчали ему подъ маской..... стало быть онъ не могъ узнать васъ.... Выслушайте меня.... И если изъ уваженія ко мнѣ, ко мнѣ одной, вы решитесь молчать, онъ никогда не узнаетъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло..... Честь моя въ опасности.... если вы будете драться, такъ узнаютъ за что и за кого.... неосторожность моя превратится въ преступленіе.... и хоть я невинна.... я погибну въ глазахъ людей.

Шевалье.

Не свѣтскаго суда боитесь вы, Графія... есть судъ другой, судъ одного человѣка, который имѣть на васъ болѣе влия-
нія, чѣмъ весь свѣтъ...

Графія.

Вы хотите признанія?... Извольте, Шевалье; я такъ васъ уважаю, что готова все вамъ сказать... Да, правда; въ послѣдніе пять дней произошла странная перемѣна во мнѣ и около меня... новый, неизвѣстный мнѣ свѣтъ показалъ мнѣ всѣ предметы въ настоящемъ ихъ видѣ.... то, что я принимала за вѣчную страсть, было... не прихоть ума, а обманъ сердца. Я нашла въ Графѣ, въ мужѣ моемъ, не только человѣка доброго, умнаго, но еще и человѣка благороднаго, который обращался со мною не такъ, какъ сталъ бы обращаться всякой другой на его мѣстѣ; онъ далъ мнѣ свободу, положась на мою честность, повѣривъ моему достоинству... Тогда я возвысилась въ собственныхъ своихъ глазахъ, сама стала болѣе уважать себя.... и поняла, что даже мыслю не могу обманывать такого человѣка.

Шевалье.

О говорите проще... откровеніе.... скажите, что любите его!

Графія.

Извольте: да, я люблю его. Я замѣтила это, слишкомъ поздно для васъ, и прошу у васъ прощенія, еще не поздно для себя. Я едва не погибла; теперь... почти счастлива!... Моя репутація, моя участіе, моя честь — въ вашихъ рукахъ. Шевалье...

прощу васъ именемъ матери, сестры вашей, будьте великодушны!

ШЕВАЛЬЕ.

Теперь ужъ поздно, Графиня. Если ваша честь тутъ замышлана, такъ и моя тоже... Сальянъ не знаетъ моего имени, но знаетъ, гдѣ я живу... не видалъ моего лица... все это правда. Но Сальянъ знаетъ, что онъ ждетъ благороднаго человѣка, а я знаю, что ждутъ — меня!... Если я не явлюсь на свиданіе... именно потому, что я былъ въ маскѣ... всѣ благородныя лѣди Франціи будутъ обезображены!... Нельзя!...

ГРАФИНИЯ.

А что со мною будетъ? Подумайте о моемъ ужасномъ положеніи!

ШЕВАЛЬЕ.

Вы сами въ него попали, Графиня; не я звѣлъ васъ! Если оно ужасно, жалуйтесь на самихъ себя, я вовсе не виноватъ!.. и такъ какъ я не виноватъ, то думаю, что жертвовать вамъ вдругъ и любовью мою и честію — нельзя!... Да, честію: если я исполню вашу просьбу, такъ завтра же вы первыя станете презирать меня. Притомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, я играю, признаетесь сами, престранную роль... я не привыкъ къ ней... она давить меня... мнѣ нужно вымѣстить досаду на комъ нибудь... Кандаль не попался, такъ я возымусь за Сальяна... тѣмъ хуже для него!... Я на него не сердѣть; но за чѣмъ онъ попался мнѣ на глаза, именно въ ту минуту, когда я хочу убить кого нибудь?.. Это не мое, а его дѣло!

ГРАФИНИЯ.

Прощайте, Шевалье.. Просьбы мои бесполезны?... Вы мнѣ отказываете?

ШЕВАЛЬЕ.

Не только отказываю, но даже спѣшу...

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же, Командоръ.

ГРАФИНИЯ.

— А! дядюшка, пожалуйте ко мнѣ на по-

мощь! Шевалье устоялъ противъ всего, что я могла сказать ему. Онъ непремѣнно хочетъѣхать къ Г. Сальяну.

Командоръ (важно).

Онъ его не застанетъ.

ШЕВАЛЬЕ.

Какъ не застану?

Командоръ.

Не застанете. Онъ теперь занять дуэлью....

ШЕВАЛЬЕ.

Знаю, потому что дуэль эта со мной!

Командоръ.

Ошибаешься, Шевалье: съ монмъ племянникомъ.

ШЕВАЛЬЕ.

Съ Графомъ?

(Графина пугается).

Командоръ.

Да. Вчера, въ маскарадѣ, Сальянъ вскорбиль Графиню Кандаль; а сегодня утромъ Графъ Кандаль потребовалъ отъ него удовлетворенія; такъ и быть должно...

ШЕВАЛЬЕ.

Какая измѣна!... Всѣмъ, что у васъ есть святаго въ мірѣ, ваше честію, умоляю васъ, скажите, гдѣ они? Я найду ихъ, брошусь между ними... скажу имъ, что я долженъ дратъся.... Я буду вѣчно вами преданъ, скажите.... Гдѣ они? Гдѣ они?

Командоръ.

Я не знаю; но вы можете узнать въ квартирѣ Сальяна; онъ живетъ здѣсь близко.... у васъ есть его адресъ.

ШЕВАЛЬЕ.

Именно такъ.... благодарю васъ!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Командоръ, Графиня.

ГРАФИНИЯ.

Не правда, Графъ не дерется съ Сальяномъ!... Вѣдь вы сказали это Шевалье,

для какой нибудь особенной причины, которой я не знаю.... Не такъ ли, дядюшка?

Командоръ.

Не ты ли сама говорила, что если узнатьъ дѣло, какъ оно было, такъ ты погибнешь въ общемъ мнѣніи; если Шевалье будетъ за тебя драться, честь твоя потеряна!.... Кандаль согласился съ твоимъ мнѣніемъ, принялъ оскорблѣніе на себя, и отправился на дуэль!

Графиня.

Онъ не бросилъ меня, какъ я стоила, за такую вину!.... нѣ наказалъ меня своимъ презрѣніемъ, и презрѣніемъ свѣта, а старается спасти меня, подвергая жизнь свою опасности!.... О! если съ нимъ что нибудь случится!... Если его ранятъ!.... Если его убьютъ!... О! и я не видала его, не могла сказать ему, какъ страдала съ тѣхъ поръ, какъ думала, что мы разведены.... Онъ можетъ умереть, не зная, что я люблю его, его одного!.. Онъ можетъ умереть, воображая, что я кокетка, женщина безъ сердца, безъ правиль, безъ души!.... Онъ можетъ умереть, проклиная меня: я ничего не сдѣлала для его счастія, а буду причиной его смерти! О! клянусь вамъ, дядюшка, я его не переживу!

Командоръ.

Послушай: я, старикъ, не понимающій вашей нынѣшней безумной жизни, я пришелъ сюда съ упреками; хотѣлъ заставить тебя отвѣтить за эту несчастную дуэль.... но вижу твои слезы, твою горесть, твое отчаяніе.... И я страдаю!... у меня нѣть дѣтей.... Кандаль былъ моимъ сыномъ... ты моя дочь! Если онъ умретъ, погибъ родъ нашъ! И я, бѣдный старикъ, переживу всѣхъ!... О! я также страдаю, хоть я мужчина!...

Графиня. (бросаясь въ его объятия.)

Отецъ мой!

Командоръ.

Да, отецъ твой.... да! Когда моя го-

рестъ объясняетъ май твою, у меня нѣть силъ бранить тебя.... Можетъ быть, не слѣдуетъ говорить, но знай, что я рассказалъ ему все....

Графиня.

Что я ревную его?.... что поѣхала въ маскарадъ, чтобы преслѣдовать его?.... сказали ему, что я его люблю?.... А онъ уѣхалъ, не простившись со мной!.... О! это хуже равнодушія.... это ненависть, презрѣніе....

Командоръ.

Совсѣмъ не то.... любовь!.... онъ не ненавидитъ, не презираетъ, а любить тебя, Луиза.

Графиня.

Любить?.... въ самомъ дѣлѣ, дядюшка?

Командоръ.

Какъ ты его любишь.... а можетъ быть, еще больше!...

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ же, Шевалье (быстро отворяетъ двери.)

Шевалье

Кандаль воротился?

Командоръ.

Нѣтъ еще.

Графиня.

Боже мой! Что съ вами? какъ вы разстроены, блѣдны!

Шевалье.

Нѣтъ.... ничего. (Хочетъ уйти.)

Графиня (останавливаетъ его.)

О! Вы не уйдете, пока не расскажете мнѣ всего.... Что случилось?

Командоръ.

Что такое?

Шевалье.

Я и самъ еще не знаю: Я побѣжалъ къ Сальяну; тамъ сказали мнѣ, что они дерутся близко, за домомъ Миссій.

Графиня.

Вы туда...

ШЕВАЛЬЕ.

Въ одну секунду я добѣжалъ туда, но опоздалъ....

ГРАФИНА.

Опоздали!... Боже мой! что хотите вы сказать?

ШЕВАЛЬЕ.

Тутъ близко работали какіе-то ремесленники; они видѣли дуэль, и сказали мнѣ, что кто-то опасно раненъ, но не могли сказать кто именно.

ГРАФИНА (падая съ крес-

ло.)
Боже мой! вѣрно Кандаль!

КОММАНДОРЪ (въ полголоса.)

Лестное слово!... вы ничего болѣе не знаете?

ШЕВАЛЬЕ.

Честное слово, ничего!

КОММАНДОРЪ

Такъ есть еще надежда.

ГРАФИНА (вскакивая.)

Слушайте! (все встали.)

КОММАНДОРЪ

Кто-то идетъ! (молчаніе.)

ГРАФИНА

Его походка! (Дверь растворяется.)

Графъ входитъ; Графиня падаетъ въ его объятия съ крикомъ) Ахъ!

КОММАНДОРЪ (падая съ крес-

ло.)
Ахъ!

ШЕВАЛЬЕ.

Какъ вамъ не стыдно?

КОММАНДОРЪ.

Что дѣлать? вѣдь я дядя!

и позы, стоя имъ... (вспоминаетъ) ахъ
если же будетъ атака... (беруясь за

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТѢЖЕ, ГРАФЪ.

ГРАФИНА (въ его обятияхъ.)

Вы не ранены?

ГРАФЪ.

Слава Богу, нѣть!

ГРАФИНА.

Какъ это было.... расскажите....

ГРАФЪ.

Позвольте прежде, насмотрѣться на васъ.... О! это вы, точно вы... какъ я счастливъ!

КОММАНДОРЪ.

Ты порядочно ранилъ его?

ГРАФЪ.

Да, въ самое сердце.... Мнѣ никогда было выбирать мѣста, я сѣѣши.

КОММАНДОРЪ.

И теперь нечего медлить; надо бѣхать!

ГРАФИНА.

Бѣхать!.. Куда, дядюшка?

КОММАНДОРЪ.

Король не прощаетъ дуэлей, и мужъ твой не памѣренъ въ третій разъ попасть въ Бастилию... не такъ ли, Кандаль?

ГРАФЪ.

Разумѣется... особенно въ эту минуту.

ШЕВАЛЬЕ (припомнитъ.)

Ахъ! Боже мой! что я сдѣлалъ!

ГРАФИНА.

Дядюшка! я пойду съ пимъ, я сго не оставлю.... Кандаль! (поправляясь) Графъ! я вмѣю право за вами слѣдоватъ, я ваша жена.

ГРАФЪ.

О! вѣдѣ, вѣдѣ....

КОММАНДОРЪ.

Хорошо, хорошо; только не задерживай его, а не то—тебѣ прідется идти за нимъ въ тюрьму.

ГРАФИНА.

Боже мой! ъдемъ скорѣй!.... Марта!

Марта!

КОММАНДОРЪ.

Люди послѣ приѣдути: ступайте!

ГРАФИНА.

Хорошо! ъдемъ!

ЖАСМЕНЬ (входит в середину комнаты).
Полиция окружила домъ нашъ.

КОМАНДОРЪ.

Чортъ возьми! мы опоздали!

ШЕВАЛЬЕ.

И опять я виноватъ!

ГРАФЪ.

Какъ ты?

ШЕВАЛЬЕ.

Да, я. Когда я узналъ, что ты хочешь драться вместо меня, мнѣ казалось, что всѣ средства дозволены, только бы помѣшать вамъ... и я извѣстилъ полицію...

ГРАФЪ.

Чортъ возьми!

ГРАФИНА.

Боже, Боже мой! что дѣлать?

ЖАСМЕНЬ.

Они идутъ!... не запереть ли дверей?

ШЕВАЛЬЕ.

Нѣтъ!... напротивъ, отворите...

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ же, Полицейскій офицеръ, стражи.

ГРАФЪ.

Господа! что за шумъ? что вамъ угодно?

ОФИЦЕРЪ.

Графъ де Кандаль!

ШЕВАЛЬЕ.

Я здѣсь! что угодно?

ГРАФИНА.

Что онъ говорить?

ГРАФЪ.

Чего онъ хочетъ?

ОФИЦЕРЪ (догоргивалась до **Шевалье** жезломъ).

Именемъ Короля, я васъ арестую, Графъ.

ШЕВАЛЬЕ.

Могу ли я проститься съ женою и съ друзьями?

ОФИЦЕРЪ.

Если вамъ угодно!

(Шевалье выходитъ на аванс-сцену и становится между Графомъ и Графинею).

ГРАФЪ.

Что все это значитъ?

ШЕВАЛЬЕ.

Еще одинъ разъ позволь мнѣ занять твое мѣсто. Но, этотъ разъ, даю тебѣ честное слово, Кандаль, будешь послѣдній.

ГРАФИНА.

Объяснитесь, Шевалье.

ГРАФЪ.

Да, объяснись.

ШЕВАЛЬЕ.

Тише! Пока меня повезутъ въ твоей каретѣ, садись въ мою спокойно, и уѣзжай въ Лоррену или въ Конта. Черезъ три дня я докажу, что я не Графъ Кандаль... и меня выпустятъ изъ тюрьмы. Черезъ полтара мѣсяца, Сальянъ выздоровѣетъ... Черезъ два мѣсяца, ты явишься опять ко двору, какъ будто ничего не бывало. Только надо мнѣ будуть смѣяться... но я знаю, что вы счастливы, и уѣщаюсь!

ГРАФЪ.

Шевалье! Я никогда не позволю...

ШЕВАЛЬЕ.

Будь великодушенъ!... не мучь меня и дай мнѣ случай заплатить тебѣ за все разомъ!

ГРАФЪ.

Милый Валькл!

ГРАФИНА.

О Шевалье!

ШЕВАЛЬЕ.

Вы предложили мнѣ дружбу, Графиня,

я ее принимаю. Лучшѣ это, чѣмъ ни-
чего.

ОФИЦЕРЪ.

Графъ! мы гасть ждемъ.

ШЕВАЛЬЕ.

Я готовъ... пойдемте!

(Уходитъ съ Офицеромъ и стражей).

КОММАНДОРЪ.

Ну! теперь поѣзжайте!

ГРАФИНА.

А вы? развѣ вы не поѣдете съ нами?

КОММАНДОРЪ.

Нельзя; я долженъ оставаться въ Па-
рижѣ.

ГРАФЪ.

За" чѣмъ же?

КОММАНДОРЪ (вынимая изъ
кармана бумагу).

Хлѣпотать по вашей просьбѣ о раз-
водѣ.

ГРАФЪ.

О дядюшка!... изорвите... изорвите ее!

ГРАФИНА.

Изорвите!

КОММАНДОРЪ (разрывая бу-
магу).

Хорошо!.. теперь я рѣшительно могу
быть спокоенъ на счетъ моего маюранта.

П. МАТЕРИЯЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

БИОГРАФИЯ ОЗЕРОВА.

Репертуаръ, собирая съ такимъ усердіемъ и благонамѣренію всѣ матеріалы для будущей Исторіи Русскаго Театра, напечаталъ уже біографію Княжнина и характеристику сочиненій Сумарокова. Теперь слѣдуетъ Озеровъ — блестательнѣйшій драматургъ своего времени. — Можетъ быть, большая часть читателей Репертуара не согласна была съ мнѣніемъ тѣхъ поченныхъ авторовъ, которые расхвалили творенія Сумарокова и Княжнина; можетъ быть, та же участъ ожидаетъ и эту статью, — но это общий жребій человѣческихъ дѣлъ. У всякаго свой вкусы, свое мнѣніе, и вѣроятно, неѣть на свѣтѣ ни одного предмета, о которомъ бы все люди судили одинаково. Тутъ главное дѣло — собственное убѣжденіе и добросовѣстность. За нихъ каждый читатель простить автору и ошибки, и певѣртый взглядъ. Только продажность мнѣнія и своеокрыстное пристрастіе вредны и презрительны. — Время очищаетъ все, — и будущая благонамѣренная критика легко разберетъ добрую волю и злую, хорошія сѣмена и плевелы. Наше дѣло —

собирать и описывать, основываясь на внутреннемъ голосѣ сердца и разсудка, а не на мнѣніяхъ журналистики и полемическихъ споровъ.

И въ какой же отрасли литературы и художествъ существуетъ больше разнотѣннѣйшій? Гласія во вкусахъ и мнѣніяхъ, какъ въ театрѣ? Всякую другую часть обсуждаютъ въ кабинетѣ, въ уединеніи, вътиши, — и хотя блестательные софісмы и краснорѣчивыя заблужденія часто перевѣшиваются и тутъ судь ума въ пользу обольщеныхъ чувствъ, но мы все таки имѣемъ время одуматься, опомниться. Въ театрѣ же, вездѣ и во всемъ обольщеніе. Многочисленность зрителей, игра артистовъ, костюмы, декорации и восторгъ толпы увлекаютъ самыхъ хладнокровныхъ аристарховъ въ вихрь всеобщихъ сужденій и минутныхъ впечатлѣній. Напрасно вы будете дома обдумывать и передумывать — приговоръ уже сдѣланъ, — и каждому потомъ совѣстно отказаться отъ первого своего мнѣнія. А между тѣмъ успѣхъ или паденіе піесы уже рѣшены, часто и то и другое не-

Біографія

заслуженные. — Остается вся надежда на потомство; — но для какихъ драматическихъ творений существует потомство! Мы съ малолѣтства заучили и твердимъ имена Софокла, Эврпипида, Корнеля, Расина, Вольтера, Шекспира, Шиллера, а на какой сценѣ существуютъ теперь творения этихъ великихъ людей! О Греческомъ Театрѣ и говорить нечего: это то же, что Нумисматика: вся цѣнность можетъ состоять въ ихъ древности. Только въ Берлинѣ вздумали недавно представлять Софокла въ Нѣмецкомъ переводѣ, — и то для самого малаго числа избранныхъ зрителей; но этотъ родъ зрѣлища никогда уже не сдѣляется общеподѣльнымъ. (*) Французскіе классики забыты теперь въ самой Франції. Германія вѣрна еще, конечно, своему Шиллеру, а Англія Шекспиру; но піесы этихъ великихъ людей являются и тамъ изрѣдка, какъ бы невольною данью могутственному ихъ генію. А у насъ?....

Драматический репертуаръ нашъ представлялъ всегда самую богатую и разнообразную смѣсь піесъ всѣхъ вѣковъ и націй. Собственного национального репертуара мы еще не имѣмъ. Самобытныхъ геніевъ въ драматической нашей литературѣ — еще не было. Отдельныя явленія самобытности блестали, конечно, и на нашемъ горизонте. Иродоросль Фонь-Винзина, и Горе отъ ума, Грибоѣдова, — можно назвать феноменами; — но драматические труды ихъ, доказавъ намъ только

(*) Для нашей читающей публики Редакція Репертуара и Пантеона хотѣть напечатать одну трилогію, составленную изъ трехъ Греческихъ трагедій Эсхила, Софокла и Эврпипида, которые все трое писали на одинъ сюжетъ, только въ разныи эпохи жизни героя.

Это *Агамемнонъ и Клитемнѣстра*. Періодъ трилогіи разумѣется отъ возвращенія Агамемнона изъ подъ Трои до совершенія мщенія Ореста. — Это трудъ молодаго автора, который еще начинетъ свое литературное и драматическое поприще.

возможность собственного, национального театра, не составили намъ репертуара. — Все прочее было, болѣе или менѣе, подражаніемъ, или добросовѣстнымъ переводомъ. Сперва мы поставили себѣ кумирами Французскую классическую школу, — и думали видѣть всѣ совершенства въ Расинѣ, Корнель, Вольтерѣ. Но когда требование вѣка и вкуса низвергли эти кумиры, мы принялись за Шекспира, а въ тихомолку за Гюго и Дюма. — Къ сожалѣнію изъ безчисленнаго множества творений Шекспира у насъ остались только двѣ піесы на репертуарѣ: *Гамлетъ* и *Отелло*; всѣ прочія, несмотря на громкія восклицанія Шекспиро филовъ, не были приняты всеобщимъ вкусомъ и мнѣніемъ, а остались достояніемъ библіотекъ. — Произведенія же Гюго и Дюма не успѣли, мимолетнымъ своимъ появлениемъ, испортить нашей нравственности, хотя и нашли своихъ подражателей. — Такимъ образомъ мы остаемся *ne при чемъ* (*raison de l'expression!*), и находимся на той точкѣ нравственно-литературнаго перелома, за которымъ должно слѣдовать новое устройство всѣхъ этихъ разнородныхъ стихій, этого хаотического всесмѣшнія всѣхъ націй и временъ, однимъ словомъ, должна слѣдовать наша народность. Нуженъ только одинъ человѣкъ съ геніемъ, чтобы двинуть эту сферу... и скорѣль, долголь, но онъ долженъ же явиться. Въожданиемъ этого, мы многимъ обязаны Кукольнику и Полевому, которые одни поддерживаютъ нашу драматическую литературу, — и хотятъ ей дать настоѧщее направлѣніе. За то и публика наша, самая благодарная, какая только гдѣ либо существуетъ, сильно и усердно ихъ поддерживаетъ. А это-то и составляетъ главную пружину драматическихъ трудовъ. Пусть строгая критика въ первомъ произведеніи Кукольника (*Рука Всевышнаго Отечество спасла*) паходитъ только два акта драмы, но вся піеса его одушевлена такимъ чувствомъ, согрѣта такимъ жа-

ромъ, что мы бы были счастливы, если бы имѣли еще десять подобныхъ драмъ. Пусть холодные цѣнители искусства находить бездну недостатковъ въ *Парашу Сибирячка* Полеваго, во безпристрастный зритель, плакавшій въ ней отъ умиленія, душевно поблагодарить автора всякой разъ за это произведеніе. И теперь отсюду раздаются критики на его *Глинскую*, по театръ всякий день былъ полонъ, когда ее играли, а это право самый вѣрный приговоръ для театральныхъ піесъ. Напишите піесу безъ недостатковъ, но если ее не будутъ смотрѣть, такъ Богъ съ нею!

Лѣтъ за 40, за 30 предь симъ былъ также авторъ: одни превозносили его величайшимъ геніемъ, другіе же на него шипѣли хулою. Это участъ всѣхъ писателей. Друзья хвалятъ, враги бранятъ, а судъ современной публики рѣшаєтъ дѣло. Настоящія же заслуги имѣть право цѣнить одно потомство. — Если произведенія Кукольника и Полеваго дойдутъ до будущаго поколѣнія, то пусть оно и судитъ, а мы, современники, будемъ покуда смотрѣть и любоваться... Ну, а кому не нравится, пусть не смотрѣтъ, пусть бранитъ. — Лишь бы брань была благопамѣрная и добросовѣтная, то и авторъ не обидится, и искусство выиграетъ.

Мы теперь составляемъ уже почти потомство для произведеній первыхъ годовъ XIX столѣтія, хотя многіе изъ читателей и современники этой эпохи. Намъ рано еще писать политическую Исторію этого времени, но литература скоро старѣется, и сороковой годъ уже можетъ называться правнукомъ первого. Особливо у насъ въ Россіи такъ быстро развиваются всѣ отрасли познаній, что иная литературумъ произведенія, которымъ отъ роду лѣтъ 20, кажутся намъ теперь археологическими открытиями. А потому надобно спѣшить собираниемъ всѣхъ матеріаловъ нынѣшняго поколѣнія; иначе будущее столѣтіе не отыщетъ ихъ ни въ какомъ энциклопедическомъ лексиконѣ.

Чудное дѣло нашъ театръ! Едва успѣль родиться, выйти изъ пеленокъ, а ужъ какъ дитя — исполнить мощною рукою ухватился за все, надъ чѣмъ другіе пароды трудились цѣлая столѣтія. Возьмите во Франціи — какое неизмѣримое, многостороннее пространство отъ мистерій Базошскихъ Клерковъ до Федры и Гообліи. У насъ же, едва Волковъ успѣль образовать свою труппу въ Ярославскомъ кижевенномъ сараѣ, едва успѣль перевести на Русскій языкъ кое-какія пічточныя вещи, — вдругъ является Сумароковъ, съ перваго шага想要 соединить въ себѣ Распина и Молера. — Большая часть современниковъ его повѣрила ему на слово, и геніальность его долго была неоспоримою аксіомою. — Потомъ явился Княжининъ, — и піесы Сумарокова вачали мало по малу забывать. Русскій языкъ сдавался чище, вкусъ публики взыскательнѣе. Какъ ни замѣтна была еще въ Княжининъ школа Сумарокова, по духу времени уже очищая ее, и потому Княжининъ уже гораздо выше своего предшественника. — Вдругъ, въ 1795 году, возвѣшена была на Большомъ Театрѣ трагедія: *Смерть Олега Древлянского*, въ пяти актѣвихъ, въ стихахъ, сочиненіе Озерова.

Тогда появленіе новаго автора было дѣло чрезвычайной важности, и на сочинителѣ пяти-актной трагедіи всѣ бѣгали смотрѣть, какъ на чудо. Тогда даже переводчики играли важную роль, и переведи произведеніе какого либодѣя извѣстнаго автора, гордо говоривали: сегодня играютъ мою піесу. — Блаженный времена! Золотой вѣкъ! — Теперь никто съ мѣста не тронется, чтобъ посмотреть на литературнаго труженика.

Лишь только Петербургскіе любители театра прочли объявление о новой піесѣ, всѣ на перерывѣ бросились узнавать: кто авторъ, откуда, каковъ собою, гдѣ служитъ, съ чѣмъ родня, кому знакомъ? Розыски были непродолжительны. Оказа-

лось, что Озеровъ былъ молодой чло-
вѣкъ, который воспитывался въ 1-мъ
Кадетскомъ Корпусѣ, и прослужа пѣ-
сколько времени въ военной службѣ,
перешель въ гражданскую. О литератур-
ныхъ его произведеніяхъ, предшествовав-
шихъ Олегу Древлянскому, знали не мно-
гие. Нашли только одинъ переводъ: *Ге-
роиды Элоизы къ Абеларду* — соч. Ко-
лардо, съ предисловіемъ отъ переводчи-
ка; этотъ переводчикъ былъ Озеровъ.
Онъ очень цаинво признается въ этомъ
предисловіи, что: *чтение стихозъ Колардо* родило въ немъ вдохновеніе *Аполлона*, и воспомнило воображеніе, ко-
торое до тѣхъ поръ не тронуто было
волшебными же золотыми поэзіи. — Къ со-
жалѣнію Русская читающая публика не
почувствовала тогда, что эта незначущая
книжонка будетъ первымъ шагомъ на великомъ поприщѣ. Не многіе знали тогда
и подлинникъ Колардо, который также
былъ переводомъ съ Англійского (Попе),
а о Русскомъ переводѣ никто и знать не
хотѣлъ. Онъ явился — и исчезъ въ книж-
ныхъ лавкахъ. Однако жъ, Русская Словесность многимъ обязана этой Героидѣ. Озеровъ говорилъ искренно. Ему
уже было за 25 лѣтъ, а онъ и не думалъ,
что въ немъ скрывается великий поэтъ и могущественный двигатель на-
шей драматической литературы. — Только
чтение стиховъ Колардо бросило ис-
кру въ этотъ порохъ. Странная участъ
всѣхъ человѣческихъ дѣлъ на свѣтѣ!
Озеровъ, по тогдашнему образу воспи-
танія, былъ человѣкъ неученый. — Ка-
детскій Корпусъ, давшій Россіи такъ мно-
го отличныхъ офицеровъ и знаменитыхъ
полководцевъ, вовсе не готовилъ Озеро-
ва въ драматические писатели. Онъ самъ
говорилъ, въ послѣдствіи, что учителями
и образцами его были — въ поэзіи —
Княжнинъ, а въ прозѣ — Болтинъ. Зна-
ніе Французскаго языка было тогда глав-
ною и почти единственою потребностию
общества. Озеровъ зналъ очень хорошо

этотъ языкъ, и болѣе всего любилъ чи-
тать на немъ романы! — Въ этомъ онъ самъ
сознавался, и говорилъ всегда, что этотъ
родъ чтенія образовалъ его сердце. —
Вѣрно Озеровъ зналъ и читалъ всѣ твор-
енія Корнеля, Расина и Вольтера. Какимъ
же образомъ, при чтеніи этихъ драмати-
ческихъ произведений, которыхъ тогда
всѣмъ свѣтомъ почитаемы были за образ-
цовыя, не вспыхнуло въ груди его то
чувство поэзіи, то самосознаніе даро-
ванія, которое проникло въ душу только
отъ стиховъ Колардо? Вотъ вопросъ,
который затруднитъ всѣхъ психологовъ
и физіологовъ!

Какъ бы то ни было, вдохновеніе, по-
рожденное Героидою Колардо, произвело
на свѣтѣ: Олега Древлянского — пер-
вый драматический опытъ Озерова.

Содержаніе піесы взято изъ послѣд-
нихъ дней мюніческаго царствованія это-
го Варяго-Русскаго Князя. Имена дѣй-
ствующихъ лицъ, разумѣется, всѣ Су-
мароковскія; тогда и нельзѧ было иначе.
Разговоры той же школы, а завязка чисто
вымыселенная, и по тогдашнему обыкно-
венню, самая неправдоподобная. Только
языкъ уже отзывался какою-то изыскан-
ною чистотою и оборотами, къ которымъ
тогда еще не привыкли, не умѣя ихъ
цѣнить. И странное дѣло! Піеса, на-
писанная по всѣмъ правиламъ Сумароков-
скихъ образцовъ, не имѣла тогда успѣха.
Эта неудача была весьма полезнымъ уро-
комъ для Озерова. Онъ самъ почувствово-
валъ, что духъ времени и вкусъ публи-
ки требуетъ уже другихъ условій и кра-
соть, нежели піесы Сумарокова и Княж-
нина.

У насъ публика самая спіходи-
тельная и благодарная; однако же у
насъ всего труднѣе начало драматургиче-
скаго поприща. — Никто изъ величай-
шихъ геніевъ не начиналь вдругъ съ
образцового произведенія; всегда слабыя
піесы вели къ лучшимъ, — и публика
спіходитъ къ начинающему. У насъ этого

знатъ не хотятъ. Мы во всемъ торопимся къ совершенству, и намъ скучно смотрѣть на безпрестанныя начала, у которыхъ большею частію не бываетъ и конца. Мы уже видѣли или знаемъ всѣ лучшія произведенія нашего вѣка,—и отъ этого всякая слабая піеса рождаетъ въ насъ нетерпѣніе. Мы не хотимъ видѣть младенчества дарований, не хотимъ слышать первоначальныхъ опытовъ. Намъ надобно все хорошее — и прямо *на-често*. А это очень трудно! Холодность, невниманіе и злые критики часто могутъ убить рождающееся дарование.

Къ счастію Озерова, тогда былъ еще золотой вѣкъ нашей журналистики. Она тогда очень нѣжно обращалась съ юными питомцами музъ; она давала совѣты, а не изливала желчи своей на всѣхъ, кто не ея пэргі. Такимъ образомъ, Озеровъ перенесъ свою неудачу — и далъ себѣ слово отмстить за нее блестательнымъ образомъ. — Онъ началъ читать всѣхъ трагиковъ, и нѣсколько лѣтъ обдумывалъ свой сюжетъ.

И кто бы могъ опять подумать, что Опера Саккіни: *Эдипъ въ Колоннѣ* дастъ ему содеряніе къ новой трагедіи! — Напрасно библіографы Озерова старались увѣрить всѣхъ, что Эдипъ Софокла внушилъ ему мысль написать изъ этого сюжета Русскую трагедію. Озеровъ не зналъ по-Гречески, а перевода Софокловыхъ твореній тогда у насть не было (на Русскомъ и теперь нѣть). — Конечно, Карамзинъ, въ одномъ изъ своихъ отрывковъ, прелестнымъ образомъ описалъ весь конецъ трагедіи Софокла и познакомилъ тогдашнюю читающую публику съ этимъ высокимъ произведеніемъ Греческаго поэта; — но вѣрою не этотъ разсказъ Карамзина послужилъ Озерову сюжетомъ къ написанию Эдипа. — Ясныемъ доказательствомъ тому служить развязка его трагедіи, въ которой онъ вовсе не воспользовался прекрасною развязкою Софокла. А еще сильнѣйшимъ убѣжденіемъ въ этомъ служить

самая опера Саккіни, въ которой любопытные могутъ прочесть всю сцену первого выхода Эдипа и Антигоны. Озеровъ перевѣль ее слово въ слово.

Разумѣется, сюжетъ трехъ-актной оперы былъ слишкомъ бѣденъ для 5-ти актной трагедіи, и Озеровъ прибавилъ одно лицо своего изобрѣтенія, ачерезъ это получилъ возможность растянуть ходъ піесы на пять актовъ. И что жъ? — И лицо, и обстоятельства, изобрѣтенные Озеровымъ, принадлежать къ самымъ неудачнымъ выдумкамъ. — Кронъ, этотъ хитрый честолюбецъ, который для присвоенія себѣ трона Лайя, уничтожилъ все его семейство, представленъ у Озерова самымъ ничтожнымъ, самымъ отвратительнымъ злодѣемъ. Жалкая жертва Сумаровскимъ временамъ! Только тамъ есть злодѣи, которые очень искренно и важно рассказываютъ своимъ вѣчнымъ наперсникамъ о кровавой своей жаждѣ и прочихъ пріятныхъ чувствахъ въ этомъ родѣ. — И откуда взялась у насть тогда эта язва *злодѣевъ*? Ни Корнель, ни Расинъ, ни Бодлеръ, которые были тогда всеобщими кумирами, не выставляли подобныхъ чудовищъ. Одинъ Кребильонъ угостилъ Европу своимъ отвратительнымъ Фіестомъ, но и это уродливое произведеніе принадлежало цѣликомъ Древней Миѳологіи. Гдѣ же первоначальный типъ амплуа нашихъ *тирановъ*? Это очень любопытная вещь! Со стороны же Озерова даже не понятно: какимъ образомъ человѣкъ самой мягкой душой и пѣжныхъ чувствъ не отвергъ подобной злодѣйской мысли. Неужели онъ не зналъ, что во всѣ вѣка и времена, злодѣи никогда не хотѣли казаться злодѣями? Торжество добродѣтели именно въ томъ-то и состоить, что всякий извергъ старается прикрыть свои дѣла и чувства маскою добродѣтели; но возвратимся къ Эдипу Озерова.

Теперь вслѣдъ просвѣщеній человѣкъ знаетъ всю судьбу Эдипа, но тогда большая часть зрителей Русскаго Театра неизвестны были съ этимъ мнѣческимъ ли-

цомъ Древней Греції. Озерову нужно было сдѣлать экспозицію своего сюжета, — и вотъ бѣдный и холодный его первый актъ Эдипа. Креонъ приходитъ къ Тезею посломъ отъ Этеокла, и просить его союза противу Семи Царей, возставшихъ на Фивы, для возвращенія престола Полинику. Оно бы и хорошо для экспозиціи, но жаль, что это возстаніе семи вождей случилось гораздо послѣ смерти Эдипа. Ну! да небольшой анахронизмъ куда нѣйтъ. Настоящая трагедія начинается со втораго акта. Тутъ приготовленный зритель уже знаетъ судьбу царственнаго слѣпца, и сцена Эдипа съ Антигоною одна изъ лучшихъ въ репертуарѣ всѣхъ народовъ. Жаль только, что Озеровъ послѣдовалъ тутъ за опорою Саккини. Изступленіе Эдипа, при извѣстіи, что онъ близъ храма Эвменидъ, вовсе не сообразно съ Греческимъ типомъ этого лица. Музыканту нужна была подобная выходка для эффекта въ пѣніи, но трагикъ долженъ бы былъ вникнуть болѣе въ таинственность судьбы Эдипа, и въ тогдашнія религіозныя чувства Грековъ. Эдипа вѣль за руку неумолимый рокъ (*satum*) по стезѣ несчастія и невольныхъ преступлений; Эдипъ повиновался своей судьбѣ, и не боялся гнѣва Эвменидъ.—Потомъ слѣдуетъ сцена съ народомъ, и она была бы прекрасна, еслибы Озеровъ постарался вѣрнѣе изобразить Аѳинскій народъ, самый буйный и крикливыи. Наконецъ, свиданіе съ Креономъ въ присутствіи Тезея, принадлежитъ Озерову, и ведено превосходно. Это истинный отецъ, который, не смотря на неблагодарность и жестокость сыновей, все таки спѣшилъ распросить о ихъ участіи. Воззваніе Эдипа къ богамъ, оканчивающее это явленіе, всего лучше. Оно достойно Соѳокла.

Третій бѣдственный актъ обезображенъ Креономъ. Битые полчаса разсказывается этотъ злодѣй своему наперснику гнусныя свои чувства, и послѣ того, съ шестью воинами, въ чужой землѣ, близъ царскаго

шатра схватываетъ Эдипа, и уводить его насильно въ Фивы, оставляя Антигону въ Аѳинахъ. Удивительная несообразность! Всякій зритель знаетъ любовь дочери къ отцу, и при насильственной разлукѣ съ нимъ всякий чувствуетъ, что она вѣрно бы не распѣвала шестистопные стихи, а кричала изъ всѣхъ силъ, какія ей дала мать-природа. Какъ же на этотъ крикъ не пришелъ ни одинъ Аѳинскій зѣвака! Какъ могъ Креонъ вздумать и предпринять подобную глупость!

Въ 4-мъ актѣ является новое лицо. Это Полиникъ. Онъ принадлежитъ къ оперѣ Саккини, но сцена его съ сестрою и съ отцемъ — созданы Озеровымъ, и дышать высокою поэзіею.

Наконецъ 5-й актъ, этотъ камень преткновенія всѣхъ писателей, погибъ отъ слабости Озерова. Въ первоначальномъ планѣ своей трагедіи онъ хотѣлъ ее окончить по отрывку Карамзина, то есть такъ, какъ создалъ его Соѳоклъ премиліозныя чувства Древніхъ Грековъ. Что жъ? Прочтя свою піесу въ одномъ обществѣ, въ которомъ онъ нарочно собралъ Яковлева, Шушерина и Сахарова (тогдашніхъ первыхъ драматическихъ актеровъ), онъ, по окончаніи чтенія, просилъ, чтобы они ему откровенно сказали свое мнѣніе и подали дружескіе совѣты. Что жъ? Всѣ три актера единогласно возопили противу окончания; всѣ утверждали, что піеса непремѣнно упадетъ, если въ концѣ умретъ Эдипъ, а не Креонъ. Напрасно Озеровъ толковалъ имъ о Соѳоклѣ, они этого имени не слыхали; они только знали, что по правиламъ театра и нравственности надобно, чтобы въ концѣ каждой піесы добродѣтель была награждена, а злодѣйство наказано. Этотъ парадоксъ классицизма превозмогъ; Озеровъ уступилъ и согласился передѣлать окончаніе. И вотъ, вопреки исторіи, Креонъ погибаетъ, пораженный громовымъ ударомъ, тогда какъ онъ царствовалъ въ Фивахъ послѣ Этеокла и Полиника. И вотъ, по милости актерскихъ совѣтовъ, Эдипъ

остается жить да поживать, а писа
остается испорченюю. Впрочемъ, и то
сказать: ужъ коли Озеровъ вывелъ Крео-
на на сцену, то куда бы онъ его дѣлъ
въ концѣ піесы? Вся продѣлка похище-
нія Эдипа была бы тогда ни къ селу,
ни къ городу, и самъ Тезей долженъ бы
быть воротиться раньше. Однимъ словомъ,
этотъ 5-й актъ самое слабое и безцѣль-
ное созданіе. И все это по совѣту доб-
рыхъ друзей и знатоковъ! Все по слабо-
сти характера, не свойственной истинному
гению!

За то стихотворная часть въ Эдипѣ
превыше всѣхъ похвалъ. Надобно вообра-
зить себѣ тогдашнее состояніе нашей
драматической литературы. Кромѣ сти-
ховъ Сумарокова и Княжнина, не знали
тогда на сценѣ ничего лучшаго, а всякий
изъ насть знать каковы они были! Вдругъ
явился Эдипъ, и это было истинное очаро-
ваніе. Тогда служилъ при театрѣ Князь А. А.
Шаховской, который обязанъ былъ раз-
сматривать піесы, поступающія въ дирек-
цію. Самъ онъ не думалъ еще тогда быть
первокласснымъ нашимъ драматургомъ, но
страстно любилъ поэзію и литературу.
Прочтя Эдипа, онъ былъ въ какомъ-то
радостномъ изступленіи; съ восторгомъ
бросился онъ къ А. И. Оленину, котораго
должна была тогда собралиемъ литератур-
наго и, художественнаго міра, и, потрясая
манускриптомъ Эдипа, требовалъ немед-
леннаго его прочтенія, говоря, что это
небывалое чудо, прелесть, райское пѣніе.
Піесу тотчасъ прочли, и восторгъ былъ
всеобщій. Конечно, строгій Эллининъ, А.
И. Оленинъ, недоволенъ былъ 5-мъ ак-
томъ, и когда Князь Шаховской позна-
комилъ съ піемъ Озерова, то напомнилъ
ему о Союзкѣ и Греческой *Судьбѣ*: но
Озеровъ уже не рѣшился еще разъ пе-
редѣлывать конца, а объявилъ всеобщее
миѳніе театрально-артистического автори-
тета. А. И. Оленинъ покачалъ головою,
но дѣло тѣмъ и кончилось. Креонъ все-
таки былъ убитъ, — и по дѣломъ ему!

23-е Ноября 1804 года, былъ досто-
памятный день первого представленія Эди-
па, на Большомъ Театрѣ, — и вотъ дѣй-
ствующія лица: Тезей — Яковлевъ, Эдипъ —
Шушеринъ, Креонъ — Сахаровъ, Анти-
гона — Семенова, Полиникъ — Жебелевъ.
Успѣхъ піесы былъ превыше всякихъ
описаній. Прекрасная поэзія увлекла и
знающихъ и незнающихъ. Это была ка-
кая-то сладостная гармонія, впервые раз-
дававшаяся подъ сводами театра. Когда
Яковлевъ сказалъ, въ 1-мъ актѣ:

Мой мечь, — союзникъ миѣ,
И подданныхъ любовь къ отеческой странѣ!
Гдѣ на законахъ власть царей установленна,
Сразить то общество беззельна нея велелна!
это былъ первый сигналъ къ апо-
диссментамъ, потрясавшимъ залу.

Второй актъ начался появлениемъ Эди-
па, Шушерина, и Антигоны-Семеновой. Шушеринъ былъ тогда любимѣйшимъ ак-
теромъ публики, — и къ сожалѣнію, болѣе
за крики. Каково же было всеобщее удив-
леніе, когда Шушеринъ вышелъ разсла-
бленнымъ старцемъ, который только съ
помощью дочери могъ ходить! Царствен-
ный слѣпецъ, изгнанный пѣблагодарными
дѣтьми, скитающійся изъ края въ край,
чтобы по волѣ богинь окончить жизнь
тамъ, гдѣ судьба предназначила его гробъ:
это высокое лицо таинственной древно-
сти возбуждало въ высшей степени все-
общее участіе. Онъ сѣлъ на камиѣ, и
сказалъ:

Печальну жизнь плакать не достасть миѣ
силь!
Слепецъ, чтобы слезы лить есталася миѣ очи;
Дни ясны для меня, подобны мрачной ночи.
Нѣтъ! никогда уже мон не увидитъ взоръ,
Ии красоты долинъ, ни возвышенныхъ горъ,
Ии въ веснѣ день ятсонъ зеленыя одежды,
Ии съ жатвою полей, оратавъ надежды,
Ии мужа кроткаго пріятнаго чела,
Котораго багровъ рука произвела.
Сокрылись отъ меня вѣт прелести природы;
При имени моемъ смущаются народы;
Какъ язва лютая поисходу я гонимъ!

— и долговременное браво! оглушило акте-

ровъ. Подобные стихи въ первый еще разъ слышала Русская публика.

Антигона была тогда еще не та знаменитая Семенова, которая въ послѣдствіи составила славу нашего театра; тогда еще она была молоденькая жрица Мельпомены, которая еще не знала будущаго своего поприща. Но прелестный голосъ, прекрасная наружность и благородство игры уже привлекали къ ней всеобщее внимание. Ея прекрасная тирада:

Ахъ! не жалю я о пыщной славѣ той, и проч. заслужила всеобщіе аплодисменты.

Вскорѣ однако Шушеринъ успѣлъ напомнить публикѣ, что онъ умѣеть по прежнему кричать. Изступленіе Эдипа при имени храма Эвменидъ, дало ему прекрасный къ этому случаю, и произвело обыкновенный свой эффектъ надъ публикою. Гораздо лучше для просвѣщенной части публики былъ Шушеринъ въ прекрасномъ своемъ отвѣтѣ Тезею:

Такъ для преступного и скрѣбнаго слѣпца
Еще не всѣхъ людей закрылися сердца! и проч.
Тутъ поэтъ Озеровъ снова восхитилъ публику.

А тирада Шушерина, когда онъ узнаетъ, что передъ нимъ Креонъ, была выполнена прекрасно. Какъ отецъ, онъ спѣшилъ спросить о дѣтяхъ, потомъ отвергаетъ ихъ, а наконецъ обращается къ богамъ. Это обращеніе превосходно и въ сценическомъ, и въ поэтическомъ отношеніи:

О, боги сильные, властители природы,
Которыми надуть и возстанутъ народы!
Предь вами вики,— мигъ, вселенная— черта,
А смертныи на землѣ, какъ слабая мечта!
Избранные мени терпнію къ примѣру,—
Какъ гибьва вашего исполните вы мечту,
Какъ часъ приѣдѣть меня съ лица земнаго
стертъ,
Не дайте сыновьямъ моимъ увидѣть смерть,
Не дайте извергамъ моимъ ругаться пражомъ!
Чтобъ въ Оивахъ извѣстясь съ смущенiemъ и
страхомъ
О смерти ихъ отца, не знали где съскать
И места на землѣ, где буду я лежать.
Благоволите ли во областяхъ Тезея

Назначить тихій гробъ невиннаго злодѣя?
Отвѣтствуйте! Отвѣтствуйте!

Если бъ нынѣшній пяти-стопный ямбъ не вытѣснилъ совершенно со сцены Александрийскаго стиха, то нынѣшніе драматические писатели едва ли бы написали чтонибудь лучше этого.

Третье дѣйствіе должно было дать актеру Сахарову случай получить, въ свою очередь, несолько аплодисментовъ, и къ стыду тогдашняго вкуса, онъ ихъ вполнѣ получилъ. Сахаровъ былъ однако же хороший и умный артистъ. Онъ не виноватъ былъ, что ему досталась въ удѣль такая злодѣйская роль. Сцена Эдипа съ Креономъ ведена была превосходно Шушериномъ. Отвѣтъ его:

Хотя я въ нищетѣ, но не сравлюсь съ Креономъ....
Я былъ Царемъ, а ты лишь ползаешь предъ трономъ.

заслужилъ троекратный аплодисментъ. А потомъ, когда онъ узнаетъ о замыслѣ Креона къ похищенню его, и слышитъ, что Антигона на колѣняхъ умоляетъ злодѣя, чтобы онъ не разлучалъ ее съ отцемъ:

Не унижайся, дочь, не будь сраженна рокомъ!
Незинности ли клонить колени предъ порокомъ?
Лишася тебя, я съ жизнью разстаюсь,
Но предъ злодѣями главою не склонюсь!
Намъ тѣ ердынь должно быть; или трепетать въ
боязни...

Злодѣевъ торжество—предшественникъ казни!
Есть боги въ небесахъ, есть громы, о Креонъ!
И притѣсненаго до нихъ восходитъ стонъ.

4-й актъ весь посвященъ новому лицу — Полинику. Онъ созданъ и написанъ превосходно. Но въ немъ и торжество Эдипа. Монологъ его упрековъ сыну заслуживаетъ, чтобы его всякий образованный человѣкъ зналъ наизусть. А если вспомнить, что онъ былъ написанъ въ 1804 году, то это, просто, чудо. Тутъ Шушеринъ былъ превосходенъ. Когда же въ концѣ акта его снова хотятъ разлучить съ дочерью, и онъ говоритъ:

О, дочь моя! могу ль разстаться я съ тобой!..
Остануся убогъ, совсѣмъ осиротю...
Ты плачешь!.. Я и слезъ ужъ больше не имѣю!..
Шушеринъ быль истиннымъ отцемъ, — и
партеръ заплакаъ.

Что сказать о пятомъ актѣ? Тогда онъ имѣлъ успѣхъ, потому что красоты предшествовавшихъ искупали слабости его, и потому, что зрители вполнѣ чувствовали заслуги автора. Послѣдніе четыре стиха, оканчивающіе трагедію, почему-то переведены Озеровымъ изъ Гоеоліи.

Восторгъ публики быль неописуемъ. Въ Петербургъ только и говорили что обѣ Эдипъ. Въ домѣ А. Н. Оленина общество литераторовъ условилось выбрать въ честь Озерова медаль. Піеса его была потребована ко Двору, и дана на Эрмитажномъ Театрѣ. (Тогда прѣѣздъ Императорской Фамиліи въ публичный театръ бывалъ только въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ.) Государь Императоръ самъ удостоилъ говорить съ авторомъ, и осыпалъ его похвалами. Однимъ словомъ, Эдипъ поставилъ Озерова на ряду первыхъ нашихъ драматическихъ писателей.

Этотъ успѣхъ возбудилъ всю дѣятельность Озерова. Онъ съ жаромъ бросился искать сюжета къ новой трагедіи, и руководство А. Н. Оленина указало ему на лицо самое поэтическое. Тогда вышелъ въ свѣтъ на Русскомъ языкѣ: *Оссіанъ, сынъ Фингаловъ*, переводъ Кострова, — и все читающее сословіе приняло эту книгу съ восторгомъ. Поэзія бардовъ была совершенно сходна съ нашими нравами, понятіями и климатомъ. Это былъ истинный отпечатокъ Сѣвера. Снѣгъ, туманы, унылое пѣніе и страсть къ битвамъ, совершенно принадлежать Русскому характеру. Озеровъ избралъ главнаго героя Оссіановскихъ поэмъ — *Фингала*, сюжетомъ для новой трагедіи. Но если, въ поэтическомъ отношеніи, это лицо представляло самое богатое поле для Озерова, то бѣдность происшествій во всѣхъ поэмахъ Оссіана была слишкомъ ощущи-

тельна для составленія пяти-актной трагедіи. Однако же, рѣшившись однажды, Озеровъ не хотѣлъ оставить указанного ему пути. Онъ вздумалъ пебывалую вещь: трехъ-актную трагедію.

Нововведенія, которыя Озеровъ позво- лили себѣ въ Эдипѣ, уже нарушили правила тогдашняго классицизма. Единство мѣста, такъ строго дотолѣ наблюдавшее и Сумароковыимъ и Княжининымъ, уже было нарушено въ Эдипѣ, — и публика за это вовсе не сердиася. Теперь, вместо узаконенныхъ пяти актовъ для трагедіи, сдѣлано было три; декораціи опять перемѣнялись въ каждомъ актѣ (и декораціи Корсини!), а сверхъ того сказано было на афишѣ: *трагедія съ хорами и пантомимическими балетами*.

Между Олегомъ и Эдипомъ прошло шесть лѣтъ, а между Эдипомъ и Фингаломъ только годъ. 8-го Декабря 1805 года, онъ уже быль представленъ на Большомъ Театрѣ, — и вотъ тогдашняя афиша: Фингаль — Яковлевъ, Мопна — Семенова, Старъ — Шушеринъ, Уллинъ — Самойловъ, Колла — Шараповъ, Морна — Петрова, верховный жрецъ — Рыкаловъ, Локлинская дѣва — Саймолова, Карилъ — Валберхъ.

Изъ этого уже видно, что въ новой трагедіи соединены были всѣ роды представлений; въ ней участвовали не только первые оперные пѣвцы, но и балетмейстеръ (Валберхъ) игралъ роль. Музыка увертюры, антрактовъ, хоровъ, балетовъ и сраженій, была сочинена О. А. Козловскимъ, и довершала очарованіе зрителя.

Нужно ли описывать сюжетъ Фингала? Кто не знаетъ этой піесы? Локлинскій Царь Старъ хочетъ отмстить за смерть своего сына, павшаго въ бою подъ ударами Фингала, заманиваетъ этого Морвенскаго Царя къ себѣ, обѣща выдать за него дочь свою, Мопну, которая понравилась Фингалу. Когда же Фингаль прѣѣзжаетъ къ нему, то Старъ хочетъ его предательски убить, но, не успѣвъ въ этомъ, убиваетъ дочь и самъ себя.

Ізъ этой бѣдной канвы мудрено было сдѣлать и три занимательные акта. Только посредствомъ хоровъ, пантомимическихъ балетовъ и сражений можно было дотянуть до развязки, — и то еще до какой! Дѣйствующихъ лицъ всего троє: отецъ, дочь и любовникъ. Все прочее скромные наперсники, которые только говорятъ: слушаю-сб, и поддакиваютъ выходкамъ главныхъ героевъ. Нѣть ни какой завязки въ піесѣ. Всѣ фразы можно бы было ограничить тремя: Фингаль и Мойна говорятъ: я люблю тебя, я тоже! А отецъ хотѣлъ бы сказать любовнику: я тебя терпѣть не могу! — да боится. Безъ трагической кончины Старна и Мойны, все дѣло бы похоже было на великолѣпный водевиль.

Однакожъ, публика приняла съ восторгомъ это новое произведеніе. Оно дѣйствительно могло обворожить каждого. Всѣ средства обольщенія были употреблены, — а наша добрая публика всегда рада поддаться малѣшему обману. Да и какая бы зачерствѣлая душа устояла противу стиховъ Озерова въ то время?

О ты, на облакахъ восищася тѣнь,
Тѣнь сына моего! насталъ, насталъ тотъ день,
Въ который ты, узрѣвъ надъ ирачною могилой
Пролиту кровь врага, престанешь быть унылой.
Тоскливая до днесъ отдохиша въ тѣ часы,
Какъ нива сохлая отъ майскія росы! —
И съ торжествомъ вступивъ въ могилу твой родитель,
Къ тебѣ прейдетъ какъ паръ во горюю обитель.

Это обращеніе Старна къ сыну было привѣтствовано громкими рукоплесканиями, а черезъ пѣсколько стиховъ, когда онъ описываетъ прелесть тоски...

Въ ней прелесть нахожу я въ буряхъ, непогодѣ.
Со мною говорять и вѣтронъ страшный ревъ
И моря грозный шумъ, и томный скрипъ лѣса...

Во всемъ мнѣ слышатся сыновнія стенааны!
Я чувствую тогда тѣхъ камней содроганье.
Подъ коими лежитъ Тоскара хладный прахъ...

Прелестъ гармоническихъ стиховъ снова увлекла всѣхъ зрителей, и оглушительное браво потрясло залу.

Но вотъ входить Фингаль и начинаетъ описывать величіе Морвенскаго бога:

Не разсуждаю я приличенъ ли кумиръ,
И храмъ, и жертвеникъ тому, кто создалъ
міръ!
Кому, какъ вѣчный храмъ, вселенная чудесна,
Кому возстать тѣсна и высота небесна!
Чтобъ мыслю вознести къ сему міровъ Творцу
Не прибегаемъ мы къ Друиду, иль жрецу;
Безъ нихъ песенъ ему съ зарей на холмѣ красномъ
Серда столь чистыя, какъ день при небѣ лесомъ!

Что можетъ быть прекраснѣе этихъ стиховъ, — и въ то время!

Когда же остаются на единѣ Фингаль съ Мойною, то любовное ихъ обхожденіе написано самыми блестательными, гармоническими стихами, — и Семенова читала ихъ превосходно. Весь Петербургъ зналъ тогда напузсть монологъ Мойны:

Въ пустынной тишинѣ, въ лѣсахъ, среди свободы, и пр.

Теперь все это забыто! Какая неблагодарность!

Во 2-мъ актѣ, Шушеринъ превосходно прокричалъ первое явленіе съ своимъ наперсникомъ. Эта выходка была еще остаткомъ Креона. Скора же Старна съ Фингаломъ возбудила всеобщій восторгъ.

Я здесь не въ первый разъ!

Эти слова Яковлева заслужили продолжительные аплодисменты, и послѣ того долго были въ модѣ между Петербургскою молодежью.

3-й актъ состоялъ изъ воинскихъ игръ надъ могилою Старнова сына. Это была самая слабая часть трагедіи. Пустыя хитрости, чтобы лишить Фингала меча, кончаются тѣмъ, что въ рѣшительную минуту опасности, онъ находить другой мечъ на гробницѣ, который забыли унести на этотъ случай. Въ нынѣшнія времена по-

добная развязка не сошла бы съ рукъ автору, но тогда... о! это было золотое время!

Однако же въ 3-мъ актѣ монологъ Яковлева, послѣ надгробнаго пѣнія, превосходитъ. Это чистая поэзія:

Нѣть! гласамъ никогда надгробнымъ я не винилъ,
Чтобы мысль не обращать въ отеческую землю,
Гдѣ позвѣненный рядъ родительскихъ могиль Служилъ источникомъ моихъ душевныхъ силъ.
Гдѣ часто при зарѣ, надъ молчаливымъ холмомъ,
Подъ облачной грядой, бесѣдоваль я съ сон-
момъ
Почиющихъ отцовъ... Казалось, гласъ взвыпалъ,
Который мужество ищ въ душу проливалъ.
Унылы высоты теперь остались холмы,
И тѣни въ облакахъ, печальны и безмолвны,
Съ вечерней тишиной, при уклоненіи дна
По холмамъ странствуютъ искавъ вотще имена...
Я удалился въсъ и оныхъ мѣстъ священныхъ
За волны шумныя, въ страны иноплеменныхъ,
Куда меня влекла могущая любовь... и проч.

Нужно ли говорить, что авторъ былъ съ восторгомъ вызванъ по окончаніи? А тогда это было дѣло рѣдкое, непотому, что публика судила срѣже, а потому, что авторовъ было очень мало.

Озеровъ напечаталъ Фингала, и посвятилъ его А. Н. Оленину, руководству котораго онъ обязанъ быть сюжетомъ пѣсъ. Стихи посвященія довольно плохи, но въ нихъ уже видно, что Озеровъ начинай мечтать о бессмертіи.—Дѣйствительно, слава творца Эдипа и Фингала разлилась повсюду и сдѣлалась народною. Но, по мѣрѣ какъ знаменитость его возрастала, раждалась зависть и вражда. Жалкій удѣль человѣчества! Только на посредственность смотрять люди съ благоволеніемъ; все же, что выходить изъ тѣсной этой рамы, становится уже тягостнымъ, несноснымъ. Всѣ спѣшать отыскивать недостатки, ошибки, и радуются всякой грязной находкѣ. Лишь только чья нибудь геніальна мысль устремится въ высь и отдѣлится отъ толпы, всѣ бросятся къ дерзкому выскочкѣ, и хватаются за него, чтобы удержать его на

равнѣ съ прочими. И тѣ самые, которые восхищались первыми порывами дарованія, которые ласкали его и прославляли видя въ немъ еще дѣтскій лепетъ, вдругъ дѣлаются самыми непримиримыми его врагами, какъ скоро это дарованіе начинаетъ выходить изъ обыкновенной сферы, и подавлять собою все окружающее. Но тутъ-то именно и начинается жизнь генія. Онъ счастливъ и доволенъ, когда люди его ласкаютъ, но онъ становится еще выше, какъ скоро зависть и вражда начнутъ его угнетать и преслѣдоввать,—тогда какъ обыкновенное дарованіе дѣлается робкимъ и унылымъ.

То же случилось и съ Озеровымъ.—Истинный поэтъ во всю жизнь свою бываетъ ребенкомъ. Только въ мигузы поэтическаго своего восторга, онъ высокъ, дивенъ и могучъ; прошелъ часъ вдохновенія—и это самое простодушное, легкоѣрное, доброе и слабое существо. То онъ всѣмъ и каждому вѣрить, то весь свѣтъ подозрѣваетъ, то готовъ обнять весь міръ, какъ друзей и братій, то не навидитъ отъ всей души весь родъ человѣческій. Все его раздражаетъ, или ничто не трогаетъ, все веселить, или все покрыто мракомъ и тоскою.—Дитя, да и только!—Точно таковъ былъ и Озеровъ; это самый вѣрный его портретъ!

Чтобы, однако же, вполнѣ понять состояніе его души и послѣдніе годы его жизни, надоѣно коснуться и исторіи человека.—Частная жизнь и домашнія обстоятельства имѣютъ важное вліяніе на мысли и душевное расположение человѣка. Поэтому, художникомъ можно быть честь, два, три, но все остальное время принадлежить прозаической жизни и ея мелочамъ. И эти мелочи обращаются иногда въ главныя пружины душевныхъ чувствъ.

Нужно ли упоминать, что Озеровъ—былъ влюбленъ. Это такое общее чувство, что уже почти сдѣлалось мелочью домашней жизни. Однакожъ, оно часто имѣетъ вліяніе на всю жизнь человѣка.

Одного любовь дѣлаетъ великимъ поэтомъ, художникомъ, богачемъ, другаго бросаетъ во всѣ пороки, бѣдность и ничтожество. — Еслибы мы и не знали частной жизни Озерова, то изъ пламенныхъ стиховъ его, одушевленныхъ истиннымъ, искреннимъ чувствомъ, догадались бы, что онъ любилъ, и любилъ со всею страстью поэта. Къ сожалѣнію, сердце наше никогда не справляется съ разсудкомъ, а страсти никогда не хотятъ встрѣчать преградъ. — Озеровъ любилъ женщину, которая по законамъ принадлежала другому, и которая знала свой долгъ. Любя въ немъ искренно поэта и друга, она не хотѣла выйти изъ этой спасительной черты, чтобы остатся достойною его и себя. Но пылкая страсть разсуждаетъ иначе. Ей нужно все или ничего.

Это печальное обстоятельство жизни мучило, изнуряло Озерова. Отъ этого произошли всѣ неровности его характера, вся раздражительность миѣній, вся подозрительность на человѣчество. Во всякомъ невинномъ вопросѣ доискивался онъ прошпіи, обиды, упрека.

Около этого времени случилось съ нимъ происшествіе, которое очень хорошо характеризуетъ его. Онъ служилъ въ гражданской службѣ, и былъ вообще любимъ всѣми своими начальниками, потому что съ искреннимъ усердіемъ занимался службою. Тогда произошли образованія министерствъ и многочисленныя перемѣны въ составѣ присутственныхъ мѣстъ и образѣ дѣлопроизводствъ. Однажды Директоръ Департамента, въ которомъ служилъ Озеровъ, призываетъ его къ себѣ наединѣ и, объявляя ему, что въ составѣ его управленія должны произойти некоторые перемѣны, очень ласково и добродушно спросилъ его: не намѣренъ ли онъ въ своемъ отдѣленіи сдѣлать какого нибудь улучшенія или перемѣны. Озеровъ выслушавъ рѣчъ директора, вспыхнулъ, поклонился и ушелъ отъ него, для того,

чтобы тотчасъ же написать и послать просьбу объ отставкѣ. Онъ вообразилъ, что всѣ фразы директора были учтивою околичностію, чтобы сказать ему, что онъ больше не нуженъ.

При такой раздражительности, каково же ему было вдругъ увидѣть, что со всѣхъ сторонъ возстаютъ на него литературные враги, — и кто же еще? Тѣ самые, которые такъ не давно были въ восторгѣ отъ его дарованія. Озеровъ почему-то въ особенности любилъ Фингала, а на него-то именно и вооружилась зависть и вражда. Только искренніе друзья спасли его тогда отъ унынія и отчаянія. «Пусть твой Фингаль дуренъ, говорилъ ему одинъ изъ его друзей-покровителей, пусть критики твои правы, знаешь ли чѣмъ ты долженъ заставить ихъ замолчатъ? Напиши новую трагедію, собери всѣ силы своей души и искусства, — и побѣда твоя!»

Этотъ советъ рѣшилъ все, и Озеровъ съ величайшимъ жаромъ принялъся за *Димитрия Донского*.

Въ то самое время началась исполнская борьба Александра I съ Наполеономъ. Это былъ еще первый актъ великой драмы, которой развязка была въ десницѣ Міродержателя. Аустерлицкая битва была прологомъ. Вскорѣ потомъ началась кампанія 1806 года, и въ нѣсколько недѣль Монархіи Фридриха Великаго не стало. Гигантъ, подавившій ее, устремился снова къ борьбѣ съ Русскими, и вся Европа обратила на насъ взоры ожиданія. Только Русской груди можно было выдержать этотъ грозный напоръ.

Въ минуту самого сильнаго разгара этой грозной борьбы, явился *Димитрий Донской*. Никогда піеса не имѣла подобнаго успѣха! Каждый стихъ, относящийся къ славѣ Россіянъ и къ погибели враговъ, былъ принятъ съ оглушительнымъ рукоплесканіемъ и криками. А въ какой піесѣ ихъ болѣе, какъ въ *Димитріѣ*? Пламенная душа Озерова казалось истощилась вся, чтобы выразить свой патріотизмъ

въ стихахъ новой трагедіи. Для Русской же сцены это была первая пьеса, которая говорила ей о любви къ отечеству и герояхъ ея древнихъ лѣтъ. Всѣ прежнія пьесы Сумарокова и Княжнина наполнены были Русскими именами, и герои пьесы, кажется, говорили по-Русски, а ни одно слово не доходило до сердца. Тутъ же всякий зритель пыталъ восторгомъ, слыша истинную высокую поэзію патріотизма.

1-е дѣйствіе начинается собрашемъ всѣхъ Русскихъ Князей, рѣшившихся свергнуть постыдное, двухъ-вѣковое иго Татаръ. Какой прекрасный монологъ Димитрія описываетъ тогдашнее состояніе Россіи! Какое пламенное воззваніе говорить онъ имъ, чтобы одушевить всѣхъ и каждого. А когда приходитъ посолъ Мамая, какъ сильно и великолѣпно отвѣчаетъ ему Димитрій! Наконецъ послѣдніе два стиха произвели всеобщее изступленіе:

Иди къ пославшему, и возьмѣти ему,
Что Богу — Русскій Князь — покоренъ одному!
Крики браво и рукоплесканія пѣсколько
минутъ не умолкали.

Къ сожалѣнію, весь этотъ патріотический восторгъ долженъ быть охладиться, когда Димитрій, оставшись одинъ съ своимъ оруженосцемъ (тогда герою пьесы нельзя было быть безъ наперсника), дѣлаетъ экспозицію сюжета, который былъ придуманъ авторомъ, чтобы сдѣлать пятиактную пьесу. Конечно, не многіе зрители знали тогда хорошо Русскую Исторію, и большая часть, пожалуй, признали бы Димитрія холостякомъ во время Донской битвы, но эта вымышленная Ксения и Французско-романическая любовь къней Димитрія, какъ-то не клелись къ дѣлу. И лицо Димитрія, и предпринятое имъ высокое дѣло, и первыя явленія пьесы дали уже зрителямъ самое восторженное патріотическое направленіе, и вдругъ...

Но вотъ — второй актъ, и сама идеальная Ксения! Всякій по невольѣ призадумался. Какимъ образомъ, въ ту минуту, когда вся вооруженная Русь уже пришла къ

берегамъ Дона, пріѣзжалъ въ станъ дѣвушки, Княжна, — и зачѣмъ же? чтобы выйти за мужъ за Тверскаго Князя! Неправдоподобіе высшей степени! Всякій зритель, наименѣе просвѣщенный, скажетъ бы имъ: «да помилуйте! это не водится на Святой Руси. Въ военномъ станѣ, который готовится къ битвѣ, нѣть ни церкви, ни священниковъ. Дѣвушкамъ и Княжнамъ не прилично пріѣзжать въ это время, — и тутъ рѣчь идетъ совсѣмъ не о свадьбѣ и не о любви!»

Къ довершенню странисти сюжета, Димитрій самъ влюбленъ въ эту невѣstu Тверскаго Князя, и объявляетъ своему сопернику любовь свою. Ужъ кромѣ того, что это совершенно несообразно съ тогдашними правами, самое лицо Димитрія очень страдаетъ въ глазахъ зрителей. Изъ-за романической своей страсти, онъ ссорится со всѣми Князьями, и вовсе забываетъ о спасеніи отечества, которое только можетъ восторжествовать единодушіемъ.

И вотъ на чёмъ основаны второй, третій и четвертый акты! Наконецъ сама Княжна, ужъ ночью, наканунѣ Донской битвы, урезониваетъ своего любовника, жертвуя собою для блага отечества. Хорошъ бы быть нашъ настоящій, исторический Димитрій, если бъ дѣвушка должна была ему указать путь къ чести и долгу!

Наконецъ, пятый актъ выкупаетъ весь этотъ романіческій вздоръ. Совершилось дѣло великое. Русь побѣдила. Раненый Димитрій приходитъ умереть одинъ въ глухи лѣса. Но уже его вездѣ ищутъ, — и находятъ. Прекрасная минута! Хорошо, если бы Димитрій не напоминаль и тутъ о своей любви, и если бъ на полѣ битвы едва одержанной побѣды, не пришла та же Ксения съ наперсницею. Правда, что въ эту минуту все можно забыть: даже великолѣпную уступку невѣсты со стороны Тверскаго, безъ которой не было бы и развязки романа. Окончательные стихи Димитрія примиряютъ все. Какое сердце не трепетало тогда отъ вос-

торга, когда Димитрій и всѣ Русскіе Князья преклоняютъ колѣни, и Димитрій говоритъ:

Но первый сердца долгъ тебѣ, Царю-Царей!
Всѣ царства держатся десницею Твоей!
Возставь, и возвеличь, и утверди Россію!
Какъ прахъ земной, сотри враговъ кичливыхъ

вью.

Чтобъ съ трепетомъ сказать иноzemенникъ
могъ:
Языки пѣдайтсѧ — геллкъ Россійскій Богъ!

Это было какое-то изступленіе. Крики и рукоплесканія потрясали залу. Явился авторъ въ ложѣ А. Л. Нарышкина, который самъ его вывелъ и представилъ публикѣ. Громы аплодисментовъ и крики браво раздались со всѣхъ концѣвъ. Слава Озерова достигла до своего апогея.

Что еще сказать о Димитріи? Стихи этой трагедіи могутъ до сихъ поръ служить образцами вездѣ, гдѣ дѣло коснется до пламенныхъ чувствъ любви къ отечеству. Мы теперь уже не пишемъ Александровскими стихами. Эта работа черезъ чуръ скучна и трудна для нашихъ авторовъ-скороспѣлокъ. То ли дѣло безъ риѳмы! Хоть цѣлый день можно говорить безъ устали въ пятистопныхъ ямбахъ. А тогда бѣдный авторъ падъ каждымъ стихомъ потѣль, корпѣль, трудился. За то всѣ стихи его оставались въ памяти, всѣ ихъ заучивали, вездѣ повторяли. Теперь спросите у любого театрала: помнить ли онъ хоть одну тираду изъ Глинской...

Едва ли! А стихи Димитрія Донскаго до сихъ поръ можно выучивать наизусть. Возьмите, напримѣръ, хоть эту тираду:

Умремъ, коль смерть въ бою назначена судьбою!

Не проживемъ, друзья, надежды лестной той,

Чтобъ спергнуть съ насъ — ярмъ насильтвенной

рукой.

Пусть цѣли тотъ влачитъ, кто ихъ сорватъ не смѣть!

Въ могилѣ несть оконъ! Тамъ звукъ цѣней иль не мѣсть!

Умремъ какъ храбрые! И въ память нашихъ дѣлъ,
Чтобы надгробный дернъ надъ нами зеленѣль,
Чтобы робкаго стопы къ нему не прикасались,
Чтобы праху мыслю потомки поклонялись!

Какъ не сказать съ Грибоѣдовымъ: вы
нынѣшие, нутка!

Разумѣется, планъ и ходъ піесы совершенно ошибочны, но это мы только *теперь* вполнѣ чувствуемъ. Тогда же, Расинъ и Вольтеръ, были безусловными образцами. Надо было непремѣнно пять актовъ и любовь. А эту послѣднюю пружину, какъ ее добыть изъ нашей древней Исторіи, изъ нашего тогдашняго быта, правовъ и обычаевъ! Если бы Озеровъ былъ человѣкъ съ сильнымъ, самобытнымъ гениемъ, онъ отвергъ бы мнимое условіе Французскаго классицизма, и создалъ *свою, народную* трагедію, и это было бы прекраснѣйшимъ явленіемъ, которое бы подвигнуло нашу драматическую литературу на цѣлое столѣтіе. Это было бы великая эпоха, и имя Озерова перешло бы въ позднѣйшее потомство, какъ типъ великаго гения, основавшаго *Русскую народную* драму. Владѣя такимъ звучнымъ, такимъ сильнымъ стихомъ, онъ бы соединилъ поэзію съ драматическою литературою въ одно цѣлое и прекрасное. Къ сожалѣнію, мы уже видѣли слабость его характера, которая позволила ему уступить, въ Эдипѣ, высокую развязку Софокла,ничтожному совѣту трехъ актеровъ, которые вовсе не могли похвастать своею образованностью. Избравъ себѣ сюжетомъ *Димитрія Донскаго*, онъ хотѣлъ сдѣлать изъ него какого-то Французско-Греческаго Агамемнона, собравшаго подъ свое знамя Русскихъ Князей для разрушенія Татарской Трои, — и основать свою піесу на небывалой любви, которая менѣе всего прилична была той эпохѣ. Видно по всему, что Озеровъ хотѣлъ написать Русскую *Ифигенію* въ Аѳинахъ. Сцена, во 2-мъ актѣ, *Тверскаго и Донскаго*, чрезвычайно близкое подражаніе сценѣ *Ахилла и Агамемнона* въ трагедіи Расина. Даже первые четыре стиха, которые говорить Донской въ 1-мъ актѣ, оставшись одинъ съ Брянскимъ, буквально переведены изъ Ифигеніи, 1-го акта, 1-го явленія. Такимъ образомъ несчастная страсть къ Францу-

замъ погубила нашего лучшаго драматического писателя.

И увы! Димитрій былъ послѣднимъ вѣнкомъ его славы. Зависть и личная вражда впились въ него съ этой минуты, и отправили всю его жизнь. Человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, съ твердою самобытностію презрѣлъ бы эти пискливыя крики безсильной злости, — но Озеровъ былъ поэты-дитя, и все принималъ къ сердцу. Онъ не постигалъ, какимъ образомъ люди, которые были въ такомъ восторгѣ отъ первого его произведенія, вдругъ сдѣлялись самыми ожесточенными врагами? Это его терзало, мучило, доводило до отчаянія. Онъ рѣшился уѣхать въ деревню, и оставить это скопище ложныхъ друзей и завистниковъ.

Цѣлые два года пробылъ онъ въ деревнѣ, и трудился надъ новою трагедіею, которая должна была постыдить его враговъ. Это была *Поликсена*. — *Cette race d'Admettpon qui ne finit jamais!*

Напрасный трудъ! Тутъ-то именно и ожидала его вражда. Авторъ, который могъ тогда безъ малѣйшаго самолюбія называться первымъ и любимѣйшимъ, авторъ, давшій Русской сценѣ Эдипа, Фингала и Димитрія, долженъ быть пройти всѣ испытанія и мелочныя огорченія при пріемѣ Поликсены на театръ. Болѣе полугода продолжались всѣ возможныя непріятности, какъ будто дѣло шло о попыткѣ новичка, обѣщающаго очень мало. Наконецъ Поликсену сыграли. Публика приняла ее *хорошо*, — и только. Тѣхъ восторговъ, которые были при 1-хъ представленияхъ Фингала и Димитрія — вовсе не было, и это довершило послѣдній ударъ надъ слишкомъ раздражительнымъ сердцемъ Озерова. Голова его запылала.

Однако же, можно ли было обвинять нашу публику? Мы знаемъ, что она самая синхордительная и благодарная. Она любила Озерова, и вовсе не раздѣляла враждебныхъ чувствъ нѣкоторыхъ зондовъ. Она многочисленными толками со-

бралась смотрѣть на новое произведеніе своего любимца, послушала, похлопала, сказала хорошо, вызвала автора, — и пошла домой. Чего же больше? Димитрія Донскаго она смотрѣла какъ патріотическую піесу, и каждый стихъ шевелилъ *Русское сердце*. Въ ту минуту наша родная Русь боролась съ исполиномъ, потрясавшимъ всю Европу, и всѣ страсти были разожжены, и каждое слово, напоминающее ей о славѣ Русскаго оружія, было сигналомъ всеобщаго восторга. Ура! браво! форы! гремѣли въ залѣ, и авторъ былъ вполнѣ награжденъ. Но когда играли Поликсену, публика судила уже одно литературное достоинство новаго произведенія. Авторъ былъ не въ правѣ требовать и ожидать какихъ либо восторговъ. Что ей было за дѣло до этихъ вѣчныхъ Агамемноновъ и прочей Троянской братіи? Судьба Поликсены очень занимательна, трогательна, но съ первой минуты зритель видѣть, что всѣмъ этимъ женщинамъ очень плохое житѣе отъ полу-дикихъ побѣдителей. И какъ ни счастливо придумала Озеровъ развязку, но она не могла привести публику въ восторгъ. «Да! піеса хороша!» Вотъ все, что можно было сказать.

Однако же, если разматривать Поликсену по тогдашимъ правиламъ трагедіи, она можетъ безспорно называться лучшимъ произведеніемъ Озерова. Планъ обдуманъ, характеры хорошо обрисованы и выдержаны, сцены ведены съ большою опытностію, разговоръ живъ, силенъ, однімъ словомъ, тутъ все есть, кромѣ жара, одушевлявшаго первыя піесы Озерова. По всему видно, что онъ хотѣлъ сдѣлать вещь искусную, глубокую, правильную, и слишкомъ заботясь объ этомъ, сдѣлалъ холодную.

И опять всякий видѣлъ въ этой піесѣ Ифигенію въ Авлидѣ, и уже гораздо ближе, нежели въ Димитріи. И ссора Агамемнона съ Пирромъ, точь въ точь оттуда взята, и мать, которая защищаетъ дочь свою,

обреченою на жертву, и тотъ же Улесъ. Только Несторъ былъ что-то новое... но и тутъ нашли, что это *Князь Бѣлозерскій*, подъ Греческимъ именемъ, съ тою только разницею, что тотъ говорилъ намъ о Святой Руси, а этотъ втрое больше о своихъ Грекахъ. Мудрено ли, что Грекъ ужасно надоѣль.

Стихи въ Поликсенѣ были тоже самымъ тщательнымъ образомъ отданы, и потому-то можетъ быть холоднѣе стиховъ Фингала и Димитрія. По крайней мѣрѣ, ни одна тирада не произвела надъ публикою сильнаго впечатлѣнія.

Пожѣрь, не стонть живъ, чтобы обѣ ней жалѣть!

Вотъ одинъ стихъ, который публика долго твердила послѣ представлѣнія Поликсены. Все другое осталось достояніемъ литературы, но не сердечнаго воспоминанія зрителей.

Можно вообразить себѣ состояніе Озерова послѣ Поликсены. Онъ надъ нею трудился совсѣмъ прилежаніемъ и любовью художника; онъ два года уединенной жизни провелъ надъ этимъ произведеніемъ,—и что жъ? Сперва его встрѣтили всѣ не-пріятности незаслуженной вражды, всѣ оскорблѣнія честолюбія, всѣ закулисныя интриги и мелочи, а когда авторъ все это перенесъ, надѣясь на блестательное мнѣніе со стороны восторженной публики, она приняла это лучшее его произведеніе съ какимъ-то холодомъ, котораго причину онъ не постигалъ. И безъ того уже частная жизнь Озерова была наполнена ежедневными душевными волненіями; теперь вдругъ, литературная поражала его въ самое чувствительное мѣсто. Врожденная раздражительность достигла до высшей степени, и физическая силы должны были упасть подъ этими моральными ударами. Состояніе его было близко къ сумасшествію. Онъ снова принужденъ былъ уѣхать въ деревню, где добрая мать-природа, мало по малу, возвратила ему и спокойствіе и жизненные силы.

Разумѣется онъ снова принялъ писать. На этотъ разъ онъ выбралъ себѣ сюжетъ *Медею*. Три дѣйствія были готовы; онъ ихъ читалъ друзьямъ своимъ и сопѣдямъ; все, разумѣется, были въ восторгѣ... Но, однажды, читая свои три акта какому-то любителю, въ пятый разъ, замѣтилъ онъ, что слушатель его зѣваетъ. Этого было довольно, чтобы привести Озерова въ изступленіе. Онъ тутъ же бросилъ свою Медею въ огонь, и никто теперь не знаетъ въ чемъ состояла эта пьеса.

Послѣ того написалъ онъ планы еще двухъ трагедій: какого-то *Вельгарда*, мученика при Владимира, и *Осаду Дамаса*, но изъ нихъ нельзѧ узнать полнаго хода пѣсъ и разговоровъ, а еще менѣе слога. Разстроенное здоровье не позволяло уже ему болѣе заниматься литературою. Это болѣзненное, раздражительное состояніе продолжалось до самой смерти.

Онъ умеръ 47-ми лѣтъ, — и преждевременная эта потеря была безвозвратна, незамѣтна. До сихъ поръ еще нѣтъ ему преемника. Со времени его смерти прошло 26 лѣтъ, и въ этотъ огромный періодъ, когда вся прочая наша литература сдѣлала быстрые, удивительные шаги къ усовершенствованію, когда Крыловъ, Карамзинъ, Пушкинъ, Жуковскій, Марлинскій подвинули нашу поэзію и прозу на цѣлые полвѣка впередъ, Русскій Театръ не имѣлъ никого. Только при именахъ Кукольника и Полеваго можно остановиться съ удовольствіемъ и благодарностію. Первый, какъ истинный поэтъ, одушевленъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ какимъ-то жаромъ, который невольно увлекаетъ всѣхъ. Его — *Рука Всевышняго отечество спасла* была первою піесою, послѣ Озерова, вмѣвшою самый блестательный и заслуженный успѣхъ. Это истинная поэзія и высокій патріотизмъ, вмѣстѣ слиты! Ни одинъ критикъ не имѣлъ духа отыскивать недостатки этой пьесы; ихъ очень хорошо чувствовали въ чте-

шіи, въ тиши кабинета, но на сценѣ ни какое холодное сердце не могло устоять противъ пламенныхъ его стиховъ. Потомъ явился Шуйский,—истранное дѣло—самая піеса имѣть гораздо болѣе достоинствъ въ литературномъ отношеніи, а успѣхъ ея далеко не равнялся съ предыдущею. Наконецъ, Роксолана была еще лучше по созданію своему, а о ней давно уже и забыли. Своенравіе ли поэта, или другія причины заставили его перемѣнить литературное свое поприще, но онъ бросился во всѣ роды литературы, кроме драматической. Только недавно обрадовалъ онъ публику новымъ произведеніемъ, но увы!—оно не имѣло успѣха. Холмскій, въ сценическомъ отношеніи, ниже прочихъ его піесъ. За то его *Паткуль*, который доселъ извѣстенъ только въ манускриптѣ, исполненъ красотъ сценическихъ и литературныхъ. Увидимъ ли мы его когда на сценѣ, или въ печати, Богъ вѣсть! А можно было бы предсказать автору Паткуля самый блестательный и заслуженный успѣхъ.

Потомъ явился Полевой. Его Уголино, Смерть и Честь, переводъ Шекспирова Гамлета, и Параша Сибирячка, дали ему самое почетное мѣсто въ драматической литературѣ. И теперь только этотъ дуумвиратъ поддерживаетъ сцену и драматическую литературу. Но произведутъ ли они тотъ переворотъ, который необходимъ по требованіямъ вѣка и успѣхамъ нашимъ въ прочихъ отрасляхъ всемирной образованности? Будутъ ли они основателями Русского, народного репертуара? Начнуть ли собою новую эру въ Исторіи нашей драматургіи? Эти вопросы решитъ только потомство. Мы же, современники, можемъ только благодарить ихъ за неусыпные труды на этомъ пустынномъ поприщѣ, которое бы безъ нихъ поросло волчцемъ и тернемъ.

И до тѣхъ поръ, пока всеобщій голосъ не признаетъ кого нибудь возстановителемъ Русской драматической литературы,

мы все еще будемъ считать Озерова послѣднимъ ея представителемъ. Послѣ Озерова уже совѣтно было играть Сумарокова и Княжнина. Теперь прошла пора и Озерова. Но его 20 лѣтъ сряду играли на нашемъ театрѣ, а для сценическихъ произведеній, это цѣлая вѣчность. Дай Богъ, чтобы современные наши знаменитости достигли и до половины этого срока.

Остается намъ еще бросить бѣглый взглядъ на Озерова, какъ на лирическаго поэта. Удивительное дѣло! Если бы стихотворенія его не были напечатаны вмѣстѣ съ его піесами, никто бы изъ читателей не повѣрилъ, что ихъ писалъ Озеровъ, тотъ же самый, у котораго въ Финляндіи, Эдинбургѣ и Димитріи столько звучныхъ, сильныхъ и прекрасныхъ стиховъ. Непостижимая вещь! Пусть *Ода на смерть Екатерины II* писана въ 1796 году; тогда было извѣнительно писать:

Почто у алтарей священныхъ,
Россіяне, я вижу васъ
Унылыхъ, блѣдныхъ и смущенныхъ?
Мольбы смиренной прерванъ гласъ!
Отъ вздоховъ тяжкихъ, конъ внемлю,
Вы повергаетесь на землю,
И горькихъ слезъ лете токъ!
Но тщетны клики всѣ плачевны,—
И небеса къ Россіи гнѣвны
Свершили намъ ударъ жестокъ.

Пусть ода на восшествіе Александра I писана въ 1801 году, когда еще прощали подобные строфы:

Россія томна и уныла
Возстань съ трепещущихъ колѣнь!
Речеть небесный гласъ и сила:
Будь крѣпче адамантныхъ стѣнъ!
Да узрить духъ твой оживленный,
Что радость излилась вселенной
Изъ лона Божія вѣри.
Сложи ты вретица печальны,
Въ одежды облекися вѣчальнымъ,
Какъ благолѣпная жена.

Хотя послѣ Державина и такія вещи совсѣмъ бы было писать, но возьмите хоть *Гимнъ Богу любви*. Это писано го-

раздо позже, когда Озеровъ уже написалъ Фингала, котораго любовь къ Мони-
нѣ выражена такими гармоническими сти-
хами. Кажется, что какой нибудь злодѣй
Озерова нарочно подпись подъ плохи-
ми своими стихами имя его, чтобы вѣр-
нѣе убить:

Вотще какъ брегу яры воды,
Такъ разрушеніе намъ грозитъ;
Отъ истощенія природы
Благій законъ твой міръ хранить!...

Вотще духъ алчности и злобы
Стремится въ наши времена
Преобразить всѣ царства въ гробы
И поглотить всѣ племена... и проч.

Какие варварскіе стихи! Похоже ли это на Озерова?... А впрочемъ, мы знаемъ, что Ломоносовъ и Державинъ не могли написать ни одной порядочной піесы, а Расинъ и Корнель были самыми плохими лириками. Озеровъ довольно сдѣлалъ для

своей славы. Имя его всегда будетъ бли-
стать въ Исторіи нашей литературы; за-
слуги будуть вполнѣ оцѣнены потом-
ствомъ. Не много поболѣе твердости
и самобытности, — и это было бы нашъ
Шекспиръ, нашъ Шиллеръ. Не достигнувъ
же этой высокой цѣли, онъ, по крайней
мѣрѣ, преемникамъ своимъ указалъ путь,
по которому надобно ити. Жизнь его и
самыя слабости могутъ служить лучшимъ
урокомъ для потомковъ. Они увидятъ, что
только Русская самобытность, а не раб-
скія подражанія, народный духъ, а не про-
изведенія иноземныхъ писателей, го-
лосъ истиннаго чувства и пламенной ду-
ши, а не чопорныя патяжки мыслей на
условныя рамы составляютъ великаго пи-
сателя и неподдельнаго генія. Если Озе-
ровъ былъ не таковъ, то пусть другіе
дойдутъ до этого, — и тогда имъ честь и
слава!

R. Зотовъ.

ДВА ПОРУЧЕНИЯ.

(Посв. Гр-фу Ю. И. Ст-ку.)

Помните ли прогулку нашу въ прелест-
номъ Мангеймскомъ гульбищѣ Rheinlust,
и весь вечеръ, проведенный нами тамъ, на
берегу Рейна, въ самый день вашего отъ-
ѣзда изъ Мангейма? Помните ли эти груп-
пы досужихъ Нѣмцевъ и преимуществен-
но Нѣмочекъ, собравшихся тамъ потолко-
вать, поболтать за кофеемъ и Сельтер-

скою водою, приправленныхъ рейнвейномъ
и безсмѣннымъ Штраусовскимъ вальсомъ?
Между прочимъ, помните ли столикъ, во-
кругъ котораго сидѣли драгунскіе офице-
ры, и щеголяя въ своихъ синихъ серту-
кахъ съ идеальными бѣлыми воротника-
ми, въ рейтузахъ съ бѣлыми лампасами,
какъ говорится, задавали тонъ, разговари-

вали во всеуслышаніе и съ громкимъ смѣхомъ?

Тамъ, при заходящемъ солнцѣ, въ послѣдній разъ побесѣдовали мы съ вами, переносясь мысленно на родину, въ кругъ друзей; въ послѣдній разъ вспомнили о всемъ томъ, что часто, во время нашего странствія, служило предметомъ нашихъ разговоровъ, и потомъ тихо прошли, садомъ, въ самый городъ, къ вашему трактиру, zum Russischen Hof. Хозяинъ, съ неизмѣнною для всѣхъ улыбкою, подалъ вамъ счетецъ, неуклюжій Hausknecht (дворникъ) навычилъ на себя чемоданчикъ вашъ и прочій скарбъ, и мы отправились на почту, гдѣ вы сѣли въ diligансъ и поскакали въ Швейцарію.

На слѣдующій день, въ два часа по полудни, и я выжидаль у пристани прибытия Рейнского парохода, на которомъ спѣшилъ въ Майнцъ, а оттуда во Франкфуртъ, гдѣ надѣялся застать нашего добраго и милаго Кр — на. У пристани, по обыкновенію, собралось множество любопытствующихъ и отѣзжающихъ, и между прочими вся компанія драгунскихъ офицеровъ, съ которыми я еще за полчаса обѣдалъ за однимъ столомъ, въ великолѣпномъ новомъ трактире zum Europaischen Hof. Они со мною раскланиялись, какъ съ полузнакомымъ, и мы, въ ожиданіи парохода, вступили въ разговоръ о томъ, что на Рейнѣ служитъ общимъ начalomъ всѣхъ разговоровъ — о красотѣ береговъ и о пріятномъ плаваніи по рѣкѣ. Къ этому присоединились вопросы куда кто ёдетъ. Одинъ изъ драгуновъ сказалъ, что ёдетъ въ Кобленцъ, и спросилъ у меня:

«А до котораго мѣста ёдете вы?»

— Сначала до Майнца, а потомъ въ Россию.

«Was? Donnerwetter!»

— Да, я теперь поѣду домой почти не останавливаясь дорогой.

«И вы ёдете въ Петербургъ?» спросилъ другой офицеръ, блондинъ, очень

пріятной наружности, не принимавшій сначала участія въ бесѣдѣ.

— Точно такъ, моремъ изъ Травемюнде, отвѣчалъ я ему.

«Позвольте же мнѣ вамъ дать порученіе, которое вы исполните безъ труда: именно, поклонитесь отъ меня одной премилой, прелюбезной особѣ, находящейся теперь въ Петербургѣ.»

Я ему подалъ бумажникъ, и онъ вписалъ въ него сначала свое имя, August ***, прося поклониться Г-жѣ **, ангажированной недавно къ Петербургскому Театру.

«Поклонитесь ей отъ меня отъ всей души,» продолжалъ онъ послѣ того, «скажите, что я ей посыпаю поклонъ самый сердечный, и что завидую вашей участіи, завидую, что не могу летѣть съ вами на берега холодной Невы, которую бы тотчасъ же промѣняль на нашъ пышный Рейнъ!»

— Вѣрьте, поручикъ, что на берегахъ холодной Невы бываютъ сердца такъ же сильно, какъ и на Рейнѣ, сказаль я ему, съ пожатіемъ руки, въ которомъ выражалъ, что понимаю, какого рода поклонъ поручено мнѣ было везти.

Вскорѣ показался вдали пароходъ, и все на берегу закипѣло, засуетилось; послышался колоколь, и вотъ присталъ красивый пароходикъ «Орель». Вы знаете, что тутъ не мѣшкатъ: еще одно пожатіе руки новаго знакомца, и я былъ на палубѣ; еще минута, и мы уже отчалили. Пошли прощанія знаками, шляпами, платками. Мой драгунчикъ долго размахивалъ въ воздухѣ своею форменкою фуражиркою.

Прежде всего, обыкновенно, на пароходѣ осмотрѣши пассажировъ — не найдешь ли между ими земляковъ или знакомыхъ. Въ нынѣшній разъ, изъ Русскихъ не случилось никого; за то въ Англичанахъ недостатка не было. У меня былъ только одинъ знакомый, драгунский офицеръ, отправлявшися въ Кобленцъ. Мы сѣли вмѣстѣ съ нимъ, и разговорились,

какъ старинные пріятели. Нигдѣ не зна-
комишься такъ скоро, какъ на пароходахъ,
гдѣ расчитана каждая минута, и
по-этому некогда церемониться.

Мы, разумѣется, говорили объ интересномъ поручикѣ, и мой драгунъ мнѣ изложилъ все дѣло по-драгунски, безъ лишнихъ фразъ. «У насъ, строго запрещено закономъ вступать въ бракъ офицерамъ, если они не представлять доказательствъ и поручительства, что имѣютъ по крайней мѣрѣ 14,000 гульденовъ капитала, обезпечивающаго нѣкоторымъ образомъ существование супруги и ожидаемаго семейства. Поручикъ ***, весьма хорошей и богатой фамилии, питалъ съ давнаго времени самую иѣжную любовь къ пріятельницѣ и подругѣ сестры своей, воспитанной вмѣстѣ съ нею, и полагалъ, что при достаточномъ состояніи отца своего ничто не можетъ препятствовать исполненію его сладостныхъ мечтаний. На бѣду, эта пріятельница, одаренная и красотою, и любезностью, и умомъ, и образованіемъ, носила имя, прославленное въ Германіи на лучшихъ театрахъ: сестра ея, какъ вы вѣроятно знаете, долго составляла украшеніе Берлинской Оперы; братъ ея отличается донынѣ на первомъ театрѣ въ Вѣнѣ. Неумѣстная гордость Мангеймскаго Совѣтника оскорбилась родствомъ съ фамилиею, составляющею гордость цѣлой націи, и нашъ поручикъ, не сомнѣвавшійся въ согласіи на бракъ, получилъ не только формальный отказъ, но и крайне утѣшительное извѣстіе, что отецъ его не намѣренъ ручаться въ 14,000 гульденахъ, чтобы породниться съ фамилиею скомороховъ — это были точныя слова старика.

«Препятствія такого рода усиливаютъ любовь молодыхъ сердцъ,» продолжалъ драгунъ, хладнокровно набивая фарфоровую трубку. «Нашъ поручикъ едва не сошелъ съ ума, и около года не павѣщаль никого изъ товарищей своихъ; машинально являлся онъ на ученья, и забывалъ службу, въ которой спачала прослыть, по спра-

ведливости, образцемъ! Вообразите же, чѣмъ между тѣмъ занималась его возлюбленная? Примѣръ сестры сдружила ее съ юныхъ лѣтъ съ мыслию о театрѣ, съ художественною жизнью драматическихъ артистовъ, въ наше время, повидимому, освобожденныхъ отъ нелѣпыхъ предразсудковъ, отчуждавшихъ ихъ отъ общества. Предразсудку этому видно суждено существовать только у насъ, въ Мангеймѣ. И такъ, возлюбленная нашего поручика принялась прилежно за изученіе лучшихъ ролей въ Нѣмецкихъ драмахъ и комедіяхъ. Музыкѣ она учились уже прежде того, и если не обладала такимъ же обширнымъ голосомъ, какъ сестра ея, все таки методомъ и вкусомъ пѣнія смѣло поспорила бы со многими хвалеными пѣвицами Германіи. Въ талантѣ къ сценѣ она не могла сомнѣваться, потому что не разъ уже приводила въ восторгъ весь Мангеймъ, играя на домашнихъ театрахъ.... Вы не повѣрите, что я, закоснѣлый драгунъ (при этихъ словахъ мой собесѣдникъ самодовольно закрутить усы), я самъ игралъ съ нею въ водевиль die Wiener in Berlin. Я игралъ старика, а она роль поддѣльной Вѣпки, и такъ восхитительно спѣла свои куплеты, что я забылся и первый началь хлопать и кричать *фора!*..... У насъ, на настоящей сценѣ никто не игралъ трогательныхъ ролей такъ восхитительно, какъ она, на тѣсномъ театрикѣ, съ преплохими актерами-любителями. О наружности ея, о фигурѣ мнѣ вамъ говорить нечего, потому что вы ее видѣли....»

— Нѣтъ, когда я уѣхалъ изъ Петербурга, ее еще тамъ не было, отвѣчалъ я ему.

«Ну, такъ увидите, какъ она миловидна, какъстройна! И такъ, изучивъ главныя роли, она рѣшилась поступить на сцену, имѣя въ виду не удовлетвореніе честолюбія, не тщеславіе, но единственное накопленіе суммы, необходимой для исполненія сладостныхъ плановъ.

«Она увѣдомила о томъ нашего несчастнаго поручика письмомъ, которое онъ получилъ передъ самыи ученемъ... Никто изъ насъ еще не зналъ о томъ ни слова. Представьте же себѣ, что онъ, котораго мы привыкли видѣть уже почти цѣлый годъ угрюмымъ и задумчивымъ, вдругъ, вмѣсто команды рѣсью, командуетъ своему взводу: *съ мѣста — марш, марш!* Можете себѣ вообразить суматоху, которую онъ этимъ надѣялся! Драгуны его наскакали на предыдущій взводъ; полковникъ не зналъ, что дѣлать; мы все лу-
мали, что нашъ поручикъ, просто, сошелъ съ ума. Дѣло однако же, объяснилось вскорѣ. Разумѣется, что велико-
душное покертованіе возлюбленной было принято имъ только послѣ продолжи-
тельныхъ и упорныхъ отказовъ. Рѣшившись, однако же, на это отчаянное сред-
ство, нѣжные любовники начали приго-
твляться къ разлукѣ; наступилъ день прощенія, и черезъ нѣсколько недѣль по-
слѣ того Карлсруэскія газеты возвѣстили о предстоящемъ дѣбюте нашей будущей поручицы.

«Можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ весь Мангеймъ, и особенно нашъ полкъ, ожидалъ извѣстія о первомъ появлѣніи на большой сценѣ нашей восхитительной **. Успѣхъ ея былъ са-
мый блестательный, и съ каждою новою ролью возрасталъ восторгъ зрителей. За-
держаній въ то время въ Мангеймѣ, я не могъ сѣзжать въ Карлсруэ, полюбо-
ваться нашею доморощенію артисткою, и все надѣялся, что она явится и на на-
шей сцени, хотя объявила съ самаго на-
чала, что готова играть повсюду, кромъ
у насъ, въ Мангеймѣ. По этому, не могу
сказать вамъ моего собственнаго мнѣнія
на счетъ ея игры; по словамъ многихъ
товарищей, она особенно мила въ неболь-
шихъ операхъ, и прелестно представляетъ
женщинъ высшаго круга. Вы убѣдитесь
въ этомъ, впрочемъ, сами.

«Скоро разнесся у насъ слухъ, что на-

шу землячку приглашаютъ къ вамъ, въ Петербургъ, и на ученье опять чуть не помялъ нашъ поручикъ пѣсколько дра-
гуновъ! Онъ, однако же, успокоился,
убѣдившись, что для успѣшнаго накопле-
нія желанныхъ 14,000 гульденовъ, лучше
всего собирать ваши рублики.

«Вы видѣли поручика. Онъ довольно спокойнъ, и съ нѣкотораго времени вновь рѣшился посыпать своихъ товарищѣй. Вчера, за ужиномъ, онъ даже выслушалъ весьма хладнокровно пѣсенку, которую часто пѣвала его возлюбленная. Когда ее запѣлъ одинъ изъ нашихъ офицеровъ, мы все невольно взглянули другъ на друга, но замѣтили, что поручикъ слушаетъ тихо, дали кончить, и даже подтягивали хоромъ послѣднее двустишіе....»

Междудѣмъ, очаровательные виды Рей-
на смѣнялись по сторонамъ съ быстро-
тою, если не молни, то, по крайней мѣ-
ре, съ быстротою желѣзной дороги, пото-
му что спускаясь на пароходѣ по тече-
нію Рейна, едва, едва успѣваешь слѣдить
по плану или по книгѣ за названіями дре-
ревушекъ, селеній, городовъ, мелькающ-
ихъ на обоихъ берегахъ. Вотъ уже разъ-
вѣ десятый раздался колоколь на носу
парохода, для возвѣщенія, что подходитъ
лодка, на которой подвозятъ новыхъ пас-
сажировъ и отвозятъ на берегъ желаю-
щихъ сойти на пути. Мы проходили мимо
одной изъ тѣхъ живописныхъ деревень,
которыми пріятно любоваться издали, какъ
декорациою. Пароходъ остановился, и къ
намъ на палубу взобрались два молодые
человѣка. Едва завидѣвъ моего собесѣд-
ника, они бросились къ нему съ радост-
ными восклицаніями, подсѣли къ намъ,
и разговорами, для меня совершенно не
любопытными, пресѣкли разсказъ дра-
гуна.

.... Въ тотъ же вечеръ прибывъ въ
Майнцъ, отправился я черезъ мостъ къ
станціи желѣзной дороги, и черезъ пол-
тора часа былъ уже во Франкфуртѣ, гдѣ
Кр—и никакъ не ждалъ меня такъ рано.

Гуляя по городу, я ему рассказалъ про приятное порученіе, данное мнѣ Поручикомъ ***.

Тутъ я вспомнилъ, что это уже второе порученіе, полученнное мною въ дорогѣ къ Петербургскимъ артисткамъ. У меня уже хранилась визитная карточка одного Кирасирскаго Штабсъ-Ротмистра, М. М. Н — ва, съ припискою, которую я долженъ былъ отнести, съ поклономъ, къ перлѣ нашей Русской труппы, Варварѣ Николаевнѣ Асенковой. Новое порученіе радовало меня не менѣе первого, исполнившаго мое давнишнее желаніе — познакомиться съ одною изъ интереснейшихъ нашихъ артистокъ.

На другой же день по прѣздѣ моемъ въ Петербургъ, собрался я уже исполнить данныя мнѣ порученія, и случайно полюбопытствовалъ узнать тамъ ли у еще, у Аничкова Моста, живетъ наша милая Асенкова.

«А на что тебѣ?» спросилъ у меня мой приятель Т., съ художническою беспечностью.

— Везу ей поклонъ изъ Швейцаріи, съ Женевскаго Озера, отвѣчалъ я самодовольно.

«Хорошо, что говоришь откуда везешь поклонъ,» продолжалъ Т.; «не то, я подумалъ бы, что ты прѣхалъ изъ Гренландіи или изъ земли Патагоніи: вѣдь мы ужъ прошедшую весну скоронили несчастную Варвару Николаевну, скоронили со всѣми утѣшительными надеждами, скоронили, братецъ, съ искреннейшимъ слезами!»

— Неужели!.... По крайней мѣрѣ, Нѣмецкая актриса ** не умирала еще? спросилъ я.

«Слава Богу, жива!» отвѣчалъ Т., «хотя множество молодыхъ людей, и я первый едва неумираю, вздыхая по ней!»

— Гдѣ она живетъ?

«Не знаю; можно справиться въ Михайловскомъ Театрѣ.»

Узнавъ у кассира адресъ Нѣмецкой артистки, я поѣхалъ къ ней, и крайне обрадовалъ ее самыми свѣжими извѣстіями о любезномъ поручикѣ. Слова, вписаныя имъ въ мой бумажникъ, послужили мнѣ лучшимъ рекомендательнымъ письмомъ, и мы, съ первого визита, бесѣдовали будто бы знали другъ друга уже лѣтъ десять.

Разговаривая съ интересною артисткою, я замѣтилъ, что на фортепіанахъ, подлѣ открытой тетрадки нотъ, стоялъ портретъ нашего поручика, съ блокурами усиками, съ томными глазами. Къ нему, видно, адресовались слова романса, который пѣли въ ту минуту, какъ я вошелъ. Изъ передней слышалъ я:

Du, du liegst mir im Herzen,
Du, du liegst mir im Sinn!
Du, du machst mir viel Schmerzen....

Я нашелъ въ новой знакомкѣ дѣвицу весьма образованную, любезную, исполненную женской граціи, бесѣдующую съ непринужденностью настоящей Европейской артистки. Она мнѣ указала на любимыя роли свои, просила не смотрѣть на нее въ такихъ-то піесахъ, и наконецъ, по обыкновенію, просила не забывать ее, иностранку на чужбинѣ и посреди міра, ей еще мало извѣстнаго, міра закулиснаго, исполненного хлопотъ, непріятностей и трудовъ.

Прошла вся осень; наступила наша нынѣшняя странная безспѣжная зима, и Новый Годъ погналъ всѣхъ на визитами. Я вѣсъ встрѣтилъ, помнится, на углу Невскаго и Садовой, и успѣлъ только, проѣзжая мимо вѣсъ, закричать, что ёду къ миловидной **, проздравить ее съ Новымъ Годомъ, отъ своего имени и отъ имени нашего Мангеймскаго знакомца.

Но, что меня ожидало вѣсто преж-

вихъ любезныхъ, веселыхъ разговоровъ? Слезы, рыданія, отчаяніе! За нѣсколько дній передъ тѣмъ, наша миловиднаа артистка получила изъ Германіи письмо, что Поручикъ *** скончался отъ первической горячки, и въ предсмертную минуту старался произнести дорогое ему имя великолѣпной артистки....

«До сихъ поръ, театръ питалъ во мнѣ надежду на счастіе,» сказала она мнѣ; «теперь постараюсь поддѣльною страстью на сценѣ заглушить горе, грызущее мою

душу! Для него пожертвовала я всѣмъ на свѣтѣ; въ воспоминаніе о немъ не покину поприща, обѣщавшаго мнѣ осуществленіе мечты, слишкомъ блаженnoй для нашей жизни!»

Отиныѣ, рѣшительно, не буду принимать ни какихъ порученій изъ за границы, къ нашимъ артисткамъ. У меня, видно, слишкомъ тяжелая рука!

А. ГР.

УСПѢХЪ КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ.

Театральные архивы наполнены одноими и тѣми же исторіями. Вы ничего не найдете въ нихъ, кромѣ непризнанныхъ авторовъ, непонятныхъ сочиненій; увидите только первыя представлениа, сопровождаемыя всѣми возможными муками, успѣхи, завоеванные силою, но поблекши въ самомъ цвѣту, лишенные лучшихъ плодовъ бурями и ураганами. Для разнообразія надобно, однако жъ, разсказать другую исторію, которая, не смотря на то, что напоминаетъ о золотомъ вѣкѣ, во всѣхъ отношеніяхъ основана на неоспоримой истинѣ: это исторія молодаго человѣка, провинціала. Сочинивъ либрето комической оперы, онъ пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы поставить ее на сцену, и съ первого раза былъ увѣнчанъ такимъ успѣхомъ, какого можно ожидать только послѣ десяти образцовыхъ твореній. Дѣло въ томъ, что молодой человѣкъ явился кстати, въ самую пору.

Кто же былъ этотъ счастливый провинціалъ? Буль, будущій авторъ *Водовоза*, *Аббата л'Эпе*, *Фанионы* и *Певицестей* для моей дочери, но тогда еще просто адвокатъ, впервые выступавшій на практику. Только однажды повиновался онъ драматическому инстинкту, внутренній голосъ котораго говорилъ ему уже сильно, написавъ небольшую комедію въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, *Утро по модѣ* (*Matinée à la mode*), игранную на родинѣ его, въ Турѣ. Пiese была принята благосклонно, и заслуживала такого приема по нѣкоторымъ островергнутымъ чертамъ, по нѣсколькимъ удачнымъ стихамъ, и, быть можетъ, потому еще, что афиша называла піесу сочиненіемъ молодаго человѣка, родившагося въ Турѣ, следовательно льстила провинціальному самолюбію.

Проживъ нѣсколько времени на берегахъ Сены, Буль, по возвращеніи на бе-

рега Луары, снова обратился къ драматическимъ вдохновеніямъ. Изъ значительного числа Парижскихъ актрисъ, оспоривавшихъ другъ у друга первое мѣсто, поразила его не Рокуръ, не Контъ, артистки Французской Комедіи, пе Сень-Гюберти, пѣвица Большой Оперы, знаменитыя своими талантами; но Дюгазонъ, артистка Комической Оперы. Дюгазонъ, действительно, была превосходная актриса; самая разнообразныя роли исполняла она съ одинаковымъ совершенствомъ, испытывою, простотою, благородствомъ, не-принужденностю, съ такимъ патетизмомъ, съ такою веселостю, о которыхъ трудно составить себѣ понятіе. Неудивительно, что Бульи, очарованный игрою Дюгазонъ, завидовалъ авторамъ, сочиненія которыхъ она осуществляла, и вздумала создать для нее достойную роль въ лицѣ Катерины Альфендей, бѣдной вдовы Ливонскаго солдата, въ послѣдствіи супруги Петра Великаго и Императрицы Всероссійской.

Сюжетомъ своей лирической драмы, Бульи избралъ любовь Петра къ Екатеринѣ, когда Царь, въ одѣждѣ плотника, работалъ на Саардамскихъ верфяхъ, и сообщилъ планъ одному приятелю, добрыми советами которого уже пользовался при сочиненіи *Утра по моди*. Когда піеса была кончена, Бульи поѣхалъ въ Парижъ, въ половинѣ 1789 года, и просилъ у Комитета Комедіи позволенія прочитать свое новое произведеніе. Чтеніе было назначено на 12-е Іюля, за два дня до взятія Бастилии. Ареопагъ составили слѣдующія лица: Клерваль, Гранже, Мишю, Нарбоннъ, Тріаль, Шенаръ, Филиппъ, Г-н Гонтье, Карлша, Сентъ-Обенъ, Аделина, Кретю и Дюгазонъ. Гранже, на котораго была возложена обязанность отворять или запирать двери комитета неизвѣстнымъ сочинителямъ, сказалъ Бульи: «У васъ есть роль для Дюгазонъ. Эта артистка всегда садится насупротивъ чтеца. Читайте смѣло, а между тѣмъ замѣ-

чайте ея выразительную физіономію и движенія. Если у Дюгазонъ поздри станутъ раздуваться, піеса ваша принятъ; если же она схватить судорожно обѣими руками за нижнюю часть корсета, и будетъ сильно дергать его отъ груди, успѣхъ вашъ не подлежитъ сомнѣнію.»

Молодой авторъ воспользовался совѣтомъ: онъ наблюдалъ за актрисою, и съ первого акта имѣлъ счастіе замѣтить первый благопріятный признакъ. Въ продолженіе втораго дѣйствія, на глазахъ Дюгазонъ показались слезы, а при главной сценѣ третьаго, корсетъ сталъ тѣснить ее. Прочіе слушатели изъявили, каждый по своему, такое же удовольствіе, и единодушно объявили о принятіи піесы. «Это ваше первое сочиненіе?» спросила Гонтье, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, прибавила: «Въ такомъ случаѣ, вы напишете памъ еще, и замѣните нашего старого Седеня.»

— Прошу у любезныхъ подругъ моихъ, вскричала Дюгазонъ, согласія наградить молодаго автора общимъ поцѣлуемъ, въ видѣ посвященія его въ таинства театра.

Дюгазонъ спросила потомъ у Бульи, какого музыканта онъ имѣть въ виду. Бульи отвѣчалъ скромно, что не зная объ успѣхѣ чтенія, еще ни о комъ не думалъ. — Ну, такъ я рекомендую вамъ, возразила артистка, композитора, которымъ вы будете довольны: это Гретри. Поѣдемъте со мною; я берусь устроить все дѣло.

Не теряя времени, Дюгазонъ сѣла въ карету съ двумя дежурными актерами, Клервалемъ и Нарбоннемъ, и отправилась къ автору *Говорящей Картины*, *Ричарда Львиное Сердце*. Бросившись на шею къ старому музыканту, актриса сказала:

— Папа Гретри! Вотъ піеса, которую поскорѣе надобно положить на музыку, и я прѣѣхала просить васъ, отъ имени всѣхъ моихъ товарищѣй, написать

намъ партитуру, не позже, какъ черезъ два мѣсяца.

Гретри бросилъ проницательный взглядъ на молодаго человѣка, автора піесы, и сказалъ ему съ хитрою улыбкою:

— Я очень хорошо понимаю, что въ ваши лѣта легко вскружить голову женщинамъ; но вы просто чародѣй: вы имѣете такую же власть и надъ мужчинами. Благодарю Членовъ Комедіи за знакомство, которое оживитъ мою старость.... Когда же вамъ будетъ угодно прочитать мнѣ піесу?

«Если позволите, завтра.»

— Съ удовольствіемъ; только не раньше двухъ часовъ. Вы, конечно, позволите присутствовать при чтеніи поэмы моей женѣ и обѣимъ моимъ дочерямъ, потому что я всегда совѣтуюсь съ ними въ подобныхъ случаяхъ. Я охотно сужу о музыкальныхъ положеніяхъ; но женщины имѣютъ тактъ, вкусъ, привычку къ приличіямъ, которыя, по моему мнѣнію, придаютъ большую важность ихъ мыслямъ касательно умственныхъ произведеній.

Гретри точно также, какъ Дюгazonъ и весь комитетъ, остался доволенъ піесою и чтецомъ. Одна изъ дочерей его была замужемъ, и написала музыку для *Свадьбы Антоніо*; вторая, Антуанета, не имѣла еще и шестнадцати лѣтъ; ея красота, грація, видъ страдающей чувствительности не ускользнули отъ бѣлага взгляда молодаго человѣка. Для Бульи мелькнула другая надежда, повидимому, готовая осуществиться.

Опера Петръ Великій была представлена 13 Января 1790; успѣхъ піесы превзошелъ всѣ ожиданія. Съ самой увертюры, выражавшей шумъ, движение работающихъ на верфи, слушателями овладѣлъ восторгъ, а интересъ содержанія, игра актеровъ, особенно увлекательная, пламенная югра Дюгazonъ, доверили торжество музыканта и поэта. Можно себѣ вообразить, въ какомъ упоеніи былъ Бульи! Написать піесу, пустить ее въ ходъ, за-

служить рукоплесканія, и все безъ труда, безъ усилий, безъ интригъ, безъ препятствій — дѣло удивительное, баснословное для того, кто вступаетъ въ театральный міръ! Мало этого: послѣ представленія, авторы, по обычаю, ходили благодарить актеровъ. Дюгazonъ сказала Бульи: «Теперь мы связаны взаимнымъ условіемъ: вы совершенно принадлежите тому по-прищу, на которомъ такъ прекрасно дебютируете.»

Между тѣмъ какъ сочинитель и актриса мѣнялись комплиментами, театральный служитель извѣстилъ Бульи, что Баронъ Сталь, зять Неккера, весьма желаетъ поговорить съ нимъ, и вотъ по какому случаю. Въ числѣ окончательныхъ куплетовъ былъ одинъ куплетъ, гдѣ Петръ Великій говорить о знаменитомъ Лефорте, своемъ другѣ и спутникѣ. Смыслъ куплета клонился къ тому, чтобы показать, какъ полезенъ хороший Министръ Государю, который старается приобрѣсти любовь народа. Публика сдѣлала примѣненіе къ Неккеру, тогдашнему Министру, и съ восторгомъ приняла намекъ: всѣ взоры обратились на ложу Гжи Сталь, которая поручила мужу пригласить молодаго автора для изъявленія ему признательности. Взволнованный Бульи извинился, но на другой день, Баронъ Сталь пріѣзжалъ къ нему, и просилъ всякий четвертокъ посещать его собраніе ученыхъ, литераторовъ и артистовъ. Само собою разумѣется, что Бульи не преминулъ воспользоваться столь лестнымъ предложениемъ. Что вы скажете объ успѣхѣ комической оперы, которая вводить васъ въ гостиную первого Министра, гдѣ предсѣдательствуетъ Г-жа Сталь и тѣснятся знаменитые представители той эпохи?

«Однажды утромъ, говорить самъ авторъ, я приводилъ себѣ на память всѣ наслажденія, доставленныя мнѣ успѣхомъ Петра Великаго, и благодарили генія-покровителя молодыхъ сочинителей, какъ вдругъ узналъ, что награжденъ еще боль-

шено честію. Въ одномъ изъ окончательныхъ куплетовъ выражается преданность къ Королю, съ возваніемъ къ облагодѣтельствованному народу, о долгоденствіи и счастіи Монарха. Этотъ куплетъ, въ выразительныхъ устахъ Дюгазонъ, всегда одушевленной пламеннымъ чувствомъ и сильною привязанностію къ Королевской фамилії, этотъ куплетъ, говорю я, въ которомъ Гретри имѣлъ счастливую мысль напомнить трогательную пѣсню Генриха IV Габріели, производилъ назритеleй электрическое дѣйствіе. Его заставляли повторять при каждомъ представлениі, и когда такой эффектъ, защищавшій дѣло Лудовика XVI, сдѣлался извѣстенъ Королевѣ, она потребовала у Гретри слова и музыку финала Петра Великаго. Гретри былъ директоромъ частнаго оркестра Королевы, и, нося сей почетный титулъ, имѣлъ свободный доступъ къ Маріи-Антуанетѣ. Пріѣхавъ въ Версаль, онъ пропѣлъ свои пурпеты; Ея Величество много спрашивала о сочинитель словъ, и изъявила желаніе съ нимъ познакомиться. Въ слѣдующій четвертокъ, Гретри и Булы представлялись Королевѣ, которая вспомнила, что имѣла случай видѣть молодаго автора въ такомъ обстоятельствѣ, гдѣ онъ доказалъ свое мужество и рыцарскую вѣжливость. Булы ясно слышали, когда Марія-Анту-

анета сказала Гретри: «Вашъ сотрудникъ очень хорошъ собою!»

Марія-Антуанета была крестная мать Антуанеты Гретри, второй дочери композитора, слушавшей съ такимъ вниманіемъ и симпатією чтеніе Петра Великаго. По всей вѣроятности, союзъ поэта и музыканта долженствовалъ повлечь за собою другой союзъ, о чмъ, дѣйствительно, оба стали заботиться. Молодому автору готовилось счастіе быть супругомъ достойнѣйшей дѣвицы, крестной дочери Королевы, и все это благодаря волшебному успѣху комической оперы. Но есть предѣлъ человѣческому счастію! Иногда, оно утомляется сопутствовать человѣку, точно также, какъ мы скучаемъ безпрестанными повтореніями о правотѣ нашего ближняго. Жесточайшіе удары слѣдуютъ за ласками, улыбками и милостями фортуны. Такъ должно было кончиться и счастію автора Петра Великаго: Антуанета Гретри, пѣжная, блѣдная невѣста, подобно сестрѣ своей, умерла отъ грудной боли... .

А Марія-Антуанета, прекрасная Королева, благородная покровительница?.... Ахъ, лучше не вспоминать о несчастной ея участіи!....

АРТИСТЫ ИТАЛІАНСКОЙ ОПЕРЫ ВЪ ПАРИЖЪ.

ДЖУЛІЯ ГРИЗИ.

Искусство не было наслѣдственнымъ достояніемъ фамиліи Гризи, какъ о томъ писали. Родители этой пѣвицы были совершенно чужды театра, да и между предками едва ли можно найти слѣды какой

нибудь музыкальной знаменитости. Достовѣрно извѣстно только то, что Грассини, тетка Джуліи и Джудетты Гризи, въ свое время славилась на Италіянской сценѣ, и, можетъ быть, ободренію сей

прославленной певицы, обе сестры обя-
заны своей знаменитостью.

Джулия Гризи родилась въ Миланѣ, въ 1812 году. Она дочь Гаэтано Гризи, от-
личного офицера Австрійскаго Корпуса
Топографовъ. Прекрасныя способности ея
къ вокальной музыке развились весьма
рано, и въ детскомъ возрастѣ, когда на
умѣ вертятся больше игры, нежели серіоз-
ные занятія, Джулия часто удивляла
родныхъ вѣрнымъ подражаніемъ жестамъ
и пѣнию тѣхъ артистокъ, которыхъ ей
случалось слышать.

Джулия Гризи начала учиться музыке
въ Болонье, у своего дяди. На шестна-
дцатомъ году, она дебютировала на театрѣ
этого города, въ Россіицовой Зельмірѣ,
съ такимъ успѣхомъ, который, оправдавъ
надежды, рѣшилъ ея призваніе. Маэстро
Милиоти нарочно написалъ для молодой
певицы партитуру. Гризи поѣхала потомъ
во Флоренцію; публика съ восторгомъ
приняла милую Джульетту въ Капулетти
Ваккан, а послѣ восхищалась ею въ роли
Зораиды. Артистка три раза была ангажи-
рована къ Флорентійскому Театру.

Погостила затѣмъ въ Пизѣ, Гризи от-
правилась въ Миланѣ, где на театрѣ *della Scala* выступила вмѣстѣ съ Донцелли и
Пастою, въ Нормѣ, прелестномъ созданіи
Беллині. Рассказываютъ, будто Паста, изу-
мленная на первыхъ репетиціяхъ блестя-
тельными талантами дебютантки, упроси-
ла Беллині, отъ страха или изъ зависти,
выпустить соло Адальгизы въ тріо первого
дѣйствія.

Въ то время, когда Джулия Гризи жи-
ла на островѣ Корсикѣ, для поправленія
разстроеннаго здоровья, Фаваръ успѣль
ангажировать ее въ свою труппу. Съ 1832
года, артистка поселилась во Франціи,
и съ тѣхъ порь пользуется постоянною
любовью строгой Парижской публики, ко-
торая съ равнымъ удовольствиемъ слушаетъ
певицу въ разнообразнѣйшихъ роляхъ. Два,
три раза, Гризи восхищала Лондонъ, вмѣ-
стѣ съ Лаблашемъ, Рубини, Тамбурини

и другими членами оперы. Вѣнки и ги-
ней сыпалась на артистку въ изобиліи.

Источникъ славы Джулии Гризи долж-
но искать въ Италійской школѣ. Гризи
не имѣла постояннаго учителя, но падѣ-
ленная удивительнымъ даромъ подража-
тельности, постоянно присутствуя при
представлениихъ знаменитыхъ художни-
ковъ, она достигла до того, что соедини-
ла въ себѣ всѣ разнообразныя качества,
которыя упрачили за нею высокое мѣсто
между современными певицами. Такимъ
образомъ, Гризи, страстная поклонница
Малибранѣ, обязана ей первымъ стремле-
ніемъ къ драматическимъ порывамъ, ко-
торые, въ послѣдствіи, она исполнila
столь удачно; у Пасты, она заимствовала
то благородство, ту трагическую важность,
то полное, сильное выраженіе, которыми
преимущественно отличается въ роляхъ
новаго Италійского репертура. Но спра-
ведливость требуетъ замѣтить, что Паста
не имѣла такого свѣтлого голоса, какимъ
обворожаетъ Гризи, а Малибранѣ не имѣ-
ла ея изумительной гибкости горла. Здѣсь
кстати предложить вопросъ: въ чемъ
именно заключается превосходство голо-
са? Весьма жаль, что артисты, занимаю-
щіе высшую степень въ общественномъ
миѳніи, достигшіе до знаменитости усерд-
ными трудами и учениемъ, встрѣчаются на
своемъ поприщѣ судей, которые прина-
длежать или къ числу неспоспѣховъ льстецовъ
или къ числу слѣпыхъ порицателей заслугъ.
Превосходство голоса заключается въ томъ,
когда онъ, при надлежащемъ объемѣ, си-
лѣнъ, выразителенъ, чистъ, полонъ, зву-
ченъ и гибокъ. Вотъ естественная красо-
та голоса; но истинное совершенство до-
стигается упражненіемъ въ искусстве.
Не должно почитать превосходнымъ голо-
сомъ тотъ, который отличается наиболь-
шимъ объемомъ. Артистъ можетъ хвалить-
ся знаменитымъ числомъ октавъ, и имѣть
весьма посредственный голосъ, если въ
немъ нѣтъ ровности, наилучшаго украше-
нія вокальной организаціи. Малибранѣ

была отличная пѣвица, но органъ ея, при огромномъ объемѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отзывался неполнотою. Малибранъ превосходила Гризи пѣскими и верхними тонами, но эти рѣзкіе тоны, равно какъ и средніе, составляющіе переходъ отъ головного голоса къ грудному, не всегда звучали пріятно, и, для пополненія сего недостатка, знаменитая пѣвица прибѣгала ко всѣмъ вспомогательнымъ средствамъ искусства, или вѣрнѣе, ко всѣмъ уловкамъ своей методы. Иногда, Малибранъ принуждена была прибѣгать даже къ измѣнению извѣстныхъ мѣстъ въ нѣкоторыхъ партитурахъ, чтобы покрыть недостатокъ органа. Насмѣшилъ Россини часто дѣлать остроумныя замѣчанія на счетъ того, какъ увертывалась Малибранъ въ иныхъ мѣстахъ Отелло, и называлъ это *перекрестными дорогами*.

Голосъ Гризи обнимаетъ двѣ октавы, отъ нижняго до верхняго С. Для полнаго сопрано, это весьма хороший объемъ, дающій композитору возможность развивать все богатство своихъ мелодій, даже вмѣшивать и порывы фантазіи. При такомъ объемѣ, голосъ Гризи отличается вѣрностю, чистотою, силой, мягкостію (*morbidezza*), полнотою, нѣжностію. Если знакомы одобрять справедливость выше объясненной теоріи превосходства голоса, то, признаемся, едва ли кто имѣлъ такой голосъ, какъ Джулія Гризи; но здѣсь опять не должно забывать, что рѣчь идетъ только о *природныхъ* средствахъ органа. Интонаціи другое существенное качество, на которое критикъ долженъ обращать вниманіе при оценкѣ пѣвицы. Не всякий въ состояніи различить не столько исключительную правильность интонаціи, сколько тѣ нѣжные, едва замѣтные переходы и оттенки, которые образовываются изъ четверти и осьмыхъ нотъ. Паста, пѣвица великая, имѣла недостатокъ понижать голосъ (*sangare*, какъ говорятъ Италиянцы), что не многие замѣтили во Франціи; но въ Италии, гдѣ слухъ тональне и опытнѣе, публи-

ка должна была привыкнуть къ Пастѣ, чтобы забыть или оставлять безъ вниманія такое несовершенство, искупаемое, впрочемъ, многочисленными достоинствами. Интонація Гризи, напротивъ, при чрезвычайной вѣрности и правильности, отличается необыкновенною чистотою и нѣжностію, и если бы недостатокъ Пасты, о которомъ сейчасъ упомянуто, затмилъ талантъ Гризи, то онъ былъ бы гораздо чувствительнѣе для слуха, именно потому, что Гризи сильно береть ноты. Отличаясь преимущественно чистотою и точностію, голосъ Гризи никогда не имѣть въ себѣ сомнительной невѣрности; сол-феджю ея всегда непогрѣшительно.

Теперь должно обратиться къ методѣ Джуліи Гризи. Сама природа, будто по инстинкту, указала пѣвицѣ на методу, которой должно слѣдововать. Сильная организація, объемъ тоновъ, очевидно, должны были привести Гризи къ стилю декламаторскому, драматическому, и, относительно трагического, Гризи, дѣйствительно, поставила себя на высшую степень искусства. Она превосходно изображаетъ все, что принадлежитъ къ области сильныхъ страстей, напримѣръ, гнѣвъ, пламенную любовь, ревность, отчаяніе. Пѣніе Гризи, средства, дарованныя ей природою, прекрасная, выразительная, величественная наружность, все это исполнено благородства и сценическаго достоинства. Видно, что Гризи не хочетъ и не можетъ пѣть для того только, чтобы пѣть; ея стихія — возвышенное и великое въ драматическомъ. Оттого Джулія Гризи любить роли Десдемоны, Анны Боленъ и Нормы, въ которыхъ выражаются тончайшие оттенки любви, страсти преимущественно поразительной на сценѣ. Десдемона, олицетвореніе любви знойной, исполненной самоотверженія; Анна Боленъ, изображеніе любви во всей ее меланхолии и тяжкой страсти; Норма, любовь страшно-ревнивая, бѣщеная. Послѣ этого неудивительно, что Паста, Ма-

либранъ, Ронци, а за ними и Гризи, предпочитали сіи трагические роли со всѣми переходами страсти. Есть ли въ старомъ репертуарѣ хотя одна опера, которая производила бы столь могущественное дѣйствіе, какъ Отелло, Норма и Анна Боленъ?

Многіе упрекали Джулію Гризи, будто она не такъ способна къ роли Донны Анны въ Донъ Жуанѣ, какъ къ вышеупомянутымъ. По своей организаціи, Гризи, конечно, не способна къ выражению многочисленныхъ красотъ сего образцового произведенія; но, какъ сказано, не въ природѣ Гризи пѣть только для того, чтобы пѣть. Вирочемъ, какой матеріаль найдеть для себя талантливый артистъ въ исполненіи текстъ Донъ Жуана? Представьте себѣ Тальму въ роли Фигаро, или Ращель Коломбино! Много ли, однако жъ, найдется пѣвицъ, которыхъ, подобно Джуліи Гризи, такъ прекрасно исполняли или исполняютъ граціозныя, шутливыя, кокетливыя роли, напримѣръ, Розины въ Цирюльникѣ, Ницеты въ Сорокѣ Воровкѣ, Церлины въ Донъ Жуанѣ? Можно сказать утвердительно, что Гризи, при всей своей природной наклонности къ трагическимъ ролямъ, можетъ, по удивительной гибкости организаціи, имѣть блестящій успѣхъ и въ простенькой, легкой, граціозной музыкѣ. Такимъ талантъ отличались Малибранъ, Паста и Ронци.

Джулія Гризи, подобно своимъ знаменитымъ предшественницамъ, имѣеть пре- восходную методу въ сольфеджіо. Множество счастливыхъ чертъ, пѣжныхъ оттѣнковъ и граціозныхъ оборотовъ, которыми она украшаетъ свое пѣніе, вѣрный эволюціи голоса, которыми побѣждаетъ величайшія трудности, всѣ такія достоинства, безспорно, даютъ ей мѣсто между первоклассными пѣвицами въ этомъ родѣ. Но Гризи выше всего въ пѣніи a mezza voce, въ изумительномъ smorzature (заміраніи голоса). Какого терпѣнія и труда

стоило ей достигнуть до той степени, чтобы обуздывать столь сильный голосъ, управлять тонами, и въ самыхъ тихихъ звукахъ сохранять ту ровность, ясность и вмѣстѣ вѣжную вибрацію, которыя всегда составляютъ преобладающій характеръ ея граціознаго и страстнаго пѣнія!

Разматривая Джулію Гризи съ мимической точки зрѣнія, должно сознаться, что рѣдко найдешь въ одномъ лицѣ столь блестательное соединеніе достоинствъ, принадлежащихъ къ высокой трагедии. Франція, Англія и Италия отдали должную дань справедливости этой артисткѣ. Публика не можетъ довольно налюбоваться правильностью ея чертъ, гармоніею всей наружности, краснорѣчіемъ глазъ, прелищемъ движений, роскошными, черноблестящими волосами, которыя придаютъ пѣвицѣ много величественного въ сцепахъ отчаянія или безумія. Игра, пѣніе, взглядъ, все выражаетъ одушевленіе, чистую природу; рѣдко, въ одной и той же роли, Гризи повторяетъ при слѣдующихъ представленихъ различныя драматическія положенія. Игра и пѣніе безсознательно влекутъ Гризи къ правильному драматическому выраженію, именно къ высокому и благородному.

Читатели ошибутся, однако жъ, если подумають, что эта diva Итальянской Оперы совершенно непогрѣшительная пѣвица. Съ прекрасными, рѣдкими достоинствами, Гризи соединяетъ нѣкоторые недостатки. Такъ се можно упрекнуть даже въ чрезмѣрномъ употреблении своихъ преимуществъ, что, вѣроятно, зависитъ отъ преобладающаго могущества ея средствъ, а не отъ собственнаго желанія. Иногда Гризи беретъ верхъ надъ чрезмѣрностю природной силы, но чаще усиливается тщетными, и пѣвица переходитъ за предѣлы истины. Это, впрочемъ, недостатокъ всѣхъ сильныхъ организаций, на какой бы ступени общества онѣ не находились.

Речитативъ, цатетическая фразы, Гризи

выражаетъ съ совершеннымъ вкусымъ, и умѣеть возвышать ихъ игрою и пѣніемъ; но когда она начинаетъ длинную фразу, то можно подумать, что ейъ стоитъ нѣкотораго труда пустить въ ходъ свой голосъ, и постепенно приводить его въ движение, сообразно съ тактомъ. Это затрудненіе происходитъ не отъ сухости рта и горла, какъ утверждали, но отъ излишняго отдѣленія мокроты, задерживающей голосъ при первомъ порывѣ. Побѣдивъ первое препятствіе, Гризи, безъ всякаго утомленія, исполняетъ длинныя и трудныя роли, и въ продолженіе всей піесы остается одинаковою.

Джулю Гризи нѣсколько разъ сравнивали съ Персіані. Есть ли сходство между объемами пѣвицами? Знатоки, замѣчая ежедневные успѣхи Гризи въ искусствѣ, вовсе не думаютъ сравнивать ее съ какою нибудь другою пѣвицею, по весьма простой причинѣ: гдѣ нѣтъ сходства, тамъ нѣтъ и сравненія. Гризи съ чрезвычай-

нымъ искусствомъ управляетъ своимъ голосомъ; но не въ этомъ заключается ея главная заслуга: энергическая, исполненная чувства, ко всякому впечатлѣнію способная организація—вотъ основа ея оригинального, одушевленнаго пѣнія, электрически дѣйствующаго на самыхъ хладнокровныхъ слушателей.

Теперь должно сказать нѣсколько словъ о Джуліи Гризи, какъ о женщінѣ, въ частной жизни. Всѣ знаютъ о прекрасныхъ поступкахъ покойной Малибрانъ, о томъ благородномъ употребленіи богатства, которое она приобрѣтала своимъ чудеснымъ талантомъ. Такова и Джулія Гризи. Люди, коротко съ нею знакомые, следовательно знакомые со всѣми оттѣнками ея частной жизни, рассказываютъ много подобныхъ случаевъ, выказывающихъ сердце и характеръ артистки въ благородномъ свѣтѣ. Гризи женщина великодушна, безкорыстна, сострадательна къ несчастію ближняго.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

МИХАЙЛОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Louis XIV et la Marquise de Montespan (Лудовикъ XIV и Маркиза Монтеспанъ), комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Соважа; *Les pénitens blancs* (Бѣлые кающіеся), комедія съ пѣніемъ, въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Варнера; *Un vaudevilliste, ou Comme on fait un proverbe* (Водевилістъ, или вотъ какъ сочиняется драматическая пословица), водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Соважа и Мориса Сентъ-Ансе. (Бенефісъ Г-жи Дегранжъ, 22-го Февраля.)

Матеріалами для комедії Г. Соваха, очевидно, служили тѣ мемуары и романы, въ которыхъ на Лудовика XIV смотрять съ незыгодной стороны. Въ комедіи Г. Соваха, точно такъ же, какъ въ этихъ романахъ и мемуарахъ, Лудовикъ XIV выставленъ человѣкомъ щеславнымъ, мелочнымъ и простымъ. Мало того: слушая разговоры дѣйствующихъ лицъ ея, вы, какъ будто, слышите отрывки изъ этихъ романовъ и мемуаровъ. Словомъ, вліяніе на нее тѣхъ и другихъ ощутительно въ высшей степени. Однако жъ, она написана съ знаніемъ сцены и не лишена интереса.

Дѣйствіе ея происходитъ въ послѣднее время владычества Маркизы Монтеспанъ. При началѣ комедіи Лудовикъ XIV уже не любить Маркизы, и даже ищетъ вниманія другой женщины, прелестной жены Англійскаго посланника; но онъ все еще не можетъ совершенно разорвать связи своей съ Г-жею Монтеспанъ, и

женщина эта все еще управляет самовла-
стно имъ и всею Франціею,—управляетъ
не смотря на происки многочисленныхъ
враговъ своихъ. Вдругъ, одно неожидан-
ное обстоятельство даетъ новую пищу
этимъ проискамъ. Маркиза укрываетъ въ
комнатахъ своихъ молодаго кузена своего,
кавалера де Ворсала, который, вопреки
строгимъ законамъ Лудовика противъ по-
единковъ, выходилъ на дуэль, и котораго
она любить болѣе, чѣмъ бы слѣдовало
любить молодаго кузена въ ея положеніи.
Къ несчастію Маркизы, обѣ этомъ узнаетъ
одинъ изъ самыхъ жаркихъ, одинъ изъ
самыхъ опасныхъ враговъ ея, любимецъ
Лудовика, Маркизъ Лафарь. Маркизъ
узнаетъ также, что кавалеръ де Ворсаль
скрывается въ библіотекѣ Г-жи Монтес-
панъ, и спѣшитъ воспользоваться своимъ
открытиемъ. Не рѣшалась прямо сказать о
томъ Лудовику, онъ прибѣгаєтъ къ слѣ-
дующей хитрости. Во время разговора съ
этимъ Государемъ, въ приемной Г-жи
Монтеспанъ и въ присутствіи самой Мар-
кизы, онъ цитуетъ нѣсколько стиховъ
Корнеля и, съ умысломъ, приписываетъ
ихъ Расину. Лудовикъ возражаетъ ему,
утверждая, что стихи принадлежать Ра-
сину. Лафару только того и хотѣлось:
онъ предлагаетъ провѣрить себя и про-
сить позволенія принести изъ библіотеки
тотъ томъ Корнеля, въ которомъ, будто
бы, находятся цитованные стихи. Лудо-
викъ соглашается, и Лафарь, къ величай-

шему ужасу Г-жи Монтеспанъ, идеть въ библиотеку. Онъ уже стоитъ у двери этой роковой библиотеки; онъ уже готовъ войти въ нее, какъ вдругъ сзади его слышится восклицаніе: «остановитесь!» Въ склоніе это вырвалось у гувернантки дѣтей и повѣренной всѣхъ тайнъ Маркизы Монтеспанъ, у Г-жи Скарронъ. Лафарь останавливается, а Г-жа Скарронъ говоритъ Лудовику, что спорные стихи дѣйствительно принадлежать Расину, и что томъ, въ которомъ заключаются они, находится тутъ же, въ приемной. Всльдъ за тѣмъ, въ подтверждение словъ своихъ, она беретъ со стола какую-то книгу ичитаетъ эти стихи, Лафарь признается себѣ побѣженнымъ: значитъ, Г-жа Монтеспанъ спасена на этотъ разъ. И какъ же спасена: повѣренная ея, что открывается въ послѣдствіи,— прочла стихи наизусть, держа въ рукахъ какую-то поваренную книгу. Между тѣмъ, Лудовикъ не подозреваетъ, что его такъ обманываютъ; но выходитъ Г-жи Скарронъ заставила его обратить вниманіе на эту женщину. Лудовикъ, прежде того ни сколько не занимавшися ни самою ею, ни просьбами о пенсіи, которая она подавала ему не разъ, находить тогда, что она прекрасно декламируетъ стихи, что она хороша собою.

Во второмъ дѣйствіи, Лудовикъ, желая увидаться съ женою Англійскаго посланника, увидаться наединѣ, въ саду, въ вечерней тиши, приказываетъ Лафару показывать этому посланику, въ продолженіе того времени, которое назначено для свиданія, достопримѣчательности Тріанона. Лудовикъ даже говоритъ Лафару, чтобы онъ, какъ можно долѣ, былъ путеводителемъ почтенаго лорда. Однако жъ, объ этомъ свиданіи узнаетъ Маркиза Монтеспанъ, и чтобы избавиться отъ послѣдствій его, уполномочиваетъ Г-жу Скарронъ заступить мѣсто посланицы, въ надеждѣ, что Лудовикъ, въ темнотѣ, приметъ Г-жу Скарронъ за посланицу, и что Г-жа Скарронъ заставитъ его разлю-

бить эту Леди. Г-жа Скарронъ исполняетъ порученіе Маркизы, но исполняетъ совершенно иначе, чѣмъ ожидала Маркиза. Сначала, правда, она притворяется простенькою Англичанкою, но потомъ начинаетъ говорить умно, и Лудовикъ чуть не догадывается, что передъ нимъ не посланица. Онъ, можетъ быть, и догадался бы тутъ же, если бъ *tête à tête* ихъ не былъ прерванъ случайно. Онъ узнаетъ однако же, всльдъ за тѣмъ, что съ нимъ говорила не Леди, потому, что во время свиданія, она смотрѣла съ мужемъ достопримѣчательности Тріанона; только, почти до конца піесы, онъ не можетъ догадаться, кто именно говорилъ съ нимъ, и кто такъ очаровалъ его умомъ своимъ.

Въ третьемъ дѣйствіи, умъ этотъ очаровываетъ его еще болѣе, очаровываетъ въ записочки (впрочемъ, вовсе не отличающейся большимъ умомъ), которую Г-жа Скарронъ написала было къ Лафару, но которую Г-жа Монтеспанъ, разумѣется, въ копіи, послала къ Лудовику, въ ответъ на одно изъ писемъ его. Наконецъ Лудовикъ узнаетъ, кто была его единственная красавица въ саду, кто писалъ эту записку, узнаетъ также, что у Г-жи Монтеспанъ укрывается молодой кузнецъ ея, и, въ слѣдствіе всѣхъ этихъ открытій, въ слѣдствіе давнишняго охлажденія своего къ Маркизѣ, въ слѣдствіе новой любви своей къ Г-жу Скарронъ, покидаетъ первую изъ этихъ женщинъ и замѣняетъ ее второю. Послѣдняя сцена комедіи Г. Соважа, сцена, въ которой Маркиза угадываетъ, что могущество ея миновалось, и что Лудовикъ XIV нашелъ себѣ новый кумиръ, новую повелительницу, прекрасна. Впрочемъ, это лучшая сцена во всей піесѣ Г. Соважа.

Роль знаменитой вдовы Скаррона—главную роль въ піесѣ, не смотря на то, что эта комедія называется: «Лудовикъ XIV и Маркиза Монтеспанъ», занимала Г-жа Алланъ. Написавъ имя этой артистки, мы

остановились,—остановились потому, что хвалить и всегда хвалить одно и то же лицо, право, трудно. Скажемъ, однакожъ, что Г-жа Алланъ исполнила роль свою умно, одушевленно, съ какою-то особою грациею, и что она особенно прекрасна была въ первомъ дѣйствіи, во время чтенія стиховъ. Роль Лудовика XIV сыгралъ Г. Бернаръ удовлетворительно, а Г. Алланъ въ роли Маркиза Лафара былъ чрезвычайно хорошъ. Роль Маркизы Монтеспанъ — но, смотря на артистку, занимавшую эту роль, мы все думали о другой артисткѣ, которой уже нѣть у насъ, думали, вопреки ея недавной неудачѣ въ Парижѣ, вопреки грозной статья фельетониста Журнала Преній, появившейся послѣ этой неудачи...

Комедія *Бѣлые кающіеся* есть одна изъ тѣхъ піесъ, которая пишутся въ Парижѣ только для того, чтобы той или другой изъ тамошнихъ актрисъ, прославившихся въ мужскихъ роляхъ, представила новая возможность надѣть мужскія платья, и сказать, не краснѣя, нѣсколько рѣзкихъ двусмыслинностей. Въ ней молодой, хорошенкій собою аббатикъ (Г-жа Дегранжъ), воспитанный въ безпримѣрной простотѣ, попадаетъ ошибкою, вмѣсто семинаріи, куда ходилъ онъ съ глупцомъ учителемъ своимъ, къ кому-то въ домъ; принимаетъ женщину за *бѣлыхъ кающихихся* (старинныхъ монаховъ Французскихъ), пьеть шампанское, напивается порядкомъ, ѳдетъ въ маскарадъ, воображая, что ѳдетъ на религіозную процессію, влюбляется въ одну дѣвушку, которая уже помолвлена за другаго, и, наконецъ, узнавъ что по случаю перемѣны домашнихъ обстоятельствъ, ему нѣть надобности оставаться павсегда аббатомъ, женится на ней. Въ этой піесѣ есть еще нѣсколько женщинъ, есть какой-то виконтъ Данвиль, который, скрываясь отъ поисковъ полиціи,

преслѣдующей его за дуэль, переодѣвается въ платье капуцина, и котораго моло-денькій аббатикъ принимаетъ за настоящаго капуцина; есть глупецъ женихъ дѣвушки, которая выходитъ за аббатика, но все это лица второстепенные, придуманные для обстановки аббатика, т. е. актрисы, которой было нужно доставить новую привлекательную роль. Разыграна была она хорошо. Намъ должно еще упомянуть, что въ ней дебютировала дѣвица Бернаръ, не являвшаяся до того ни на одной сценѣ; но дѣвица Бернаръ такъ робѣла во время своего дебюта, что о ней нельзя сказать ничего рѣшительнаго. Какется, впрочемъ, что это дѣвушка не безъ дарованія. Ее вызвали.

По окончаніи *Бѣлыхъ кающихихся*, явился питомецъ Гаумана, скрипачъ Щепинъ. Это былъ тоже дебютантъ, но вовсе не робкій, и чрезвычайно благосклонно принятый публикою. Радуемся успѣху нашего Русскаго артиста и, съ своей стороны, прибавимъ, что игра его весьма замѣчательна по чистотѣ и особенно по своей выразительности.

Піеса, подъ названіемъ *Водевилисты*, обманула наши ожиданія. Мы думали, что авторъ выведетъ въ ней, на показъ не-водевилистамъ, какую нибудь изъ забавныхъ литературныхъ продѣлокъ Париж-скихъ водевилистовъ, а вышло совсѣмъ другое. Въ ней водевилистъ только помогаетъ одному молодому человѣку жениться на невѣстѣ своего простофили со-трудника, да получить мѣсто, обѣщанное тому же сотруднику. Къ чему жъ надо-бенъ былъ тутъ водевилистъ? Такую драматическую пословицу можетъ смастерить всякий неглупый человѣкъ. Стоило же труда отыскивать водевилиста! Или это только для афиши?

Большая часть публики не выслушала этой піесы и въ половину.

РЕPERTУАРЪ.

представленияхъ, а тут же это «помеха» блокируетъ, преграждая путь къ дальнейшему развитию и движению этого театра въпередъ. Актёры, конечно, должны будутъ искать другіе занятия въ другихъ театрахъ, а театръ, въ свою очередь, будетъ вынужденъ искать другихъ артистовъ, и такъ-такъ и тому-тому, въ конечномъ итогѣ, погибнетъ самъ театръ, а съ нимъ и все, что имъ было дорого.

IV. СМѢСЬ.

ТЕАТРЪ ВЪ РИЗАНІИ.

Рязанскому Театру Москва никогда была обязана замѣчательными артистами: въ драматическихъ роляхъ благородныхъ отцевъ Петромъ Родионовичемъ Колпаковымъ (*), а въ роляхъ любовницъ (первыхъ роляхъ въ драмѣ и комедіи) Матрѣною Семеновною Воробьевою. Оттуда же являлись на Московскую сцену Грузинова, Тимофеева и другие, все актеры, если не отличные, то порядочные.

Рязанскій Театръ началъ существовать почти съ самого открытия намѣстничества; о немъ заботились намѣстники Графъ Гудовичъ и Кречетниковъ, и домъ для театра былъ выстроенъ особый, на выѣздаѣ къ Москвѣ; онъ существовалъ еще при началѣ царствованія Императора Александра. Самые замѣчательные изъ директоровъ этого театра были: Аѳанасій Аѳанасьевичъ Докторовъ и Григорій Петровичъ Приклонскій; тотъ и другой жертвовали для своей Рязанской Тали, не только способностями общими (какъ бы и чѣмъ бы лучше поддержать ее), но даже большую частину доходовъ съ собственныхъ имуществъ и — разорялись! Ихъ поддерживали, въ послѣдствіи, Г. В. Рюминъ и Григорій Павловичъ Ржевский; но Рюминъ, занимался откупами, глядѣль только на общіе расчеты слегка, и заводилъ свою оперу; Ржевский же, напротивъ того, дѣйствовалъ совсѣмъ нерасчетливо и не единодушно: у него на умѣ

также были свои пѣвцы и свои пѣвицы; а потому-то и всѣ усилия Докторова и Приклонскаго улучшить Рязанскій Театръ, остались безъ успѣха.

При Генераль-Губернаторѣ Балашевѣ (1821 по 1826 г.), Рязанскоѣ театральное заведеніе имѣло еще стройность и регулярность. Пѣвцы Рюмина все еще тутъ пѣли, Ржевскаго люди плясали балеты, вольные актеры представляли Софы (**) и ложи въ театрѣ даже бывали годовыми. Дѣло шло преизрядно; но нынче, въ проѣздѣ мой черезъ Рязань, я уже не нашелъ ни собственнаго Рязанскаго Театра, ни собственныхъ этого театра актеровъ; здѣшнія театральная обстоятельства, какъ миѣ кажется, совсѣмъ измѣнились, ибо вмѣсто *своей*, на сценѣ Рязанскаго Театра проявилась странствующая труппа, и труппа, по нынѣшнему такъ водится, анекдотическая. Содержатель ея нѣкто Никитинъ, въ настоящее мое время, тѣсно соединившійся съ семействомъ странствующаго шутка Далло. Миѣ удалось быть на двухъ представленіяхъ этой любопытной банды: то и другое было отличительно замѣчательно, и стоило того, чтобы то и другое дипломатически записать въ листъ чудесъ нашего вѣка!

Первое представление дано было въ пользу десяти и четырехъ-лѣтняго дѣтей Далло. Оно началось Путаницей, водевилемъ, известнымъ по своей пута-

(*) Извѣстный пѣвецъ П. А. Булаковъ былъ женатъ на его дочери.

(**) Родъ диваловъ, занимавшихъ мѣста кресель.

ницѣ! Въ ней играли слѣдующія лица: Клушина, Новогородскую помѣщицу, дѣвица Шведова, внучку ея, Марью Ивановну Сатину, Г-жа Жучковскага, Артамона Сергеевича Огрызкоса Г. Жучковскаго, Павла Александровича Бильевскаго Боррова, Ферапонта, слугу Клушиной, Никифорова. Тамъ и сямъ шептали, подъ меня, о фамиліи Сатиной, которая Рязань очень извѣстна; въ другомъ мѣстѣ вспомнили стариннаго драматурга Клушина, его комедію *Смѣхъ и Горе*; но для водевилей нашего доброго времени, кто не актеръ? Пошли шутки, пошли плоскости, и слышу, что изъ иныхъ угловъ вырывалось даже браво; однакожъ, вкусъ провинціи еще большой претендатель на скромность!

Завѣса опустилась, опять поднялась, и за водевилемъ какъ разъ послѣдовало большое акробатическое, блестательное представлѣніе въ трехъ отдѣленіяхъ, (замѣтьте, что это все слова афиши). Въ первомъ появились: четырехъ-лѣтній Жуанъ Далло; онъ представлялъ на канатѣ Радамура (думать надоѣло родѣ Амура; за нимъ пустился въ дѣло десяти-лѣтній Августъ Далло, и удивилъ, на канатѣ же (какъ говорить афиша), такими экзерциціями, которыхъ Рязанская публика никогда не видала (*)! Но экзерциціи прекратились, и на канатѣ вступило самъ комикъ Далло, въ роли рыбной торговки: пошла умора, которая едва, едва прекратилась мадамою Далло, выкинувшую Па-деліедоиски (Лодоиски?). Потомъ ужъ пошло: эквилибры съ балансомъ и безъ баланса, па-діо-тамбурины, даже а-лла-Галіони, и проч. и проч. Громъ рукоплесканій раздался, и въ знакъ благодарности за то мусъе и мадамъ Далло открыли второе отдѣленіе своими *pas de*

deux, ou pas d'allemande; къ этому присоединились ихъ же адажи-грациозы, алегро-ронды. По увѣренію Далло, этимъ восхищались многія Европейскія столицы. Въ третьемъ отдѣлѣ опять невиданное для Рязани зрѣлище: Августъ Далло отличился въ академическихъ и гимнастическихъ представленихъ; послѣдоваль финалъ, но нѣтъ, не финалъ еще! Августъ и Жeanъ Далло вышли и прочли къ публикѣ слѣдующее:

«Aimable et Respectable Public de Rezan!

Daignez honorer cette repr  sentation de votre pr  sence. Nous osons vous assurer d'avance, que toute la compagnie contribuera de tous ses efforts, pour vous faire passer une soir  e des plus agr  ables. C'est dans cette douce persuasion, que nous avons l'honneur de vous inviter 脿 notre b  n  fice, o   nous esp  rons, qu'il se trouvera la r  union et la soci  t   la plus noble et la mieux choisie de cette ville.»

Я былъ очень тронутъ этимъ младенческимъ лепетомъ, и готовился... какъ вдругъ Жeanъ Далло возгласилъ: *Avis*, и началъ читать въ свою очередь: «Monsieur Paillasse (Пальясе) a l'honneur d'avertir l'aimable public, que les personnes, qui n'auraient pas le tems de venir a cette repr  sentation, peuvent envoyer leur argent 脿 la caisse, o   on le recevra tout de m  me avec grand plaisir!»

«Car quoiqu'en dise une vieille cabare, L'Argent est.... (тутъ ужъ я не разобралъ афиши, на которой подписано: *Dal-lot, comique de Messieurs Franconny и пр.*; да и тутъ тоже печать на афишѣ весьма неразборчива).

Другое представлѣніе (10-го Февраля) открылось водевилемъ *Два мужа* (переводъ Ленскаго). Вотъ имена дѣйствующихъ лицъ: Сенапожка игралъ Аксаковъ, жену его уже знакомая миѣ Жучковскага, Риго Г. Стефановскаго, жену его Шведова, пянюшку дѣвица Соколова, Лабри Г. Апшинскаго, и все сошло съ руки,

(*) Да где ей и видѣть! Сама Москва чути ли что nibуль подобное сматривала? А знаете ли, какъ все это хорошо, къ водевилямъ?

За тѣмъ пошли опять чудеса Далло, и заключились вотъ какимъ привѣтствіемъ къ любезной (*aimable*) публикѣ Рязанской; читайте:

*Public de Resan, reconnu pour connaisseur,
Nous sommes enfin force de vous quitter.
Votre souvenir restera gravé dans notre coeur;
C'est ce qui pourra un peu nous consoler;
Le pauvre Paillasse on est inconsolable!
Il a perdu sa bonne humeur, sa gaieite,
Il pousse des soupirs vraiment lamentables;
Ah! si vous le verriez, vous en auriez pitié,
Sur tout vous Mesdames; oh! sexe trop aimable,
Qui dans tout l'univers est continuellement révérée!
Pour se que le Createur fit de plus admirable!
Comme chef-d'œuvre de la nature et de beauté!
Ah! Mesdames! où regne votre présence!
Regne aussi l'innocent plaisir,
Et l'homme adore votre prestance!
Comme la rose adore le Zéphir!! (*)*

Подписано: Dallot.

И каковъ же онъ Далло? Не знаю, что отвѣчала ему *aimable et respectable public de Resan*, но у меня бы тутъ кинула горячая слеза признательности; Рязанская же *aimable et respectable public*, можетъ быть, дознамась только, что въ посвѣщаемыхъ ей стихахъ легко можно вмѣсто Resan вставлять и Twer, и Kasan и Tambow, даже Moscow, и проч. и проч., и потому-то, здѣсь, все кончилось однимъ только bravo!

А я уѣхалъ въ Москву.
ВЫСТРОРѢЦКІЙ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ТЕАТРѢ ВЪ НАРВѢ.

Не смотря на то, что въ Нарвѣ есть очень хорошее зданіе театральное, тамъ нѣть постоянной труппы актеровъ. Причиною этого, конечно, малое населеніе этого города; но за то часто посѣщаютъ его странствующія труппы, разумѣется труппы Нѣмецкія, потому, что, кроме военныхъ, всѣ жители Нарвы Нѣмцы (**).

(*) Списано съ точностию съ подлинной афиши.

(**) Что Русскіе актеры не могутъ существовать въ Нарвѣ, примеръ тому Г. Латонскій, который въ 1856 году, издумавъ блеснуть предъ Нѣмцами игрю своихъ Бѣляевыхъ и Александровыхъ, но былъ встрѣченъ очень дурно,

Актеры этихъ труппъ, большою частію, иностранные подданные, отставные студенты, словомъ:

Сонмъ ученой молодежи.

Актрисы.... по не довольно ли если вы знаете, что есть и актрисы? Піесы, исполняемыя этими странствующими рыцарями, обыкновенно далеко превосходятъ ихъ силы. Каждый разъ, когда вѣсть о прїѣздѣ новыхъ актеровъ разнесется по городу, добрые Нѣмцы пожимаютъ плечами, расчитывая, что дорого заплатили и за прошлое удовольствіе, доставленное имъ предшественниками этихъ новыхъ артистовъ. Но дѣлать нечего. Разсѣянія въ Нарвѣ такъ мало, что Нѣмецъ невольно мѣняетъ клубъ на театръ, и идетъ смотрѣть какую нибуль *Trauerspiel von Dr. Raupach*, поплакать надъ несчастіями Луизы Миллеръ, и посмѣяться проказамъ Schneider Kakadu.

Послѣдняя труппа актеровъ была въ Нарвѣ въ 1840 году, подъ дирекціею Г. Келера, человѣка умнаго и талантливаго; но къ сожалѣнію труппа эта была слишкомъ мала для піесъ, ею даваемыхъ. Случалось часто, что одинъ и тотъ же актеръ игралъ по пяти ролей въ одной піесѣ. Не смотря однако же на этиотъ недостатокъ, нельзя было не грустить, когда афиша возвѣстила послѣднее представление Г. Келера. Мы не думали, что разлука съ нимъ будетъ вознаграждена такъ скоро и пріятно, прїѣздомъ Г. Горнеке съ его труппою, состоящею изъ людей прекрасно образованныхъ на сценическомъ поприщѣ. Онъ прибылъ сюда въ Сентябрѣ прошлаго года, и жилъ до Октября мѣсяца. Въ свое короткое пребываніе здѣсь, даль онъ тридцать представлений, и театръ всегда былъ полонъ. Причиною такого успеха была во-первыхъ

не смотря на то, что роль Лепорелло, въ *A. Жуанѣ*, игралъ у него актеръ, приглашенный имъ на время, за условленную пѣну, изъ С. П. б. Театра.

общирность его репертуара, состоявшаго большею частю изъ піесъ новыхъ, и во-вторыхъ то, что Г. Горнеке умѣлъ преодолѣть всѣ преграды, какія встрѣчаются антрепренерамъ въ представлениіи оперы, въ провинції. Ему едва ли не первому удались выйти изъ ряду тѣхъ обычныхъ содержателей театровъ, которые въ драматическомъ искусствѣ видятъ ремесло и способъ легко набивать карманъ, разыгравая кое-какъ вздорныя піесы, послѣ которыхъ зритель не выносить изъ театра ничего для души, кромѣ чувства досады.

Нѣтъ, Г. Горнеке думалъ иначе: онъ не искалъ прибыли, но дѣйствовалъ какъ человѣкъ, истинно понимающій искусство, и желалъ только доставить публикѣ удовольствіе. Зная какъ рѣдко удается провинціалу слушать хорошую музыку, онъ, не взирая на всѣ трудности, съ какими сопряжено было исполненіе его мысли — давать здѣсь оперу, успѣль наконецъ въ своемъ желаніи. Если цѣль его не совсѣмъ достигнута, то это не вина Г. Горнеке: съ его стороны было сдѣлано все, чего требовали условия оперы, какъ въ музыкальномъ, такъ и декоративномъ отношеніяхъ. Оркестръ его состоялъ изъ осьмнадцати человѣкъ, хорошо знающихъ свое дѣло, музыкантовъ и находился подъ управлениемъ Г. Капельмейстера Зонтага.

Примадонною труппы была дѣвица М. Бурше, голосъ которой прекрасно обработанъ и даже слишкомъ обширень для тѣсной сцены провинціальнаго театра. Слушая ее, нельзя было не жалѣть, что пѣвица, подобная ей, должна остататься неизвѣстно образованному свѣту, между тѣмъ какъ съ тою прекрасною наружностью, какою обладаетъ М. Бурше, и ея голосомъ она могла бы занять одно изъ первыхъ мѣсть въ Петербургской Нѣмецкой оперѣ. Партия Д. Аины, въ Д. Жуанѣ, была пропѣта ею прекрасно, но особенно хороша была она въ роляхъ Церлины въ Фра-Діаволо и Анжелы въ Черномъ

Домино. Въ игрѣ М. Бурше замѣтна застѣнчивость, но это вѣроятно происходитъ отъ ея непривычки къ сценѣ, на которой она, какъ мы слышали, еще не больше года.

Г-жа Горнеке (жена директора) правится своею наивною игрою въ комическихъ операхъ, и вмѣсть съ тѣмъ она прекрасная трагическая актриса. Роль Гризельды была торжествомъ ея таланта.

Самъ Г. Горнеке, при отличной игрѣ въ драмѣ, обладаетъ и хорошимъ теноромъ. Свою игрою въ роляхъ Фра-Діаволо и Мазаньело (*въ Фенелль*) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ послѣднемъ актѣ, въ сценѣ съ топоромъ, напоминалъ онъ намъ живо игру Г. Голанда.

Г. Оливье, актеръ, который при своихъ отличныхъ способностяхъ былъ бы едва ли не первымъ изъ всей труппы, если бы поболѣе внималъ въ роль и не надѣялся на суплера.

Прочіе сюжеты труппы: Гг. Мецке, Іостѣ и др., тоже люди не безъ дарования, но особенно замѣчательны между ними Г. Гоппе, какъ отличный комикъ, и Г-жа Мецке, актриса на роли комическихъ старухъ.

Мы забыли Г-жу Бейеръ, которая замѣчательна своею отличною игрою въ роляхъ молоденькихъ дѣвушекъ. Мы называли бы ее вполнѣ прекрасною артисткою, если бы не замѣтили ея старанія нравиться зрителю не одною игрою, но и другими талантами, которые, какъ кажется, сильнѣе въ ней таланта къ драматическому искусству.

Оканчивая нашу статью, приношениемъ истинной благодарности Г. Горнеке, затѣмъ удовольствія, какіе доставилъ онъ намъ своимъ пребываніемъ въ Нарвѣ, вмѣсть съ этимъ надѣемся, что разлука съ нимъ не будетъ продолжительна, и что скоро услышимъ мы опять волшебные звуки голоса М. Бурше, и будемъ восхищаться игрою самого Г. Горнеке.

Ф. Никитинъ.

ПѢВИЦА ГАЛЛЕ.

Заграничные театральные уставы, относящиеся к предупреждению тѣхъ случаевъ, которые могутъ остановить спектакль по капризу или по болѣзни артиста, впадаютъ иногда въ нелѣпость. Доказательствомъ служитъ недавнее происшествіе въ Неаполѣ, на театрѣ Санть-Карло. Дѣвица Галле (Hallez), отличная французская актриса, служащая при этомъ театрѣ, должна была пѣть въ бенефисъ. Охрипнувъ внезапно отъ простуды, она съ утра уведомила объ этомъ директора, отзываясь совершенною невозможностью пѣть. Театральный врачъ немедленно отправился для освидѣтельствования прекрасной пациентки. Послѣ официального визита, учёный Неаполитанецъ написалъ импресарию обстоятельный рапортъ, въ которомъ сказаль, что пѣвица, хотя и не одержима лихорадкою, страдаетъ однакожъ довольно сильною болѣю въ горлѣ. По уставу Неаполитанскихъ театровъ, за исключеніемъ лихорадки, никакая болѣзнь не можетъ удержать актера отъ службы, и въ слѣдствіе такого мудраго устава, дѣвица Галле получила формаланый приказъ явиться въ спектакль.

Въ восемь часовъ вечера, она дѣйствительно явилась, но непрѣбѣжный результатъ тотчасъ же обнаружилъ: пѣвица едва могла кончить первый актъ. Публика разсердилаась, раздались свистки, и волненіе усилилось бы гораздо болѣе, если бы Галле не вышла на аванъ-сцену, и жестами не изъявила желанія объясниться. Въ ту же минуту все замолкло. Трепещущая артистка рассказала зрителямъ, съ несомнѣннымъ выраженіемъ истины, о несогласіяхъ своихъ съ дирекціею, которая заставила ее играть, несмотря на засвидѣтельствованную медикомъ болѣзнь. Объясненіе было принято единодушными браво; неудовольствіе смѣнилось восторгомъ, неистовые крики дождемъ букетовъ; публика потребовала отмѣны представле-

нія. Дѣвица Галле съ торжествомъ вошла въ свою ложу; но черезъ нѣсколько минутъ, явился къ ней полицейскій комиссаръ, украшенный обычною перевязью; жандармъ замѣнилъ прекрасныя рубиновыя браслетки муниципальными цѣпями, хорощенькие перстни веревками общественнаго порядка. Въ театральномъ костюмѣ, молодая артистка была отведена въ полицію, и заперта въ гадную каморку. Подъ столь благотворнымъ покровительствомъ полиціи, несчастная затворница, конечно, могла обратиться къ защитѣ своихъ друзей, или, по крайней мѣрѣ, успокоиться послѣ такого тревожнаго случая?... Ни чутъ не бывало! Ее привязали къ сырой стѣнѣ, наложивъ цѣпи на шею, руки и ноги, и въ этомъ убийственномъ положеніи, бѣдный Парижскій соловушко ожидалъ до явленія Авроры. Наконецъ, въ толь веселый часъ, когда на улицахъ Неаполя начинаютъ дымиться макараны, одна важная придворная особа, узнавъ о вчерашнемъ происшествіи, послѣшила отправиться къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, который и приказалъ освободить артистку. Пора!.... Жестокій лихорадочный ознобъ привель въ такое положеніе бѣдную пѣвицу, что ее отнесли домой полумертвою.

Дѣло не могло кончиться этимъ. Французскій Посланникъ принесъ жалобу на такой безчеловѣчный поступокъ. Директоръ, врачъ и полицейскій комиссаръ арестованы.

ЕЩЕ О ДІОВАЛЕ.

Эллевіу (Elleviou), превосходный актеръ съ продолжительнымъ успѣхомъ игравшій въ Комической Оперѣ, незабыть, что большую частью своихъ успѣховъ былъ обязанъ прекраснымъ сочиненіямъ Александра Дювала. Какъ уроженецъ Бретани, слѣдовательно землякъ покойнаго Дювала, онъ препроводилъ въ общество драматическихъ писателей тысячу франковъ въ число суммы, собираемой на памятникъ заслуженному писателю.

Въ нѣкоторыхъ журналахъ писали о бенефисѣ въ пользу вдовы Дюваль, и говорили будто Г-жа Марсъ выйдетъ на сцену по этому случаю. Одинъ благонамѣренный, но уже слишкомъ услужливый человѣкъ, дѣйствительно, хлопоталъ о бенефисѣ, безъ согласія Г-жи Дюваль. Лишь только что дѣло разнеслось въ публикѣ, вдова почетнаго академика, имѣющая состояніе независимое, а притомъ по характеру своему никогда не думавшая пользоваться памятью супруга, имя котораго носить благородно, написала къ Г-жѣ Марсъ и во Французскую Комедію письмо, гдѣ изъявила свое неудовольствіе на произвольное ходатайство о бенефисѣ.

ПРИХОДЪ АНГЛІЧАНЪ.

Вольдемаръ Зейфартъ разсказываетъ въ своихъ любопытныхъ «Письмахъ изъ Лондона» слѣдующее: «Разъ, утромъ, отправился я въ кассу Дрюриленскаго Театра за билетомъ, для вечера, на переднее мѣсто, въ ложѣ первого яруса. По прибытіи туда, я узналъ, къ большей для меня радости, что подобное мѣсто есть, и, отдавъ семь шиллинговъ, хотѣлъ было взять балетъ, какъ вдругъ кассиръ училиво попросилъ меня доплатить еще одинъ шиллингъ. Я спросилъ, не по случаю ли общаго возвышенія цѣнъ на мѣста требуется такая прибавка, и получилъ въ отвѣтъ, что цѣна на мѣста во все не возвышена, но что осмой шиллингъ принадлежитъ тому, кто будетъ беречь миѣ мѣсто съ той минуты, когда откроютъ театръ и до самаго моего прибытія; это удивило меня, и я сказалъ кассиру, который тогда не былъничѣмъ занятъ, что такое учрежденіе, по моему мнѣнію, совершенно бесполезно, и что въ Германскихъ Театрахъ та же самая цѣль гораздо лучше достигается посредствомъ нумерации на мѣстахъ и билетахъ. На это кассиръ возразилъ миѣ, что Англичане не согласятся брать такихъ билетовъ, которые прошли черезъ нѣсколько рукъ,

тогда какъ нынѣшніе билеты, изъ которыхъ каждый достается только одному покупателю, они очень любятъ. «Вы не повѣрите», присовокупилъ онъ въ заключеніе, какъ отвратительны были для меня въ Германии засаленные театральные билеты!» Какъ ни маловажно было это замѣченіе, я не могъ, однако жъ, возразить на него; мнѣ стало грустно... На меня наводить грусть все, достойное по-рицанія въ Германии.»

ЛИСТЬ ВЪ БЕРЛИНЪ.

Изъ Берлина пишутъ: «Нельзя составить себѣ ни какого понятія о томъ впечатлѣніи, которое производить въ Берлинѣ Листъ. Онъ здѣсь только мѣсяцъ, а играетъ уже въ семнадцатый разъ! Въ каждый концертъ его зала бываетъ совершенно полна. Билеты разбираются заранѣе, на расхватъ. Королю и Королевѣ, несмотря на глубокій трауръ, угодно было слушать его нѣсколько разъ. Теперь у насъ только и разговоръ, что о немъ одномъ. Притомъ имъ много занимаются не въ одномъ только артистическомъ кругу, гдѣ считаютъ его самымъ рѣдкимъ явленіемъ въ художественномъ мірѣ, но и въ высшемъ обществѣ, гдѣ цѣнятъ благородство характера этого виртуоза, оригиналный умъ его и свѣтскость столько же, какъ и самый его гений. Энтузіasmъ студентовъ рѣшительно не имѣеть границъ. Листъ даль для нихъ, въ Университетской Залѣ, концертъ, билетъ на который стоилъ только десять грошей (около 1 р. 20 к. ас.) и сборъ съ котораго былъ отправленъ въ общину Бальдингъ (въ Венгрии), где родился Листъ. Въ этомъ концерте, онъ игралъ въ студенческомъ костюмѣ, и нѣсколько разъ начиналъ говорить съ своими молодыми слушателями. Послѣ концерта, студенты проводили его торжественно до самой его квартиры. Студенты хотѣли было устроить въ честь его *Fackelzug* (шествіе съ факелами), но должны были отказаться отъ

этого памѣренія, потому что, по нашимъ обыкновеніямъ, подобныя почести можно оказывать однимъ только царственнымъ особамъ.»

ПОСЛѢДНІЙ БЕНЕФИСЪ Г-ЖИ ВЕЙСЕН-ТУРНЪ.

Г-жа фонъ-Вейсентурнъ, тридцать пять лѣтъ подвизавшаяся съ честію на драматическомъ поприщѣ, изъявила недавно желаніе оставить сцену навсегда. Дирекція Вѣнскаго Театра *nachst der Burg*, при которомъ состояла Г-жа фонъ-Вейсентурнъ, согласилась на желаніе ея, предоставивъ въ ея пользу прощальный спектакль.

Въ прощальный бенефисъ я были даны, въ первый разъ: *Die stille Braut*, «Альпійское преданіе» (*eine Alpensage*), въ одномъ дѣйствіи и *Sie hilft sich selbst*, комедія въ четырехъ дѣйств., соч. самой бенефиціантки. Г-жа фонъ-Вейсентурнъ, занимавшая роль Г-жи Велленбергъ, въ комедіи *Sie hilft sich selbst*, и исполнившая эту роль съ рѣдкимъ одушевленіемъ, съ рѣдкимъ достоинствомъ, появилась тогда въ послѣдний разъ на сценѣ. Она оставляетъ театръ, прослуживъ ему 52 года, какъ писательница и какъ артистка. Много услугъ оказала она Германскому Театру! Она писала для театра въ то время, когда писали для него же Коцебу, Ифландъ и Шредеръ, и не только пользовалась любовью Германской публики, но сумѣла стать на ряду съ этими даровитыми писателями. Въ нынѣшний бенефисъ Г-жи фонъ-Вейсентурнъ Вѣнская публика простила съ нею съ чувствомъ жицѣйшаго сожалѣнія; Г-жу фонъ Вейсентурнъ вызывали безпрестанно, какъ будто бы публика не могла насмотрѣться на свою любимицу. Прощальная рѣчь, въ которой Г-жа фонъ Вейсентурнъ представила публикѣ очеркъ своей долгой артистической жизни, пронула всѣхъ и была принята со всеобщимъ одобрениемъ.

ПОЗАВИДУЕМЪ ВѢНЬ!

Изъ Вѣны пишутъ слѣдующее: «Въ стѣнахъ нашего города находится теперь

Графиня Rossi (урожденная Зонтагъ). Высшее дворянство наше оказываетъ ей величайшее уваженіе. На утреннемъ собраниі, которое было у неї недавно, присутствовали всѣ наши знаменитѣйшія фамиліи. Графиня пѣла въ нашемъ высшемъ кругу и произвела тотъ же восторгъ, какой всегда производила она въ Европѣ.»

МЕЛОЧИ.

Одинъ музыкантъ сказалъ разъ своему молодому собрату по музикѣ, который собирался писать оперу: «Всего болѣе старайтесь быть оригинальными и придумать что нибудь новое; напримѣръ, начните вашу оперу слѣдующимъ образомъ: увертюра кончилась, завѣса взвилась. Разсвѣтъ. Театръ представляетъ сельскій видъ, но на сценѣ нѣтъ никого, на сценѣ все тихо, совершило тихо, только слышно издали, какъ выколачиваютъ фракъ.»

— Одинъ актеръ, получившій отъ дирекціи М....го Театра дозволеніе сыграть на немъ три гостиныхъ роли, былъ жестоко освистанъ въ первой изъ этихъ ролей. По этому случаю, директоръ М....го Театра потребовалъ, чтобы онъ не игралъ болѣе, но артистъ гневно возразилъ директору: «какъ, вы хотите играть мою честію? Да знаете ли вы, что мнѣ свистали въ N...., въ каждой роли, а я все таки не переставалъ играть.... не переставалъ, покамѣстъ не сыгралъ тамъ всѣхъ моихъ гостиныхъ ролей. Для меня, сударь, честь моя священна!»

— Теперь, кажется, можно утверждительно сказать, что бюстъ Александра Дювала будетъ поставленъ въ фойе Французскаго Театра.

— Въ одной Нѣмецкой газетѣ находится слѣдующее извѣстіе: «Новая комедія Гуцкова называется: *Die stille Familie*. Всѣ тѣ, которымъ читалъ онъ эту піесу въ рукописи, хвалять въ ней обработку характеровъ, языкъ и основную мысль. Она состоитъ изъ пяти дѣйствій. Впро-

чемъ, на сцену отдать онъ ее, вѣроятно, не прежде, какъ будущую зимою.» Кстати о Гуцковѣ: слышно, что онъ предпринимаетъ большое путешествіе и намѣревается пробыть долгое время въ Парижѣ, дабы подробно изучить тамошніе театры.

— Принятіе Обера въ званіе Директора Консерваторіи, происходило въ началѣ минувшаго мѣсяца, въ присутствіи всѣхъ Профессоровъ. Герцогъ Коаны (Coigny) произнесъ по этому случаю, рѣчь, исполненную приличія и вкуса. Оберъ отвѣталъ простою фразою, выражавшую чувство скромности.

— Въ *Morning-Herald* пишутъ, что Принцъ Альбертъ обладаетъ замѣчательнымъ музыкальномъ талантомъ. Онъ прекрасно играетъ на скрипкѣ, на фортепіанѣ, на органѣ, и отлично знаетъ науку гармоніи. Партитуры его отличаются рѣдкими красотами.

— Дюпоншель, бывшій архитекторомъ Ротшильда, гардеробмейстеромъ Оперы при Веронѣ, потомъ директоромъ этого театра, бросился въ новую спекуляцію: его соблазнили лавры знаменитаго Жосса, и онъ занимается теперь золотыхъ дѣлъ мастерствомъ!

— Въ *Allgemeine Theater-Chronik* напечатано: «Однажды молодой чудовѣкъ, желавшій посвятить себя драматическому искусству, явился къ одному бывшему актеру съ просьбою, чтобы артистъ этотъ ссудилъ его, на нѣсколько дней, костюмъ, для образца при заказѣ подобнаго же костюма. Просьба эта была исполнена. Спустя недѣлю потому, молодой чудовѣкъ отправился къ одной небольшой труппѣ, а вмѣстѣ съ нимъ отправился, вѣроятно по привязанности къ сценѣ, и взятый костюмъ.

Объявляющій объ этомъ покорно просить новаго любимца драматической музы, въ талантѣ котораго теперь уже нѣтъ сомнѣнія, не оставить возвратить увѣзенный имъ костюмъ. Если жъ костюмъ этотъ рѣ-

шительно не можетъ разстаться съ сценой, или, если похититель вступилъ съ нимъ въ неразрывный союзъ, то объявляющій торжественно отказывается отъ своего костюма въ пользу похитителя, дабы, какъ похититель, такъ и похищенный могли, съ спокойною совѣстю, играть на театрѣ.

«Тотъ, кому надобно знать, знаетъ кто я.»

НЕКРОЛОГЪ.

КЕНЬЕ (CAIGNEZ).

Луи-Шарль Кенье родился въ Аррасѣ 28-го Апрѣля 1762 года. Родители его, люди достаточные, отдали сына сначала въ Арасское училище, а потомъ, для изученія правъ, въ Дуэское (Douai), откуда Кенье поступилъ въ совѣтъ д'Артуа.

Въ 1798-мъ году, Кенье пріѣхалъ въ Парижъ, и черезъ годъ отдалъ на театръ небольшую комедію, подъ названіемъ: *Обѣдъ Горбуновъ* (Diner des Bossus). Съ того времени, онъ написалъ множество мелодрамъ, изъ которыхъ наибольшая часть были увѣличаны огромнымъ успѣхомъ. Кенье былъ опаснымъ соперникомъ Гильбера Пиксерика, прозванного царемъ мелодрамы. Современники называли Кенье Расиномъ. Къ сожалѣнію, новый Расинъ избралъ себѣ родъ неестественный, скоропреходящій, тогда какъ имѣлъ средства упрочить свою литературную знаменитость: комедія *Внутренний* (Volage) служить тому доказательствомъ.

Вотъ списокъ пьесъ, сочиненныхъ Кенье.

Одеонъ. — *Внутренникъ* или *Трудный Бракъ*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 24-го Сентября 1807 года. — *Воспоминаніе первой любви*, комедія въ одномъ дѣйствіи, представлена 26-го Октября 1807 года, и повторенная на театрѣ *Ambigu* 5-го Декабря 1822 года. — *Ошибка Дилижансовъ*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 16-го Марта 1819 года. — *Дѣло Аннеты*, комедія въ

одномъ дѣйствіи, представленная 16-го Іюля 1825 года; не напечатана. — *Племянница и Воспитанница*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 6-го Ноября 1826 года, съ Бильдербекомъ; не напечатана.

Porte St. Martin. — *Сорока Воровка или Служанка изъ Палесо*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 29-го Апрѣля 1815 года, съ Бадуэнемъ, по прозванию д'Обиньи. — *Вороны обвинители, или Серкотскій Лѣсъ*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 17-го Декабря 1816 года, съ Серваномъ. — *Азандай, или Лишнее и Необходимое*, комическая мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 6-го Августа 1818 года. — *Маленькая Американка*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 16-го Сентября 1820 года; не напечатана. — *Мандаринг Гонгъ-Пурфъ, или Гороскопъ*, комедія, представлена 5-го Мая 1821 года, съ Бальдербекомъ.

Gdilé. — *Обѣдь Горбуновъ*, комедія въ одномъ дѣйствіи, представлена 23 Іюля 1799 года; не напечатана. — *Очарованный Лѣсъ, или Спящая красавица*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 14-го Мая 1800 года. — *Андроклъ, или Приятельный Левъ*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена въ 1804 году, съ Деботьеромъ. — *Торжество Давида, или Сауль и Давидъ*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена въ 1805 году. — *Дочь Пріемыша, или Дѣвъ Матери*, мелодрама въ четырехъ дѣйствіяхъ, представлена 3-го Мая 1810 года. — *Скитающійся Жидъ*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 7-го Января 1812 года. — *Живая Покойница, или Новая Жюльетта*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 19-го Іюня 1813 года. — *Бѣдная Сирота*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 6-го Ноября 1823 года, съ Паккаромъ; не напечатана.

Ambigu. — *Черная Кошка*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ; не напечатана.

— *Нуржахадъ и Шередина*, мелодрама въ четырехъ дѣйствіяхъ, представлена въ 1801 году. — *Судь Саломоновъ*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 18-го Января 1802 года. — *Влюбленные на станціи, или Минимал Волшебница*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена въ 1804 году. — *Ричарде и Брадоманта*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена въ 1805 году. — *Пустынникъ Горы Позилльской*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена въ 1805 году. — *Германштадтскій Лѣсъ, или Ложная Супруга*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 4 Декабря 1805 года. — *Знаменитый Слаппецъ*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 13-го Октября 1806 года. — *Минимал Алексисъ, или Бракъ изъ Мишенія*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 8-го Мая 1807 года. — *Мачиха, или Дѣвъ Сироты*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 10-го Ноября 1808 года, съ Фонтели. — *Дѣти Дровоспѣка*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 24-го Января 1809 года, съ Лемеромъ. — *Генріетта и Адемаръ, или Сраженіе при Фонтенуа*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 29-го Сентября 1810 года, съ Бернгардомъ. — *Жанъ де Кале*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 4-го Января 1810 года. — *Эдгаръ, или Охота на Волковъ*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 17-го Декабря 1811 года. — *Сумасшедшая изъ Вольфенштейна*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 6-го Января 1813 года. — *Дитя Любви*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 25-го Сентября 1813 года. — *Филиппъ-Августъ при Бувенѣ, или Французская храбрость*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 16-го Февраля 1814 года; не напечатана. — *Дитя черезъ окно*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ представлена 9-го Ноября 1814 года. — *Дочь Природы или Луиза и Вальборнъ*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, пред-

ставлена въ 1815 году.— *Обманъ и Правда*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 9-го Мая 1816 года, съ Бильдербекомъ.— *Цыганка*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 7-го Ноября 1816 года.— *Андрей, или Лысной Домъ*, комедія въ одномъ дѣйствіи, представлена 27-го Октября 1821 года. *Честь и Соблазнъ*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 28 Сентября 1822 года, съ Бриссе.

Циркъ.— *Уголино, или Башня Голода*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, представлена 14-го Декабря 1820 года, съ Вильерсомъ.

Драматическая Панорама. — Розальба д'Арандесъ, мелодрама въ трехъ дѣй-

ствіяхъ, представлена 24-го Ноября 1821 года, съ Вильерсомъ.

Кромѣ сихъ сорока трехъ піесъ, Кенье написалъ еще, вмѣстѣ съ Бертенемъ, опера *Идоменей*, данную въ 1823 году, а въ 1839 году, театръ *Variétés* принялъ отъ него также новую піесу. Неизвѣстно, почему до сихъ поръ она не была представлена.

Кенье умеръ въ бѣдности 20-го Февраля 1842 года, имѣя около 80 лѣтъ отъ рода.

— Въ Лондонѣ умеръ владѣлецъ Геймаркетскаго Театра, Д. К. Моррисъ (Morris).

— Бывшій инспекторъ танцевъ въ театрѣ Большой Оперы въ Парижѣ, Лебель, умеръ на 81 году отъ рожденія.

IV. ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТИЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

ТЕАТРЪ ВЪ РИГЪ.

Изъ Риги, отъ 13-го Февраля, пишутъ слѣдующее: «Театръ нашъ заключилъ свой старый годъ и началъ новый большими маскарадомъ». Танцы на этомъ маскарадѣ и маскарадныя шутки (*Maskenscherze*) были аранжированы нашимъ балетмейстеромъ Ратгеберомъ; и тѣ и другія очень понравились публикѣ, но особенное вниманіе обратилъ на себя *танецъ съ шаллами*, весьма удачно придуманный. 1-го Января было представлено у насъ *Das Abenteuer in der Neujahrsnacht*, съ повтореніемъ упомянутыхъ танцевъ. Они были приняты еще благосклоннѣе, чѣмъ въ первый разъ, и восхищенная публика вызвала послѣ втораго дѣйствія директора Гофмана и балетмейстера Ратгебера. Къ сожалѣнію, Г. Ратгеберъ оставляетъ насъ: онъ намѣренъ совершить артистическое путешествіе по Германіи и потомъ отправиться въ Парижъ. Мы увѣрены, что его примутъ благосклонно всюду, гдѣ вздумаетъ онъ познакомить публику съ своимъ прекраснымъ талантомъ. 10-го Января былъ представленъ въ первый разъ (въ бенефисъ Г. Брейера) *Bruder Kain*. Пьеса эта понравилась и бенефиціантъ, который превосходно сыгралъ роль Олафа, былъ, по окончаніи спектакля, вызванъ. Къ сожалѣнію, пьеса

эта, по случаю болезни Г-жи Брёге, занимавшей роль Браунгильды, не могла быть повторена донынѣ. Января 17-го, въ бенефисъ режиссера Гюнтера, была играна опера *Фаустъ*. Г. Гофманъ (*Фаустъ*) и бенефиціантъ (*Мефистофель*) были вызваны. Какая то Г-жа Мюллеръ, прибывшая, будто бы, изъ Петербурга, дебютировала у насъ въ піесахъ *die Gefährliche Tante*, *die Schule des Lebens* и въ Преціозъ, но не имѣла успѣха, а потому и не было заключено съ нею контракта. Января 27-го появился на нашей сценѣ, въ первый разъ, Г. Брейтингъ. Онъ пѣлъ партию Элеазара въ *Жидовкѣ*, и былъ вызванъ три раза. Для его втораго гостиаго представлениѧ, долженствовалъ итии *Робертъ*, но вместо него, по случаю внезапной болезни Г-жи Келерь, былъ данъ *Фра-Діаволо*. По окончаніи спектакля, знаменитый гость и Г-жа Гофманъ, которая мастерски исполнила роль Церлины, были вызваны. Г. Брейтинга мы увидимъ вскорѣ въ роляхъ Роберта и Мазапіелло. Сегодня, въ бенефисъ режиссера Омана, будетъ представленъ *das Kamäleon*, піеса, въ которой этотъ достойный и уважаемый сценический ветеранъ нашъ, за сорокъ лѣтъ предъ симъ, въ первый разъ появился на здѣшней сценѣ. Это обстоятельство придаетъ бе-

нефису его особенную занимательность; нынешний бенефисъ Г. Омана можно счесть юбилеемъ этого артиста.»

ПАРИЖСКИЕ ТЕАТРЫ.

Въ продолжение прошлого Февраля, на Парижскихъ Театрахъ было представлено 29 новыхъ пьесъ (41 автора) и 12 возобновлено. Дебютовъ было три. Въ Циркѣ и на театрахъ Большой Оперы, Бодриль и С. Мартенскомъ новыхъ пьесъ играно не было. Театры Сентъ-Антуанскій и Сенъ-Марсельскій были закрыты. Авторовъ новыхъ явилось 3: Марн Лифонъ, Чинскій (Czinski) и Поль Верн.

Théâtre Français. *Lorenzino*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. Александра Дюма.— Александръ Дюма, глава романнической школы, овладѣвшей въ 1830 году Французскою Литературою, подобно всемъ романтикамъ замѣтивъ во времена, что публикѣ надобѣаютъ непстовыя драмы, принялъ за комедіи и драмы съ изображеніемъ правовъ прошедшаго вѣка. Послѣдняя драма его въ этомъ родѣ: *Свадьба при Лудовикѣ XV*, напечатанная въ нынѣшней книжкѣ нашего изданія. Вспомнивъ, однако же, прошедшія времена, онъ вздумалъ испытать свои силы вновь въ страшномъ родѣ, прославившимъ его имя, и нынѣ отдалъ на сцену драму *Лорензино*, исполненную страха и ужасающихъ подробностей.— При поднятіи завѣсы видимъ Флорентинскую Площадь; въ глубинѣ сцены монастырь, и у дверей изображеніе мадонны, передъ которой теплится свѣчи; на лѣво, стѣна, къ которой прицеплена веревочная лестница; на стѣнѣ двое замаскированныхъ мужчинъ — это стражи Герцога Александра Медичи, находящагося тутъ на любовномъ свиданіи, въ сопровожденіи любимица своего, Лорензино, о которомъ они разсуждаютъ довольно странно, и не очень благопріятно для него. Между тѣмъ слышно, что за кулисами дерутся на шпагахъ: на Герцога нападаютъ братъ и мужъ любовницы.

Онъ убиваетъ одного, ранить другаго. Изъ монастыря выходитъ погребальное шествіе; хоронятъ девушку, которая умерла отъ стыда и горя: Герцогъ приказалъ ее увезти, и посреди оргіи отдалъ на поруганіе. Эта девушка была невѣстою Микеле, Герцогскаго шута, поклявшагося отмстить за то Герцогу.

Лорензино, живя во времена Медичей, занимается словесностію, и написалъ трагедію *Брутъ*. Микеле предлагаетъ ему принять роль Брута, и представляя для образца нѣсколько сценъ своей роли, направляетъ книжалъ на Лорензино. Лорензино въ мигъ обезоруживаетъ врага, и готовится убить его, но узнавъ о ненависти Микеле къ Герцогу, дарить ему жизнь съ тѣмъ, чтобы Микеле вполнѣ предался ему, и вотъ они вмѣстѣ дѣйствуютъ противъ Герцога. Въ драмѣ, кромѣ того, обрисовываются лица Луизы, певѣсты Лорензино, Строцци, ея отца, также врага Герцога, и монаха Леонардо. Дѣйствіе представляеть множество сильныхъ положений, быстро стремится къ развязкѣ, и Лорензино достигаетъ своей цѣли, т. е. при немъ Микеле умерщвляетъ Герцога, въ той самой комнатѣ, въ которой была обезещена невѣста шута. — Вообще, подлѣ возвышенныхъ мыслей и эффектныхъ сценъ, въ пѣсѣ этой встрѣчаются самые избитыя положенія и непростительныя подражанія. Основная мысль драмы совершенно неправдоподобна. Характеръ Лорензино, впрочемъ, очерченъ мастерски.

Second Théâtre Français. *Cédric le Norvégien*, героическая драма въ пяти дѣйствіяхъ. Дѣйствіе происходитъ въ осьмомъ вѣкѣ. Гарольдъ, Король Норвежскій, убитъ Абелемъ, Королемъ Датскимъ, передавшимъ престолъ сыну своему Тореру. Отъ Гарольда остался сынъ; по претендентъ этотъ, подъ именемъ Цедрика, находится въ рабствѣ у Торера. Между тѣмъ, открываютъ заговоръ, и Тореръ, чтобы избѣжать убийства, сажаетъ

на престолъ Цедрика, въ своемъ одѣяніи и латахъ. Въ царскомъ облаченіи, Цедрикъ болѣе не хочетъ сложить съ себя этого сана, заковываетъ Торера въ цѣпь, и превращаетъ его въ раба. Мало этого: тутъ дѣло идетъ не только о престолѣ, но и о любви: оба они влюблены въ прелестную Суавиту, дочь отъявленнаго республиканца. Составляется новый заговоръ, въ главѣ котораго отецъ Суавиты, Бергторъ. Въ минуту, когда заговорщики проникаютъ во дворецъ Цедрика, Король за-кальвается самъ, а Тореръ падаетъ отъ руки убийцы. Бергторъ радуется освобожденію Норвегіи. По этимъ даннымъ, авторъ драмы развилъ дѣйствіе, изобилующее разными политическими и философскими идеями.

Théâtre du Vaudeville. Les Mémoires du diable. Не смотря на заглавіе, припоминающее извѣстную книгу Фредерика Сулье, въ этой пьесѣ ничего не заимствовано оттуда, и она совершенно оригинална. Чортъ въ ней представленъ любезнымъ, молодымъ, свѣтскимъ человѣкомъ, но, подобно Мефистофелю, онъ знаетъ про все и особенно про всѣ любовныя похожденія, пишетъ свои записки и отдаетъ ихъ какой-то баронессѣ, у которой прехорошенькая дочь и процессъ, послѣ смерти мужа, съ родственниками, оспаривающими у нее наследство, потому что затерянъ свадебный контрактъ. Но мнимый чортъ — просто писецъ нотариуса, отдающій баронессѣ, вместо записокъ, всѣ бумаги, нужные для выигрыша ея процеса. Разумѣется, что дѣло кончается свадьбою. Успѣхъ.

Théâtre du Palais-Royal. Mon Parrain de Pontoise. Г. Бенуа, почтенный и мирный Парижскій гражданинъ, находится подъ строгимъ надзоромъ ключницы своей, Дусе. У него, сверхъ того, молодая крестница, отецъ которой оказалъ ему значительныя услуги и умеръ года три тому назадъ. Крестница эта приходитъ къ нему просить убѣжища въ несчастіи.

Дусе въ бѣшенствѣ отъ этого, и всѣми силами старается выжить дѣвушку, но ея происки обнаруживаются, и все кончается благополучно, т. е. крестница выходитъ замужъ за какого-то дурачка, котораго она любить, ключницу выгоняютъ, и завѣса опускается при рукоплесканіяхъ публики.

Totz же театръ. Les circonstances attenantes. Эти облегчительныя обстоятельства относятся не къ какому нибудь преступленію, а просто къ любовнику, который, чтобы жениться на возлюбленной своей, крадеть у нея триста тысячъ франковъ банковыми билетами, и тѣмъ принуждаетъ соперника своего отказаться отъ ея руки, а самъ женится на сиротѣ, лишившшейся, будто бы, всего своего имущества.

Totz же театръ. Le pays de Cocagne. Страна веселія, радости, наслажденій — помышляется, по мнѣнию авторовъ этого водевиля, въ Китаѣ. Люсетта, хорошенъкая дѣвушка, чтобы не выйти замужъ за старика Трюфальдена, своего опекуна, бѣжитъ изъ Парижа съ любовникомъ своимъ Родомонтомъ и кузеномъ Коксигрю, и, чтобы миновать таможню, Родомонтъ влезаетъ въ бочку съ виномъ, дѣвушка въ ящикѣ съ сушенymi фруктами, а Коксигрю въ чемоданѣ. Этихъ путешественниковъ заносить бурею въ страну веселія, въ *pays de Cocagne*, где ихъ угождаютъ всѣми наслажденіями, а публику самыми уморительными фарсами, оканчивающимися свадьбою Люсетты и Родомонта и общимъ галопомъ.

Théâtre des Variétés. Quand on n'a rien à faire. Добрый купецъ живетъ себѣ съ женою, которая ведеть весь домъ; ему дѣлать совершенно нечего, но онъ все-таки жалуется, что заваленъ дѣломъ, и покидаетъ дѣла, разбогатѣвъ отъ торговли. Съ той поры на него налагаются тысячу разныхъ повинностей, комиссіи жены, дочери, пріятелей. Жена его, занимавшаяся прежде цѣлый день счетами и

продажею, не имѣла времени на постороннія дѣла; теперь же она скучаетъ, отъ скучи мечтаетъ и мечтаетъ о молодомъ человѣкѣ!..... Вотъ основная идея піески, понравившейся публикѣ.

Théâtre des Folies-Dramatiques. Les noces de Jocrisse. Уже пятьдесятъ лѣтъ сра-
ду на Французской сценѣ является Жокрисъ подъ всѣми возможными видами. Вотъ нынѣ появляется это лицо жена-
тымъ. Послѣ безчисленныхъ промаховъ и
глупостей, у него даже уводятъ жену,
въ самый день свадьбы; но Жокрисъ тутъ показывается не совсѣмъ таки глу-
пымъ, и послѣдно женится на другой
дѣвушкѣ. Піеса вообще смѣшила, и безъ
большихъ претензій.

Théâtre des Déclassements Comiques. Un Secret de femme. Сюжетъ этой піески могъ бы послужить большой мелодрамѣ въ
шесть или двѣнадцать картинъ. — Ге-
роиня, Г-жа де Вальсе, женщина лѣтъ
подъ сорокъ, и не смотря на то, окру-
женная взыхателями, считаетъ между
ними молодаго Артура, словамъ котораго
она не вѣритъ, хотя повидимому нерав-
нодушна къ нему, потому что Артуръ ея
сынъ. Артуръ, едва не дравшійся на
дущи за Г-жу де Вальсе, обращаетъ вздо-
хи къ хорошенъкѣ Валантинѣ; но — дру-
гая бѣда — ему объявляютъ, что Валан-
тина его сестра! По счастію это было лишь
ложное извѣстіе, и онъ женится на Ва-
лантина. Піеса эта перепутана множе-
ствомъ самыхъ комическихъ сценъ, и
имѣла успѣхъ.

— Дирекція Театра Большой Оперы
поручила Германскому композитору Мен-
дельсону написать музыку для большой
оперы. Можно надѣяться, что Мендель-
сонъ, пользуясь уже весьма большою
извѣстностью въ Германии, напишетъ, по
случаю этого порученія, произведение за-
мѣчательное.

— Дѣла Парижскаго Театра Одеонъ, ко-
торый, въ прошломъ году такъ хорошо
устроился во всѣхъ отношеніяхъ, съ тѣмъ,

чтобы содѣйствовать «Французскому Теа-
тру», въ его классической дѣятельности,
идутъ очень плохо. Въ продолженіе все-
го прошлаго Января, въ кассу Одеона по-
ступило только 12,000 франковъ. Причи-
ною этого упадка нѣкоторыя Французскія
газеты почитаютъ то, что дирекція Одео-
на безпрестанно становитъ на сцену по-
средственныя и даже плохія драмы и ко-
меди въ стихахъ.

— Любимѣшій теноръ во Франціи,
Дюпре, собираясь играть послѣ Пасхи
гостиныя роли на Дрюриленскомъ Теа-
трѣ, неутомимо занимается теперь изуче-
ніемъ Англійскаго языка. Онъ уже заклю-
чилъ условіе съ директоромъ этого театра.

— Въ Парижѣ, цензура запретила не-
давно піесу Гг. Арвера и Даврекура,
Les Commettans, уже принятую дирекцію
театра Гимназіи. Донынѣ, изъ числа
піесъ, принятыхъ этою дирекцію, еще
не было запрещено ни одной.

— Рашель собираетсяѣхать въ Гагу съ
тѣмъ, чтобы, сыгравъ тамъ, въ началѣ
Апрѣля, нѣсколько гостиныхъ ролей, от-
правиться потомъ въ Лондонъ.

— Г-жа Женни Оливье, находившаяся
въ числѣ артистокъ театра Комической
Оперы, и бывшая также на Петербург-
ской сценѣ, вышла недавно (въ Ливор-
нѣ) замужъ за Барона Монтебелло.

— Галеви пишетъ музыку для новой
оперы, текстъ которой сочиненъ Казимі-
ромъ и Жерменомъ Делавинями.

— Съ нынѣшнаго мѣсяца, бывшій ак-
теръ Театра Гимназіи, Поль, принимаетъ
на себя управление Бельвильскимъ Те-
атромъ.

— Директоръ Ліонскихъ Театровъ, А-
дамъ Киселевскій (Kisielewski), обанкроти-
лся. Дефицитъ его простирается, какъ
слышно, до 227,000 франковъ.

— Теперь уже достовѣрно извѣстно,
что въ Лондонѣ, въ продолженіе весен-
няго сезона нынѣшняго года, будетъ иг-

ратъ Нѣмецкая оперная труппа, находящаяся подъ управлениемъ Г. Шумана. Г. Шуманъ уже ваняль на этотъ сезонъ Ковентгарденскій Театръ, и предположилъ дать первое представление 2-го Мая. Изъ числа замѣчательнѣйшихъ Германскихъ артистовъ, въ Лондонъ отправятся Штаудигль, Эрль, Г-жа Гассельть и Шодель. Оркестромъ труппы Г. Шумана будетъ дирижировать знаменитый Листъ. Слышно, что Г. Шуманъ затѣваетъ завести и въ Парижъ Нѣмецкий лирическій театръ.

— Директоръ Лондонскаго Италіянскаго Театра ангажировалъ въ свою труппу, на будущій весенний сезонъ, знаменитаго тенора, Антоніо Поджи и жену его, бывшую Фрециолини. Поджи и жена его получатъ за двадцать представлений 95,000 франковъ, сверхъ того, за уничтоженіе прежняго договора Поджи съ Италійскимъ импресаріо Ланари, директоръ обязался уплатить этому импресаріо 10,000 франковъ. Поджи, который изъ всѣхъ нынѣшихъ пѣцовъ одинъ только можетъ достойно занять мѣсто Рубини, ждутъ въ Лондонъ съ живѣйшимъ интересѣніемъ. Для дебютовъ его въ этомъ городѣ предназначены *il Bravo*, Мераданте, и *Beatrice di Tenda*, Беллини.

— На Геймаркетскомъ Театрѣ недавно была представлена опера Генделя: *Acis and Galatea*. Публика Лондонская признала ее чрезвычайно благосклонно, хотя музыка этой оперы написана совершенно не въ нынѣшнемъ вкусѣ. Впрочемъ, успѣху ея много содѣствовали декорации и машины, о которыхъ Лондонскія газеты отзываются съ величайшою похвалою. Изъ числа декораций особенно замѣчательны пещера Полифема и видъ Этны. Для первой служили образцами картины Пуссена и Каравчи, а вторая списана прямо съ натуры. Море въ этой пѣсѣ такъ хорошо, такъ натурально, что Англичане, при видѣ его, пришли въ удивленіе: при видѣ его, восторгъ ихъ проявился такъ

шумно, что представление было прервано на некоторое время. Всльдь за этимъ перерывомъ, вышелъ на сцену директоръ Геймаркетскаго Театра, Макреди, и объявилъ, что *Acis and Galatea*, впредь до новаго распоряженія, будетъ даваться по четыре раза въ недѣлю.

— Фанни Черито заключила съ преемникомъ Лапорта, импресаріо Лумлеемъ, новое условіе, и вскорѣ отправляется въ Лондонъ, къ будущему весеннему сезону.

— На Ковентгарденскомъ Театрѣ была играна, но большаго успѣха не имѣла, новая комедія Бурсико (*Boucicaults*), подъ названіемъ *The Irish Heires* (Ирландская наследница).

Въ Берлинѣ имѣла блестящій успѣхъ драма *Juan Maiquer*, соч. известнаго Нѣмецкаго польствчика Генриха Шмидта. Нѣмецкія газеты замѣ чаютъ, что піеса эта отличается интересомъ дѣйствія и прекраснымъ языкомъ.

— Главное Управление Берлинскими Театрами, сообразуясь съ желаніемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, касательно исполненія древнихъ образцовыхъ произведеній на театрѣ Большой Оперы, внесло въ свой репертуаръ шесть слѣдующихъ оперъ: *Арминий*, Гассе; *Арсану*, Генделя; *Прозерпину* и *Альцесту*, Молли; *Кайл Марія*, Жомелли, и *Вторную Принцессу*, Скарлотта.

— Въ Апрѣль нынѣшняго года, будутъ представлены въ Берлинѣ *Гугеноты*, Мейербера, подъ собственнымъ надзоромъ этого композитора. По этому случаю ангажирована въ Берлинѣ, на двѣнадцать гостиныхъ ролей, Г-жа Шредер-Деврентъ.

— Въ Берлинѣ, на Кенигштедтскомъ Театрѣ, разучена новая піеса, подъ названіемъ: *Drei Berliner in Wien*, слова Тенфера, музыка Куглера. Слышно, что она чрезвычайно забавна.

— На Нѣмецкихъ театрахъ имѣютъ теперь блестящій успѣхъ три благососпи-

танные сына: *Сынъ волнъ* (*Der Sohn der Wellen*), драма Бермана; *Сынъ пустыни* (*Der Sohn der Wildniss*), драма Гальма, и *Путешествующий сынъ* (*Der Sohn auf Reisen*), комедия Фельдмана.

— Изъ послѣднихъ заграничныхъ извѣстій видно, что Вильгельмъ Кунстъ игралъ недавно гостиную роль въ Хемницѣ. Первою ролью его была тамъ роль Отто фонъ Виттельсбаха. Хемницкая публика въ восторгѣ отъ Г. Кунста.

— Въ Лейпцигѣ играна была, съ большимъ успѣхомъ, новая трагедія: *Monal deschi, oder die Abenteuerer*, соч. Генриха Лаубе. Пиеса эта имѣла также большой успѣхъ въ Штутгартѣ.

— Капельмейстеръ Фридрихъ Мюллеръ, ангажированный въ Линцѣ, пишетъ большую оперу, подъ названіемъ *Fiesco*.

— Въ Мюнхенѣ была играна, съ большимъ успѣхомъ, *Mädl aus der Vorstadt*, Нестроя. Пиеса эта чрезвычайно правитъся во всей Германии.

— Въ Гамбургѣ дана была съ большимъ успѣхомъ новая пиеса Генриха Шмидта, подъ названіемъ *Купецъ и Мореплаватель*. Пиеса эта особенно отличается превосходною обработкою характеровъ. Слышно также, что ее дадутъ въ Берлинѣ и Дрезденѣ.

— Не одна только Франція, замѣчаетъ *Münchener Tagblatt*, поставила теперь свою армію на мирную ногу; Аугсбургскій Театръ сдѣлалъ то же самое: во время послѣдняго представленія на немъ Орлеанской Дѣви, Шиллера, всѣ воинскія силы состояли только изъ четырехъ человѣкъ.

— Г-жа Бирхъ-Пфейферъ написала недавно мелодраму, подъ названіемъ: *Stef sen Langer, oder der Holländische Kämmin*.

— *Свадьба Фигаро*, Моцарта, была недавно разучена вновь и, съ большимъ успѣхомъ представлена въ Мюнхенѣ. Возобновленіе этой превосходной оперы много обрадовало тамошнихъ меломановъ.

— На Леопольдштадскомъ Театрѣ дана

была, въ первый разъ, «волшебная пѣса», подъ названіемъ *die Zwiebelwurzel*. Она не имѣла успѣха.

— Кстати о Вѣнѣ: тамъ была играна недавно, въ первый разъ: *die reiche Bäckerfamilie, oder Liebesbrief und Wechselbrief*, «комико-характеристическая картина», соч. Фридриха Кейзера. Нѣмецкія газеты хвалятъ эту піесу.

— Въ Римѣ играна новая опера, подъ названіемъ *Bianca Capello*. Опера эта — первое произведеніе молодаго композитора, Буци. Она поправилась и, вѣроятно, вскорѣ сдѣлается одною изъ любимѣйшихъ оперъ въ Италии. Слышно, впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ сценахъ ея слишкомъ преобладаетъ роговая музыка.

— Теноръ А. Деваль, который поетъ теперь на театрѣ Фениче, въ Венеціи, ангажированъ дирекціею театра Скала, на предстоящій весенний сезонъ, въ качествѣ первого пѣвца; ему предназначается лучшая роль въ оперѣ, которую пишетъ теперь Донидзетти, для послѣдняго изъ упомянутыхъ театровъ.

— Въ Болоніи былъ исполненъ тамошними лучшими дилеттантами, подъ надзоромъ Россини, его знаменитый *Stabat*.

— Въ Пармѣ имѣлъ блистательный успѣхъ балетъ Серафини, *Raoul de Crequi*. Содержаніе этого балета заимствовано изъ Французской Исторіи.

— Въ Миланѣ монтируется новый балетъ: *L'Issipile*, соч. Гальцерани.

— Изъ Флоренціи пишуть, что Г-жа Шоберлехнеръ далъ Окка производить тамъ *furore*: Въ бенефисъ ея, для котораго избрала она *Роберта*, послѣднее дѣйствіе *Giuramento* и большую арію изъ *Belisario*, восторгъ публики былъ неописанный.

— Въ Веронѣ припять съ величайшимъ одобрениемъ балетъ Гуса, *Мерона*.

— Въ Миланѣ была играна новая опера, подъ названіемъ *Odalisa*, соч. Нини. Успѣха она не имѣла.

— Зима вышняя была такъ сурова на
Кн. VI. — 7

югъ Европы, что отъ нея пришлось плохо даже Барселонскому Театру. Вотъ что объ этомъ говорить *Liberal*, который выходитъ въ Барселонѣ: «Вчера (20 янв.) долженствовалъ итти, во второй разъ, новый балетъ *Нимфа Тага*. Холодъ былъ ужасный. Бѣдныя танцовщицы, страшась мороза, никакъ не соглашались разстаться съ своими теплыми плащами. Ихъ должны были везти въ театръ силою. Прибывъ туда, онѣ замѣтили, что вода, которой следовало течь въ этомъ балетѣ, замерзла... да, замерзла, въ Испаніи, въ защищенномъ отъ непогоды зданіи! Фи-

турантки ужаснулись, и не согласились танцевать. По этому случаю дали другой балетъ: *Украинскія увеселенія*, известную и хорошенкую піесу, въ которой всѣ танцуютъ въ шубахъ, потому что дѣйствие ея происходитъ на сѣверѣ.»

— Въ Нью-Йоркѣ, на театрѣ Бовери (Bovary), готовили недавно большую «военно-морскую» пантомиму, изображающую кончину Наполеона и перенесеніе праха его въ Парижъ; для постановки на сцену этого произведения были уже израсходованы довольно большія суммы, но по томъ о немъ вдругъ перестали говорить.

ФИО. 6983

